ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Право № 3 (87), 2026

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:
Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.

© Тверской государственный университет, 2026

VESTNIK
TVER STATE UNIVERSITY

Series: Law № 3 (87), 2026

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:
Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Tver State University»

Editorial Board of the Series:
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina (editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:
Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without the written permission of the publisher.

© Tver State University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Кокова Д.А.
Некоторые проблемы определения правовой природы отношений, возникающих из договора о приемной семье……..9
Кулаков В.В.
Значение имени и иных средств индивидуализации гражданина для его семейно-правового статуса: некоторые проблемы правоприменительной практики……18
Туманова Л.В.
Путеводная звезда……28

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.
Традиционные духовно-нравственные ценности как ориентир стратегического развития государства……...40
Агеева Е.А.
Роль судебной власти в механизме защиты единства народов России как духовно-нравственной ценности…….50
Арзуманова С.М.
Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России и проблемы формирования у молодежи ценности народного единства…….56
Балаян Э.Ю.
Единство народов России: конституционно-правовые основы и значение для государства…….64
Викторов В.Ю.
Юридическая категории «иноземец», «иноверец» и «инородец» в контексте реализации государственной идеологии Российской империи…….74
Дробязко С.Р.
Правовые инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей…….....80
Забелина Т.А.
Механизмы сохранения традиционных ценностей: роль Общественной палаты Тверской области в общественном диалоге……..88
Иванов И.В.
Конституционно-правовое правопреемство в соотношении с «родственными» категориями: анализ доктрины, законодательства и правоприменительной практики……97
Копылов В.В., Кондратьев С.Д.
Проблемы организации противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации……...106

Костылева Е.Д.
Конституционно-правовые основы обеспечения единства многонационального народа российского общества……...114
Кувырченкова Т.В.
Территориальная оборона в регионах: особенности, проблемы…….121
Ливеровский А.А.
Системно-ценностные основы российского конституционализма……130
Матвеев П.А.
Социальная справедливость как условие сохранения единства народов России: конституционно-правовой анализ выравнивания статуса субъектов Российской Федерации…….139
Михеева Т.Н.
Духовно-нравственные критерии в цифровом профиле служащих органов публичной власти…….146
Очагова В.С.
Категория «единство народов Российской Федерации» в системе «правовых координат»……...153
Селихов Н.В.
Русский мир как самобытная цивилизация……...160
Соколова А.И.
Учет исторических и иных местных традиций при проведении муниципальной реформы как механизм обеспечения конституционной ценности единства народов России……...168
Таева Н.Е.
Институт гражданства в обеспечении единства многонационального народа России: исторический опыт и новые вызовы……..177
Тимофеев Н.С.
Духовно-нравственные ценности как ментальность российской цивилизации……187
Тороп Ю.В.
Традиционные российские духовно-нравственные ценности как аксиологическая основа понятийного аппарата муниципального права…….198
Тхабисимова Л.А.
Духовно-нравственные начала идентичности российского народа в системе конституционных ценностей……...208
Федина А.С.
Применение духовно-нравственных ценностей при рассмотрении гражданских дел……..214
Шупицкая О.Н.
Общность духовно-нравственных традиционных ценностей как основа единства народов России и Беларуси……224

Юстус О.И.
Влияние понятия «гражданственность» на формирование и реализацию финансово-правового статуса физических лиц……232

Трибуна молодого ученого

Емельяненко А.Д.
Единство народов как конституционно-правовая ценность: интеграционный потенциал миграционного законодательства (на примере регулирования статуса граждан государств-участников ЕАЭС)……..242
Ерофеева Ж.С.
Тактика работы защитника на стадии фиксации показаний……..249
Куликова А.О.
Защита профессиональных прав адвокатов в России: проблемы и пути их решения……...258
Таран Л.Г.
Институциональная роль адвокатуры в уголовных делах о привлечении медицинских работников к ответственности: профессионально-этический и междисциплинарный аспект…….270

CONTENT

Topical issues of private law

Kokova D.
Some problems of determining the legal nature of relations arising from a foster family agreement……9
Kulakov V.
The significance of a person's name and other means of individualization for their family and legal status: some problems in law enforcement practice……18
Tumanova L.
The guiding star……..28

Topical issues of public law

Antonova N.
Traditional spiritual and moral values as a guideline for the strategic development of the state…….40
Ageeva E.
The role of the judiciary in the mechanism of protecting the unity of the peoples of Russia as a spiritual and moral value……..50
Arzumanova S.
The constitutional and legal foundations of ensuring the unity of the peoples of Russia and the problems of forming the value of national unity among young people……..56
Balayan E.
Unity of the peoples of Russia: constitutional and legal foundations and significance for the state……..64
Viktorov V.
The legal categories of "foreigner", "infidel" and "alien" in the context of the implementation of the state ideology of the Russian Empire……..74
Drobyazko S.
Legal tools for implementing state policy to preserve and strengthen traditional values……..80
Zabelina T.
Mechanisms for preserving traditional values: the role of the public chamber of the Tver region in public dialogue……..88
Ivanov I.
Constitutional and legal succession in relation to "related" categories: an analysis of doctrine, legislation and law enforcement practice……97
Kopylov V., Kondratyev S.
Problems of countering religious extremism in the Russian Federation…..106
Kostyleva E.D.
Constitutional and legal foundations of ensuring the unity of the multinational people of russian society……...114

Kuvyrchenkova T.
Territorial defense in the regions: features and problems……121
Liverovskiy A.
System-value basis of the Russian constitutionalism……130
Matveev P.
Social justice as a condition for preserving the unity of the peoples of Russia: constitutional and legal analysis of equalizing the status of the subjects of the Russian Federation……139
Mikheeva T.
Spiritual and moral criteria in the digital profile of employees of public authorities……146
Ochagova V.
The category «unity of the peoples of the Russian Federation» in the system of «legal coordinates»……...153
Selikhov N.
The Russian world as an original civilization……160
Sokolova A.
Accounting for historical and other local traditions in the course of municipal reform as a mechanism for securing the constitutional value of the unity of the peoples of Russia……..168
Taeva N.
The institute of citizenship in ensuring the unity of the multinational people of Russia: historical experience and new challenges…….177
Timofeev N.
Spiritual and moral values as the mentality of russian civilization……187
Torop Yu.
Traditional Russian spiritual and moral values as the axiological basis of the conceptual apparatus of municipal law…….198
Tkhabisimova L.
Spiritual and moral principles of the identity of the russian people in the system of constitutional values…….208
Fedina A.
Application of spiritual and moral values in civil cases……214
Shupitskaya A.
Commonality of spiritual and moral traditional values as the basis for the unity of the peoples of Russia and Belarus…….224
Justus O.
The influence of the concept of "citizenship" on the formation and implementation of the financial and legal status of individuals…….232

Tribune of young scientist

Emelyanenko A.
The Unity of Peoples as a constitutional and legal value: the integration potential of migration legislation (on the example of regulating the status of citizens of the EAEU Member States)……...242
Erofeeva Z.
Tactics of the defence lawyer's work at the stage of fixing the testimony……..249
Kulikova A.
Protecting the professional rights of lawyers in Russia: problems and solutions……258
Taran L.
The institutional role of the bar in criminal cases involving the prosecution of medical professionals: a professional-ethical and interdisciplinary perspective……270

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.64
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.009

Некоторые проблемы определения правовой природы отношений, возникающих из договора о приемной семье

Д.А. Кокова

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик

В статье исследуются теоретические и практические проблемы определения правовой природы отношений, возникающих из договора о приемной семье. Анализируются существующие доктринальные подходы к пониманию данного договора как гражданско-правового либо семейно-правового института. Особое внимание уделяется вопросу самостоятельности приемной семьи как формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Автором рассматриваются соответствующие положения Семейного кодекса Российской Федерации, судебная практика, а также научные позиции представителей семейно-правовой науки. В результате делается вывод о сложной, комплексной природе отношений, возникающих из договора о приемной семье, которые сочетают публично-правовые, семейно-правовые и гражданско-правовые элементы.

Ключевые слова: *приемная семья, договор о приемной семье, опека, попечительство, семейное право, гражданское право, дети, оставшиеся без попечения родителей, органы опеки и попечительства.*

Проблема устройства детей, оставшихся без попечения родителей, традиционно относится к числу наиболее социально значимых направлений государственной политики. В современных условиях приоритетным направлением развития законодательства Российской Федерации выступает обеспечение воспитания детей в семейной среде. Этим объясняется особое внимание государства к институту приемной семьи.

Несмотря на сравнительно длительное существование этого института в российском праве, вопрос о правовой природе отношений, возникающих из договора о приемной семье, до настоящего времени остается дискуссионным. Научная полемика затрагивает сразу несколько взаимосвязанных аспектов: является ли договор о приемной семье гражданско-правовым либо семейно-правовым; обладает ли приемная семья признаками самостоятельной формы устройства детей; каково соотношение договора о приемной семье и института опеки (попечительства).

© Кокова Д.А., 2026

Практическое значение указанных вопросов трудно переоценить. От корректного определения правовой природы рассматриваемых отношений зависит не только механизм защиты прав и интересов ребенка, но и порядок применения норм законодательства, а также пределы ответственности сторон договора, в том числе гражданско-правовой.

В научной литературе выработано несколько подходов к решению данной проблемы. Одни авторы рассматривают договор о приемной семье преимущественно через призму гражданско-правовых обязательств. Другие, напротив, подчеркивают семейно-правовую природу отношений, возникающих между приемными родителями и ребенком.

Современное состояние законодательства и судебной практики также свидетельствует о невозможности однозначного отнесения договора о приемной семье исключительно к сфере гражданского либо семейного права. Данный договор обладает комплексной природой, обусловленной особым объектом правового регулирования, – устройством и воспитанием несовершеннолетнего ребенка.

В соответствии с п. 1 ст. 152 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) приемной семьей признаются опека или попечительство над ребенком либо детьми, осуществляемые по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями [1]. Из содержания данной нормы следует, что законодатель непосредственно связывает приемную семью с институтом опеки и попечительства. Анализ конструкции статьи позволяет заключить, что приемная семья не противопоставляется опеке, а рассматривается как особая договорная форма ее осуществления.

Подтверждение этого вывода содержится в п. 2 этой же статьи, согласно которому к отношениям, возникающим из договора о приемной семье, применяются положения гл. 20 СК РФ, регулирующей вопросы опеки и попечительства над детьми [1].

Таким образом, законодатель фактически встроил институт приемной семьи в систему отношений по опеке и попечительству. Именно данное обстоятельство стало основанием для научной дискуссии относительно самостоятельности приемной семьи как отдельной формы устройства детей.

О.Н. Низамиева справедливо отмечает, что приемная семья обладает рядом признаков, отличающих ее от классической модели опеки и попечительства. В частности, речь идет о наличии договора, выплате вознаграждения приемным родителям, а также о повышенном контроле со стороны органов опеки и попечительства. Также исследователь подчеркивает, что указанные особенности не изменяют сущности отношений, поскольку правовой основой устройства ребенка остается именно опека [7]. Схожей позиции придерживаются и другие ученые,

отмечающие, что приемная семья представляет собой особую разновидность возмездной опеки, в рамках которой публичный интерес государства сочетается с семейным воспитанием ребенка [6].

Иную точку зрения высказывает А.Н. Левушкин, представляющий договор о приемной семье как институт смешанной правовой природы. По мнению ученого, рассматриваемые отношения невозможно полностью охарактеризовать исключительно средствами семейного либо гражданского права, поскольку они одновременно содержат элементы обоих отраслей [5]. Данный подход наиболее полно отражает современное состояние правового регулирования.

Во-первых, отношения по передаче ребенка в приемную семью действительно возникают на основании договора, что традиционно характерно для гражданско-правового регулирования. Во-вторых, содержание этих отношений связано с личным воспитанием ребенка, обеспечением его интересов, созданием условий для развития личности несовершеннолетнего, что относится к предмету семейного права.

Кроме того, в рассматриваемой сфере присутствует значительный публично-правовой элемент. Государство в лице органов опеки и попечительства не только участвует в заключении договора, но и осуществляет постоянный контроль за условиями жизни и воспитания ребенка.

Одним из наиболее спорных вопросов остается определение отраслевой принадлежности договора о приемной семье. Сторонники гражданско-правовой концепции обращают внимание прежде всего на договорный характер отношений. Так, О.Ю. Ильина отмечает, что заключение договора предполагает наличие взаимных прав и обязанностей сторон, согласование условий, возможность изменения и прекращения обязательства, а также наступление ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей [4]. Действительно, договор о приемной семье обладает рядом признаков гражданско-правового договора: заключается на определенный срок; предусматривает взаимные права и обязанности сторон; предполагает выплату вознаграждения приемным родителям; допускает досрочное прекращение; оформляется в письменной форме. Кроме того, отдельные положения Гражданского кодекса РФ могут применяться к отношениям сторон по аналогии, если это не противоречит существу данных правоотношений.

Однако сведение договора о приемной семье исключительно к гражданско-правовой конструкции представляется чрезмерным упрощением. Прежде всего, предмет договора не носит имущественного характера. Основная цель соглашения заключается не в удовлетворении экономических интересов сторон, а в обеспечении прав и законных интересов ребенка. Приемные родители принимают на себя обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, обеспечению условий его

проживания, обучению, развитию и защите прав. Такие обязанности не могут рассматриваться как обычное гражданско-правовое обязательство. Некоторыми авторами обоснованно отмечается, что отношения между приемными родителями и ребенком имеют ярко выраженный личный характер и основаны не только на юридической обязанности, но и на морально-нравственных началах [8].

Семейно-правовая концепция, напротив, исходит из приоритета личных неимущественных отношений. Ее сторонники подчеркивают, что приемная семья направлена прежде всего на создание ребенку условий, максимально приближенных к семейному воспитанию.

Данный подход также не лишен недостатков. Во-первых, между приемными родителями и ребенком не возникает полного объема прав и обязанностей, характерных для отношений между родителями и детьми. Приемные родители не приобретают статуса родителей. Во-вторых, отношения приемной семьи носят временный характер и прекращаются по истечении срока договора либо при достижении ребенком совершеннолетия. В-третьих, существенным отличием приемной семьи от традиционных семейных отношений выступает наличие государственного контроля и финансирования.

Таким образом, договор о приемной семье действительно обладает комплексной природой, что предопределяет невозможность его однозначной квалификации.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении приемной семьи и института опеки (попечительства). В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости признания приемной семьи самостоятельной формой устройства детей. О.Ю. Ильина отмечает, что наличие договора придает рассматриваемым отношениям качественно иной характер по сравнению с обычной опекой. В отличие от последней, приемная семья предполагает профессионализированное выполнение обязанностей по воспитанию ребенка [4]. Действительно, приемные родители проходят специальную подготовку, взаимодействуют с органами опеки и попечительства, получают вознаграждение за исполнение обязанностей.

Однако указанные особенности не свидетельствуют о полной самостоятельности рассматриваемого института. Правовым основанием возникновения полномочий приемных родителей выступает не только договор, но и акт органа опеки и попечительства. Данный вывод подтверждается положениями ст. 145 СК РФ и Правил заключения договора об осуществлении опеки или попечительства в отношении несовершеннолетнего подопечного [2]. Следовательно, механизм передачи ребенка в приемную семью носит двухступенчатый характер: 1) орган опеки принимает решение о назначении опекуна (попечителя); 2) между сторонами заключается договор о приемной семье. Именно поэтому данный договор сам по себе не может рассматриваться как

единственное основание возникновения соответствующих правоотношений.

Судебная практика также свидетельствует о тесной связи приемной семьи с институтом опеки. Так, в Решении Верховного Суда РФ от 13.01.2009 г. № ГКПИ08-2132 было указано, что отношения, возникающие между органом опеки и приемными родителями, регулируются специальными нормами семейного законодательства, а не исключительно гражданско-правовыми положениями [10]. Данный подход демонстрирует, что в этих правоотношениях классический принцип свободы договора существенно ограничен публичными интересами.

Сложная правовая природа договора о приемной семье к тому же порождает многочисленные проблемы в правоприменительной деятельности. Одной из наиболее распространенных категорий споров являются дела, связанные с прекращением договора о приемной семье. Нередко органы опеки и попечительства принимают решение о досрочном расторжении договора, мотивируя это ненадлежащим исполнением приемными родителями обязанностей по воспитанию ребенка. В подобных случаях возникает вопрос о правовой природе ответственности приемных родителей.

Если рассматривать договор о приемной семье как гражданско-правовое соглашение, представляется обоснованным применение общих положений о гражданско-правовой ответственности. Однако судебная практика идет по иному пути. В одном из своих решений Верховный суд РФ указал, что оценка деятельности приемных родителей должна осуществляться прежде всего исходя из интересов ребенка, а не формального анализа условий договора [9]. Суд подчеркнул, что сам по себе факт наличия конфликтов между ребенком и приемными родителями не свидетельствует автоматически о ненадлежащем исполнении обязанностей.

В своем Обзоре практики рассмотрения судами в 2012–2014 гг. дел о взыскании задолженности по выплате денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой (попечительством), за счет казны субъекта Российской Федерации, Верховный суд также описывает спор, где орган опеки потребовал возврата выплаченного вознаграждения после расторжения договора о приемной семье. Суд отказал в удовлетворении требований, указав, что отношения сторон не могут регулироваться исключительно нормами о возмездном оказании услуг [11].

Данный вывод, по мнению автора, обоснован. Вознаграждение приемным родителям не является платой за услугу в классическом гражданско-правовом понимании. Государство компенсирует часть расходов и стимулирует семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей.

Еще одной серьезной проблемой остается вопрос о пределах вмешательства государства в жизнь приемной семьи. С одной стороны, контроль со стороны органов опеки необходим для защиты интересов ребенка, с другой – чрезмерное вмешательство способно негативно сказаться на психологическом климате в семье. Исследователи отмечают, что приемная семья должна рассматриваться не как объект административного управления, а как особая форма семейного воспитания, требующая разумного баланса между автономией семьи и государственным контролем [6].

На практике данный баланс достигается далеко не всегда. В ряде случаев органы опеки слишком формализовано подходят к оценке условий жизни ребенка, что приводит к конфликтам с приемными родителями и подрывает доверие к институту приемной семьи в целом.

При анализе правовой природы отношений, возникающих из договора о приемной семье, невозможно игнорировать их социальную и психологическую специфику. В отличие от большинства гражданско-правовых обязательств, рассматриваемые отношения непосредственно связаны с формированием личности ребенка. Ж.А. Захарова обращает внимание на необходимость учета особенностей жизненного опыта ребенка, оставшегося без попечения родителей. Многие дети переживают психологическую травму, связанную с утратой семьи, неблагополучием, насилием либо длительным пребыванием в организации для детей-сирот [3].

Следовательно, приемная семья не может рассматриваться исключительно как юридическая конструкция. Отношения между приемными родителями и ребенком неизбежно приобретают эмоциональный и личностный характер, что существенно отличает их от большинства договорных обязательств.

Вместе с тем спорно утверждение о том, что приемная семья полностью тождественна обычной семье. Приемные родители выполняют важнейшую социальную функцию по воспитанию ребенка, однако юридически они не приобретают статуса родителей. После прекращения договора соответствующие правоотношения прекращаются. Между сторонами не возникают наследственные права, алиментные обязательства и иные последствия, характерные для родства.

Именно поэтому следует согласиться с позицией тех авторов, которые рассматривают приемную семью как особую форму социального устройства ребенка, а не как полноценную юридическую модель семьи. При этом нельзя отрицать, что в ряде случаев между приемными родителями и ребенком формируются устойчивые эмоциональные связи, сохраняющиеся и после достижения ребенком совершеннолетия. Однако данные связи носят преимущественно социальный и нравственный характер.

Итак, законодательство о приемной семье нуждается в совершенствовании. Прежде всего в части более четкого закрепления правовой природы соответствующего договора. В настоящее время законодатель использует одновременно гражданско-правовые и семейно-правовые конструкции, что нередко приводит к неоднозначному толкованию норм. Целесообразно закрепить на законодательном уровне комплексный характер рассматриваемых отношений.

Кроме того, требует уточнения вопрос о пределах применения гражданского законодательства к отношениям, возникающим из договора о приемной семье. В частности, необходимо определить: возможность применения общих норм о гражданско-правовой ответственности; пределы изменения условий договора; особенности расторжения договора; основания возмещения расходов приемным родителям.

Отдельного внимания заслуживает проблема подготовки приемных родителей. На практике многие конфликты возникают вследствие недостаточной психологической и педагогической готовности граждан к воспитанию приемного ребенка. Поэтому развитие института сопровождения приемных семей должно рассматриваться как одно из ключевых направлений государственной политики.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о сложной и комплексной правовой природе отношений, возникающих из договора о приемной семье. Данные отношения невозможно квалифицировать исключительно как гражданско-правовые либо семейно-правовые. С одной стороны, договор о приемной семье обладает признаками гражданско-правового договора, с другой стороны, содержание этих отношений связано с воспитанием ребенка, защитой его прав и интересов, что относится к сфере семейного права.

Кроме того, существенную роль играет публично-правовой элемент, выражающийся в активном участии государства в регулировании и контроле рассматриваемых отношений. Следовательно, наиболее обоснованным представляется подход, рассматривающий договор о приемной семье как институт смешанной правовой природы.

При этом приемная семья не может полностью отождествляться с традиционной семьей в юридическом смысле, поскольку между приемными родителями и ребенком не возникает полного объема семейных прав и обязанностей.

Впрочем, основной целью законодательства о приемной семье должно оставаться обеспечение наилучших условий для воспитания и развития ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 г. № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан»// СПС «Гарант».

3. Захарова Ж.А. Социально-педагогическое сопровождение процесса воспитания приемного ребенка в замещающей семье: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Кострома, 2009. 42 с.

4. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном законодательстве: объективные формы и субъективное содержание // Судебная психиатрия: современные проблемы теории и практики (диагностика, экспертиза, профилактика) материалы научно-практической конференции с международным участием. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, 2018. С. 74–76.

5. Левушкин А.Н. Юридические особенности и правовая природа приемной семьи в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2011. № 6. С. 15–19.

6. Летова Н. В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 174–179.

7. Низамиева О.Н. Некоторые теоретические вопросы института приемной семьи // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. № 4. С. 107–113.

8. Рабец А.М. Принцип государственной охраны семьи, материнства, отцовства и детства в системе конституционного регулирования семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2024. № 1. С. 18–21.

9. Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.09.2018 г. № 5-КГ18-196 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Решение Верховного Суда РФ от 13.01.2009 г. № ГКПИ08-2132 «Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующим абзаца второго пункта 4 Разъяснения о порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия по уходу за ребенком, утв. Приказом Минздравсоцразвития РФ № 177н, ФСС РФ № 91 от 16.04.2008» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Обзор практики рассмотрения судами в 2012–2014 годах дел о взыскании задолженности по выплате денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой (попечительством), за счет казны субъекта Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

Кокова Диана Аслановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ИПЭиФ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173), SPIN-код: 4452-2498, AuthorID: 979544, e-mail: d.kokowa@yandex.ru

Some problems of determining the legal nature of relations arising from a foster family agreement

D.A. Kokova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik

The article explores the theoretical and practical issues of determining the legal nature of relations arising from a foster family agreement. It analyzes the existing doctrinal approaches to understanding this agreement as a civil or family law institution. Special attention is given to the issue of the independence of foster families as a form of care for children who have been left without parental care. The author examines the relevant provisions of the Family Code of the Russian Federation, court practice, and the scientific views of family law scholars. As a result, it is concluded that the relationship arising from the foster care agreement is complex and multifaceted, combining public law, family law, and civil law elements.

Keywords: *foster family, foster care agreement, guardianship, trusteeship, family law, civil law, children left without parental care, guardianship and trusteeship bodies.*

About author:

Kokova Diana – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (360004, Nalchik, Chernyshevsky St., 173), SPIN-code: 4452-2498, AuthorID: 979544, e-mail: d.kokowa@yandex.ru

Кокова Д.А. Некоторые проблемы определения правовой природы отношений, возникающих из договора о приемной семье // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 9–17.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 347.6
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.018

Значение имени и иных средств индивидуализации гражданина для его семейно-правового статуса: некоторые проблемы правоприменительной практики

В.В. Кулаков

ФГБОУВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России), Москва

Статья посвящена анализу имени гражданина и иных средств его индивидуализации. Обращено внимание на правила присвоения имени при регистрации ребенка и ограничение прав родителей в этой сфере. Определены требования к имени, установлено его влияние на такое средство индивидуализации гражданина как собственноручная подпись. Выявлены наиболее актуальные проблемы, связанные с использованием имени. Обращается внимание на проблемы, связанные с переменой имени в связи со сменой пола. Анализируется судебная практика, связанная с указанием национальной принадлежности гражданина. Обращается внимание на связь семейно-правового и гражданско-правового статусов гражданина, а также проблему его цифрового профиля.

Ключевые слова: *семейно-правовой статус гражданина, средства индивидуализации, имя, подпись гражданина, перемена имени.*

Для участия субъектов в правоотношениях любой отраслевой принадлежности необходима их индивидуализация. Особенно важно установить, что воля в юридических актах исходит именно от того субъекта. Соответственно важна его идентификация по различным признакам. Правовые основы такой индивидуализации закреплены в нормативных правовых актах частноправовой направленности, в первую очередь в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ).

В ГК РФ термин «средства индивидуализации» прямо не применяется к гражданам. О правах на такие средства упоминается лишь применительно к юридическим лицам, товарам, работам, услугам и предприятиям (гл. 76 ГК РФ). Очевидно, однако, что для физического лица эту роль в первую очередь выполняет имя (фамилия, имя, отчество) – именно под ним человек приобретает и осуществляет права и обязанности. Нормы об имени закреплены в ст. 19 ГК РФ, ст. 58, 59 СК РФ, а также в ст. 18, 58–63 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [1, 2, 3].

Несмотря на важность имени как средства индивидуализации граждан, очевидно, что набор имен ограничен. Часты случаи полного совпадения имени, отчества и фамилии. В таком случае необходимо учитывать и иные средства индивидуализации, такие как дата и место

© Кулаков В.В., 2026

рождения гражданина. ГК РФ упоминает место жительство гражданина (ст. 20), которое также можно рассматривать как средство индивидуализации. Вместе с тем нам представляется, что в качестве таковых будут выступать и иные признаки: внешность, голос, подпись. Безусловно, что люди могут быть похожи и по внешности, и по голосу, иметь сходную подпись. Поэтому идентификация участника правоотношений производится по совокупности всех признаков. Поэтому, в частности, распространяется практика видеофиксация процесса заключения договоров, хотя и имеющих письменную форму, т. е. предполагающих приложение собственноручной подписи. Известно также обсуждение законопроекта, пусть не получившего одобрения Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, о внесении изменений в ГК РФ норм о защите прав не только на изображение (что связано с внешностью), но и голоса.

В советском законодательстве необходимым признаком, находящем отражение в паспорте гражданина СССР, также была национальность гражданина. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), оценивая соответствие Конституции положений ст. 22, 23, 29, 69, 70 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» и ст. 264, 265, 267 ГПК РФ, указал, что они не препятствуют возможности установления судом факта принадлежности к определенной национальности при соблюдении условий особого производства [11].

Иногда граждане требуют от органов ЗАГС внесение в документы также сведений о гражданстве. Так, уроженец республики Кыргызстан Э.А.У., получивший гражданство России, обратился с заявлением в орган ЗАГС о том, чтобы в свидетельстве о рождении его дочери в графе отец было бы указание, что он является гражданином Кыргызстана. Получив отказ, Э.А.У. обратился суд. По мнению заявителя жалобы, суд первой инстанции неправильно истолковал ст. 23 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», поскольку запись о национальности родителей (одного из родителей) может быть внесена в свидетельство о рождении по желанию родителей. На основании его заявления должны быть внесены изменения в актовую запись о рождении ребенка в части указания в графе отец – гражданин Киргизской Республики. Судебные инстанции признали действия органа ЗАГС правомерными, поскольку на момент составления актовой записи о рождении Э.А.А. ее отец Э.А.У. действительно являлся гражданином России [16].

Обратим внимание, что гражданство и национальная принадлежность – это разные понятия. Напомним, что в дореволюционной России необходимо было указывать и вероисповедание. В свое время Конституционный Суд РФ установил, что Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» не устанавливает запрета на внесение сведений о национальности в запись

акта о рождении и свидетельство о рождении по желанию заинтересованных лиц, но состав обязательных сведений в свидетельстве о рождении (ч. 1 ст. 23 данного Федерального закона) не включает сведения о национальности, что по буквальному смыслу соответствующих положений во взаимосвязи с положением части второй этой статьи предполагает учет волеизъявления данных лиц о включении или не включении таких сведений [12].

Как отмечалось, развитие положений ГК РФ о средствах индивидуализации граждан находит место в семейном законодательстве, в частности в нормах об имени и его перемене (ст. 58, 59 СК РФ).

На практике возникает ряд проблемных вопросов, связанных с наделением гражданина именем. Имя сопровождает любого человека, является его основным средством индивидуализации. В силу естественных причин может измениться внешность, голос, подпись. Учитывая право граждан на свободу передвижения, может измениться место жительства.

Имя, как отмечалось, понятие сложное, включающее собственно имя (связь только с этим лицом), отчество (связь с отцом) и фамилия (связь с семьей).

Как отмечалось, рождение ребенка сопровождается присвоением ему имени. В этом проявляется право так называемой родительской власти[1] (по терминологии Свода Законов Российской Империи, т. X, глава II), которая в современном российском законодательстве трансформировалась в родительские права и обязанности (гл. 12 СК РФ). Родители могут назвать ребенка именем, которое в дальнейшем может вызывать негативную реакцию со стороны окружающих. Во многих правопорядках были предусмотрены нормы, ограничивающие такое право родителей. Так, Закон Эстонии от 15.12.2004 г. «Об именах», имея целью установить принципы и порядок присвоения имен, их использования, а также заложить основы единого подхода к личным именам для граждан Эстонии и иностранцев, которые живут в стране, предусмотрел ряд жестких правил. При присвоении имени ребенку можно дать не более трех имен, написанных раздельно, либо два имени, соединенных дефисом. А вот в повседневной жизни человек может использовать одно или несколько имен. В качестве имени не могут быть без уважительной причины присвоены: цифры или несловесные знаки (кроме дефиса); необычное имя, которое не пригодно для использования ввиду его сложного или не соответствующего общим правилам употребления языка написания или произношения либо по его общеязыковому значению; имя, которое само по себе или в сочетании с

[1] А.В. Сумачев определяет родительскую власть как право родителей формировать необходимое с их точки зрения поведение своих детей, реализуемое в допустимых законом и/или традициями формах [10, с. 98].

фамилией противоречит общепринятым нормам добропорядочности; имя, совпадающее с фамилией; имя, не соответствующее полу лица; имя или сокращенная форма имени, используемые в качестве общеизвестного личного имени; имя или служебное имя общеизвестного автора.

В России также теперь содержатся подобного рода запреты: при выборе родителями имени ребенка не допускается использование в его имени цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации, либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы (п. 2 ст. 58 СК РФ). Однако, как видим, законом не запрещается присвоение нестандартных имен, которые в дальнейшем могут испортить жизнь ребенку. В Государственной Думе Российской Федерации разработан законопроект, который предусматривает введение ограничений на выбор имен для новорожденных, о чем сообщила первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Татьяна Буцкая [5].

Имя – самое «стойкое» средство индивидуализации. Однако имеются исключения и в этой сфере. Так, принято изменение фамилии женщины при вступлении в брак, которое является частью самой процедуры заключения брака, и очевидно, собственно изменением имени не является. Вместе с тем, в законодательстве закреплен институт перемены имени, когда имя, условно скажем, меняется кардинально, с изменением в первую очередь имени собственного. В этом случае изменение имени происходит по субъективным причинам по воле самого лица (или родителей, усыновителей в соответствующих случаях). В отношение несовершеннолетних имеется особая процедура, в отношение остальных граждан процедура безусловная. Однако, изменяя имя, граждане могут преследовать и цели сокрытия своего преступного прошлого. Отметим, что в Эстонии, лицо, осужденное за определенные преступления (в том числе против половой свободы несовершеннолетнего), сменить имя сможет лишь при условии прохождения сложной процедуры. Формально закон не ограничивает такую возможность – человек может подать заявление, если найдет уважительную причину (например, желание вернуть фамилию предков, сложность имени или наличие тезки) [9]. Вместе с тем, в той же Эстонии обсуждается законопроект об изменении закона о личных именах с целью ограничить возможность для осуждённых преступников путем смены имени фактически «обнулить» свою биографию. Согласно проекту, запрет коснется лиц, осужденных за убийства, изнасилования, сексуальные преступления против детей, торговлю людьми, терроризм, государственную измену, крупную наркоторговлю, отмывание денег и

другие тяжкие преступления[2]. Возможно, данная проблема должна быть поднята и в российской науке семейного права.

Обратим внимание на то, что согласно правилам русского языка, отчество для мужчин и женщин пишется по-разному: «Владимирович – Владимировна». В связи с этим в судебной практике рассматривалось весьма интересное дело, связанное с переменой имени в связи со сменой пола [14, 15]. Так, гражданином в Таганский отдел ЗАГС Управления ЗАГС 28.06.2023 г. через МФЦ подано заявление о внесении изменений в запись акта о рождении в части пола ребенка (с мужского на женский), фамилии, имени (на Таисия), отчества (с Тахирович на Тахировна), приложив справку об изменении пола от 16.01.2023 г. № 4, выданную медицинским учреждением. Таганским отделом ЗАГС принято решение от 28.07.2023 г. № 40-04694 об отказе во внесении изменений в запись акта о рождении от 26.11.1977 г. № 5017, составленную отделом ЗАГС. Отказ мотивирован тем, что 24.07.2023 г. вступил в силу Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 386-ФЗ, которым установлен запрет на смену пола человека и определен новый документ, необходимый для внесения изменений в запись акта гражданского состояния, – медицинское заключение врачебной комиссии медицинской организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения о соответствии половых признаков признакам определенного пола, выданное в соответствии с ч. 2 ст. 45.1 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Суд поддержал орган ЗАГС. Таким образом формально может сложиться ситуация, когда человек, сменивший в прежнее время пол, может остаться с именем, включающим в себя не свойственное новому полу отчество.

О.Ю. Ильина обращает внимание на проблему, связанную со сходными по написанию именами – отчествами: Софья-София, Геннадиевич-Геннадьевич. Ошибки в написании таких имен могут в дальнейшем принести гражданам много проблем. Ученый поддерживает подход, согласно которому суды защищают граждан при возникновении споров с органами ЗАГС [7]. Также она ставит весьма актуальную проблему, связанную с применением буквы «Ё» в имени гражданина [6], обращая внимание на то, что эта пресловутая буква может быть совершенно не значима в обиходе, но весьма важна при совершении юридически значимых действий. Очевидно, что определение имени в точном соответствии с происхождением человека, его волей возможно, как в процессе особого производства (например, установление родства,

[2] URL: https://gazeta.ee/estonia/v-estonii-hotyat-zapretit-ubijczam-nasilnikam-i-narkotorgovczam-menyat-familii/ (дата обращения: 06.08.2026).

внесение исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния и др.), так и в исковом производстве.

Присвоение имени – это прерогатива родителей. Имя ребенку дается по соглашению родителей (п. 1 ст. 58 СК РФ). Согласно п. 1 ст. 18 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» при государственной регистрации рождения фамилия ребенка записывается по фамилии его родителей. При разных фамилиях родителей по соглашению родителей ребенку присваивается фамилия отца, фамилия матери или двойная фамилия, образованная посредством присоединения фамилий отца и матери друг к другу в любой последовательности, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации. Не допускается изменение последовательности присоединения фамилий отца и матери друг к другу при образовании двойных фамилий у полнородных братьев и сестер. Двойная фамилия ребенка может состоять не более чем из двух слов, соединенных при написании дефисом. Как видим, имеются императивные предписания, не позволяющие присваивать родителям своему ребенку чужие отчества или фамилии. В отношении остального требуется их соглашение. При отсутствии соглашения между родителями имя ребенка и (или) его фамилия (при разных фамилиях родителей) записываются в записи акта о рождении ребенка по указанию органа опеки и попечительства.

Вместе с тем закон позволяет обратиться с заявлением о регистрации ребенка, а, соответственно, и присвоением ему имени, не только родителям. Нормы ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» определяют, что в случае, если родители не имеют возможности лично заявить о рождении ребенка, заявление о рождении ребенка может быть сделано родственником одного из родителей или иным уполномоченным родителями (одним из родителей) лицом либо должностным лицом медицинской организации или должностным лицом иной организации, в которой находилась мать во время родов или находится ребенок. Одновременно с подачей заявления о рождении ребенка должен быть представлен документ, подтверждающий факт рождения ребенка, а также должны быть предъявлены документы, удостоверяющие личности родителей (одного из родителей) или личность заявителя и подтверждающие его полномочия, и документы, являющиеся основанием для внесения сведений об отце в запись акта о рождении ребенка.

Обратим особое внимание на требование предоставления должностным лицам органа ЗАГС подтверждения соответствующих полномочий. Зачастую, заявление о регистрации ребенка подают родственники (бабушки или дедушки), они же и предлагают имя, причем, как свидетельствует практика, отличное от того, что предполагали родители. В советское время такая практика была повсеместной в силу занятости родителей на работе. Полагаю, что, если родителей не устроит

имя ребенка, внесенное в свидетельство о рождении, при условии, что заявление подавалось родственником при наличии соответствующей доверенности, единственным вариантом остается перемена имени в установленном порядке. Если орган ЗАГС совершил такую регистрацию в отсутствие полномочий заявителя, возможно изменение актовой записи. При этом поскольку закон, говоря о необходимости подтверждать полномочия, не устанавливает их формы, полагаю подлежащими применению нормы гл. 10 ГК РФ, т. е. допускается доверенность в простой письменной форме.

Как отмечалось, одним из средств индивидуализации гражданина является его подпись, являющаяся необходимым реквизитом любого письменного документа и свидетельствующая о воле данного гражданина на возникновение соответствующих юридических последствий [8]. Возникает вопрос о связи подписи и имени. Несмотря на значимость процедуры подписания, определения подписи и требований к ней в законе не содержится. На первый взгляд представляется очевидным, что подпись – это собственноручная роспись на документе. Однако при все кажущейся очевидности, такой пробел не всегда способствует правильному правоприменению. На практике встают вопросы: каковы требования к форме подписи, какие элементы она должна содержать, должна ли она иметь связь с фамилией, может ли выражаться не в буквенных символах, должна ли сопровождаться расшифровкой?

Образец подписи содержит паспорт, который является документом, удостоверяющим личность гражданина. Совершая сделку, должник в силу правила ст. 312 ГК РФ вправе удостовериться в личности кредитора, и, соответственно, сверить подпись на договоре с образцом подписи в паспорте. В Положении о паспорте гражданина Российской Федерации, образца и описания бланка паспорта гражданина Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 23.12.2023 г. № 2267) требований к подписи не предусмотрено, в том числе о необходимости хоть какой-то связи с именем. Отметим, однако, что в ряде случаев такая связь может иметь решающее значение при рассмотрении спора. Так, в суде было оспорено заявление об отмене завещания как неподписанное. В нем, по мнению истца, в нарушение действующего на тот момент ГОСТа Р 6.30-2003 отсутствовала личная подпись наследодателя в виде графического знака, а была лишь расшифровка фамилии, хотя и выполненная самим завещателем [4]. Коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что в гражданском законодательстве и законодательстве о нотариате требований или ограничений относительно подписи завещателя, степени его полноты и способа графического исполнения указанные выше нормы материального права не содержат, расшифровка фамилии была совершена завещателем собственноручно, а ГОСТ Р 6.30-2003, на

который ссылалась истец, распространяется на организационно-распорядительные документы и носит рекомендательный характер [13]. Соответственно, расшифровка подписи в данном случае была квалифицирована как подпись, поскольку имела связь с именем. Заметим, что законом не запрещено иметь несколько подписей, однако если же текст завершает иной графический знак, набор букв, слов, но не связанных с именем, которое согласно ст. 19 ГК РФ включает в себя собственно имя, отчество и фамилию, считать письменную форму соблюденной оснований нет. Полагаем, что при оценке некого графического знака как подписи суд может расценить необходимость связи подписи с именем в силу правового обычая (ст. 5 ГК РФ).

Таким образом можно отметить, что центральное место среди средств индивидуализации гражданина занимает его имя. Однако в процессе правоприменительной деятельности необходимо учитывать и иные такие средства: место жительства, подпись. Вполне вероятно, что учету подлежат и внешний облик, голос, если возникнет вопрос о подлинности волеизъявления с учетом уже имеющейся практики видеофиксации сделок.

Статья 4 СК РФ устанавливает, что к семейно-правовым отношениям применяются нормы гражданского законодательства, т. к. это не противоречит существу семейных отношений. Это весьма важно, поскольку значимая часть предмета семейного права – это имущественные отношения, возникающие в том числе из сделок. В п. 2 ст. 1 ГК РФ закреплено, что граждане и организации приобретают права и обязанности своей волей и в своем интересе, поэтому важно установить, что именно этот субъект изъявляет волю.

Отметим также, что в последнее время все большее число правовых отношений возникает в связи с цифровыми платформами, что требует дополнительные, прямо не предусмотренные законом, идентифицирующие признаки гражданина: номер телефона, адрес электронной почты, аккаунт в социальной сети и т.д. Данное обстоятельство необходимо учитывать, в том числе в случаях участия и в семейных правоотношениях, поскольку, например, портал «Госуслуги» предполагает реализацию через него и семейных прав, например, подачу заявления на регистрацию брака и т.п. Юридическое значение цифрового профиля заключается в идентификации гражданина в праве и тем самым влияет также на динамику правоотношений. Ответов на все возникающие в жизни вопросов в судебной практике недостаточно и требуют дополнительного изучения.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026 г., с изм. от 15.05.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс».

4. ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 28.01.2025 г. № 30-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

5. В ГД разработали законопроект о запрете нестандартных имен [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/02/10/v-gd-razrabotali-zakonoproekt-o-zaprete-nestandartnyh-imen.html (дата обращения: 05.08.2026).

6. Ильина О.Ю. К вопросу о значении буквы «Ё» в имени гражданина при государственной регистрации актов гражданского состояния и защите персональных данных // Вестник ТвГУ. Серия: Право (2). 2015. № 2. С. 27–36.

7. Ильина О.Ю. Судебный акт как основание внесения исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12. С. 72–75.

8. Кулаков В.В. Некоторые аспекты применения собственноручной подписи при совершении гражданско-правовых сделок // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 3 (54) С. 48–54.

9. МК Эстония [Электронный ресурс]. URL: mke.ee (дата обращения: 05.08.2026).

10. Сумачев А.В. Уголовно-правовые грани осуществления родительской власти // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 95–101.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2025 г. № 1216-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Цветковой Анастасии Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьями 264, 265 и 267 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 статьи 22, статьей 23, пунктом 1 статьи 29, статьями 69 и 70 Федерального закона ”Об актах гражданского состояния”» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 г. № 628-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Д.Г., Д.Ю. и Д.Д. на нарушение их конституционных прав пунктом 2 статьи 69 Федерального закона ”Об актах гражданского состояния”» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Определение Верховного Суда РФ от 22.07.2014 г. № 18-КГ14-70 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.04.2025 г. по делу № 33-12564/2025 (УИД 77RS0012-02-2023-018594-18) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Апелляционное определение Московского городского суда от 25.09.2024 г. по делу № 33а-7730/2024 (УИД 77RS0026-02-2023-014025-82) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.06.2018 г. по делу № 33-27551/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

КУЛАКОВ Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ФГБОУВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) (127051, г. Москва, Большой Каретный переулок, 10Ас1), SPIN-код: 8045-0882, AuthorID: 360159, e-mail: 79057327361@yandex.ru

The significance of a person's name and other means of individualization for their family and legal status: some problems in law enforcement practice

V.V. Kulakov

All-Russian State University of Justice, Moscow

This article analyzes a citizen's name and other means of individualizing it. Attention is drawn to the rules for assigning a name when registering a child and the restrictions on parents' rights in this area. The requirements for a name are defined, and its influence on such a means of individualizing a citizen as a handwritten signature is established. The most pressing problems related to the use of a name are identified. Attention is drawn to the problems associated with changing a name due to a change of gender. Judicial practice related to indicating a citizen's national origin is analysed. Attention is drawn to the connection between the family-law and civil-law statuses of a citizen, as well as the problem of their digital profile.

Keywords: *family-law status of a citizen, means of individualization, name, citizen's signature, change of name.*

About author:

KULAKOV Vladimir – doctor of jurisprudence, professor, Professor of the Department of Civil and Business Law All-Russian State University of Justice (127051, Moscow, Bolshoy Karetny Lane, 10Ac1), SPIN-code: 8045-0882, AuthorID: 360159, e-mail: 79057327361@yandex.ru

Кулаков В.В. Значение имени и иных средств индивидуализации гражданина для его семейно-правового статуса: некоторые проблемы правоприменительной практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 18–27.

Статья поступила в редакцию 14.08.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 347.9
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.028

Путеводная звезда

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена памяти великого ученого Владимира Александровича Туманова, который сумел очень просто объяснить значение Конвенции, роль Европейского Суда и тем самым привлек внимание ученых, практиков и законодателей к фундаментальным понятиям: независимость и беспристрастность суда, злоупотребление правом и правом на обращение в суд, разумные сроки рассмотрения дела, доступ к правосудию и самому праву, справедливое судебное разбирательство. В статье названа лишь незначительная часть научных исследований, в которых теоретическая основа включает работы В.А. Туманова. Статья не ставит целью разрешить или обосновать подробно обозначенные проблемы, в ней просто обращено внимание на вопросы, которые представляются значимыми и требующими дальнейшего развития. Это относится к злоупотреблению правом, которое применительно к процессу является использованием права не в соответствии с его назначением. Показано, что с точки зрения критериев независимости суда еще сохраняются проблемы относительно назначения мировых судей. Обращено внимание на небрежность юридической техники при определении оснований к отводу судьи. Отмечены широта и постоянное развитие справедливости как основы всей судебной деятельности. Предложено возможное дополнение критериев разумности сроков на основе правовых позиций Европейского Суда. Показаны значимость состязательности и новый взгляд на ее содержание. Поставлен вопрос о необходимости совершенствования гражданского процесса. И всему этому мы обязаны Владимиру Александровичу.

Ключевые слова: *независимость и беспристрастность суда, основания к отводу судьи, доступ к суду, право на справедливое судебное разбирательство, справедливость, разумный срок, состязательность.*

Ориентир, указывающий точное направление, называется путеводной звездой, которой принято считать Полярную звезду, и так мы говорим о человеке, способном направить нас к достижению поставленной цели. Все это в полной мере относится к Владимиру Александровичу Туманову, который помог нам найти верный путь в сложных правовых позициях Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд), когда Россия ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) [4]. Незначительный объем текста Конвенции первоначально не показался сложным, но любой, ознакомившийся хотя бы с одним решением Европейского Суда, сразу понимал, что они требуют иного подхода,

© Туманова Л.В., 2026

нежели наши судебные акты. Многие решения были уже переведены на русский язык, и был издан их двухтомник. Вот тогда там и потребовалась «путеводная звезда», чтобы объяснить многое о самой Конвенции, деятельности Европейского Суда, а главное – об основополагающих правовых позициях, которые не утратили актуальности и в современный период, когда Европейский Суд настолько политизировался, что, как представляется, стал забывать о своем главном предназначении и обусловил отказ России от его юрисдикции. Этим своеобразным «компасом» стала не очень объемная, но крайне важная, написанная прекрасным стилем, обеспечивающим понимание основных правовых позиций, книга В.А. Туманова «Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности» [21].

Само вступление России под юрисдикцию Европейского Суда в 1998 г., бесспорно, обусловило интерес представителей самых разных направлений науки, но именно книга Владимира Александровича послужила основой для научных исследований в сфере различных направлений юридической науки. Невозможно перечислить всех авторов, но для подтверждения этого необходимо назвать хотя бы некоторых, содержание работ которых не будет анализироваться в данной статье. Это Д.С. Насардинов [16], А.Н. Русов [19], Е.С. Алисиевич [6], А.М. Николаев [17], Э.В. Иодковский [13], М.Я. Любченко [15], Т.Д. Оганесян [18].

Автор этой статьи практически во всех своих исследованиях так или иначе опирается на «букву» или «дух» книги Владимира Александровича Туманова.

Невозможно в рамках одной статьи показать все значимые положения, которые успешно развиваются в научных исследованиях. И если «Конвенция живет в решениях Европейского Суда», то бесспорно, что книга В.А. Туманова живет в научных трудах многих юристов, и значение ее не утрачивается с годами.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на проблему, которая является очень значимой для осуществления прав и остается дискуссионной уже достаточно длительный период. Это проблема злоупотребления правом. Существуют два основных взгляда на данное понятие: 1) злоупотребление правом является самостоятельным явлением правовой жизни и 2) злоупотребление правом как особый вид правонарушения. Не претендуя на исчерпывающее и абсолютно верное решение данной дилеммы, обратимся к исследованию В.А. Туманова, который разъяснил, что в Конвенции понятие «злоупотребление правом» используется в двух различных значениях: «От «злоупотребления правом», о чем говорит ст. 17 Конвенции, следует отличать «злоупотребление правом подачи жалобы» (п. 3 ст. 35 Конвенции), которое влечет за собой признание жалобы неприемлемой» [21, с. 25]. Как представляется, если права, данные Конституцией РФ [1], будут

использованы каким-либо субъектом таким образом, что это повлечет нарушение основных прав и свобод других лиц, то это будет злоупотребление правом как особый вид правонарушения. А вот использование права не в соответствии с его назначением (что особо важно для реализации права на судебную защиту) и есть как таковое злоупотребление правом, которое довольно трудно поддается «диагностике». Ведь, изучая полученное в результате электронного распределения исковое заявление, составленное с соблюдением всех процессуальных правил, сложно сразу понять, действительно истец нуждается в защите своих прав или просто решил таким образом использовать суд орудием мести ответчику, чтобы тот переживал, собирал документы, ходил в суд, да еще оплачивал адвоката. Еще есть масса способов для затягивания процесса, в частности путем заявления отводов судье и тому подобное. Откровенное злоупотребление правом, для борьбы с которым нет достаточных и эффективных процессуальных средств, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2] содержит ст. 99 «Взыскание компенсации за потерю времени». Казалось бы, статья как раз и направлена на борьбу с необоснованным обращением в суд, затягиванием процесса, но уже сама формулировка этой статьи – «компенсация определяется судом в разумных пределах» – предполагает, что вряд ли эта компенсация служит эффективным средством злоупотребления правом на обращение в суд, поскольку разумность исключает по своей сути возможность взыскания значительных сумм, да и статья применяется крайне редко. В связи с этим надо отметить, что Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [3] вообще не содержит подобной статьи, хотя в ч. 7 ст. 45 указывает: «Недобросовестное заявление неосновательного административного иска, противодействие, в том числе систематическое, лиц, участвующих в деле, правильному и своевременному рассмотрению и разрешению административного дела, а также злоупотребление процессуальными правами в иных формах влечет за собой наступление для этих лиц последствий, предусмотренных настоящим Кодексом». Казалось бы, прекрасно, злоупотребление правом получило свое законодательное признание, вот только в КАС РФ нет статьи о тех самых последствиях.

В настоящее время можно считать способом борьбы со злоупотреблением правом на обращение в суд повышение размера государственной пошлины. Но этого недостаточно, да и сама пошлина не является слишком высокой. Естественно, должен соблюдаться баланс, и борьба со злоупотреблением процессуальными правами не должна нарушать важнейшего права на доступ к правосудию. Право на доступ к правосудию является системообразующим, это право не предусмотрено в Конвенции, но было признано в решениях Европейского Суда, на что также обратил наше внимание В.А. Туманов [21, с. 17]. В дальнейшем эта

проблема была предметом многих научных изысканий. Целесообразно обратить внимание на диссертационное исследование Е.В. Власова, который применительно к административному судопроизводству справедливо обосновывает необходимость разграничения понятий: доступ к суду как возможность обратиться с административным иском и доступность правосудия как возможность получить защиту своих прав и охраняемых законом интересов [12, с. 9].

Проблеме злоупотребления процессуальными правами посвящено значительное число научных исследований, их анализ заслуживает самостоятельного изучения. Обратимся к одному из этого множества диссертационному исследованию М.А. Боловиева, который обосновал, как представляется, очень важный вывод: «рассматривать злоупотребление как вид неуважения к суду и, соответственно, применять к нарушителям штрафные санкции» [10, с. 9]. Представляется значимым то, что автор затрагивает проблему неуважения к суду. Пожалуй, в нашем законодательстве эта проблема практически не находит своего решения. Те меры, которые есть в распоряжении суда, явно недостаточны, а само понятие «неуважение к суду» не имеет даже примерных легальных признаков. Желательно использовать зарубежный опыт противодействия неуважения к суду, ведь в большинстве судебных систем это понятие представлено многогранно, а санкции за многие проявления неуважения к суду по нашим понятиям почти невероятны, например возможно даже лишение свободы. Есть над чем подумать ученым и законодателям.

Следующая очень важная проблема – независимый и беспристрастный суд. Владимир Александрович облегчил нам восприятие решений Европейского Суда и обратил внимание на самые ключевые моменты относительно независимости и беспристрастности суда. Независимый суд характеризуют четыре главных момента: «способ назначения его членов, сроки пребывания в должности, существование гарантий от внешнего давления и наличие у органа внешних признаков независимости» [21, с. 111]. Признание названных качеств в качестве базовых критериев позволило не только изменить способ назначения судей, но и ликвидировать своеобразный трехлетний «испытательный срок» для всех федеральных судей. Суд стал самостоятельной ветвью власти, а судья – ее единственным носителем. Но с сожалением надо признать, что эти критерии не в полной мере распространяются на мировых судей. Практически четверть века мировые судьи регулярно переназначались, причем, хотя федеральный закон предусматривал первое назначение на срок до пяти лет, а последующие – на срок до десяти лет, законы большинства субъектов Российской Федерации устанавливали первый срок продолжительностью три года, а далее уже каждые пять лет. В значительной степени эта ситуация была изменена, и теперь по закону сохраняется только правило о том, что впервые мировой

судья назначается на три года, а после это назначение уже без определения срока, ограничением которого является только предельный возраст. Помимо срока некоторые сомнения вызывает порядок назначения мировых судей. Как правило, это полномочие реализуют законодательные органы субъекта. Кстати, именно депутаты возражали против изменения сроков пребывания мировых судей в должности, поскольку депутаты каждого созыва хотели успеть реализовать это полномочие. Представляется, что депутаты и кандидаты на должность мировых судей более тесно соприкасаются, а если добавить, что почти традиционно на заседании кандидата спрашивают, знает ли он своего депутата, на что каждый спешит ответить утвердительно, возникают определенные сомнения. Не будем терять надежды на полную реализацию всех критериев независимости, основанных на Конвенции. Но никакой закон не может предложить способ определения независимости как качества личности кандидата. Зарубежный опыт формирования судейского корпуса предполагает использование кадрового потенциала адвокатуры, а у нас значительная часть кандидатов, впервые назначаемых, состоит из помощников судей и даже секретарей. Бесспорно, помощники и секретари проходят хорошую школу, знают делопроизводство, практику, а вот независимость оставляет определенные вопросы. Независимость самым неотъемлемым образом связана с беспристрастностью, которая является еще более трудной категорией для «диагностики». В.А. Туманов на основе правовых позиций Европейского Суда обратил внимание на два аспекта беспристрастности: «во-первых, суд должен быть субъективно свободен от личных предубеждений или пристрастий. Во-вторых, он должен быть объективно беспристрастен, т.е. должен гарантированно исключать какие-либо обоснованные сомнения в этом отношении» [21, с. 111]. На первый взгляд, с объективной беспристрастностью вопрос решается правилом об основаниях для отвода судьи и применением электронного распределения дел. Но и в этом можно заметить некоторые проблемы. Прежде всего недостатки электронного распределения дел, ведь программа учитывает специализацию судей и степень их загруженности, но вот факторы, составляющие основания для самоотвода и отвода судьи, программа учесть не может. Относительно оснований для отвода можно отметить, что это формальные критерии, которыми «страхуется» беспристрастность, поскольку нельзя отрицать, что многие судьи способны были бы разрешить спор даже с участием своего родственника законно, справедливо и беспристрастно, но у участников процесса даже в таком случае могут остаться сомнения, поэтому действуют безусловные запреты. В связи с этим трудно удержаться от упрека законодателям, которые почему-то, формулируя основания отвода, связанные с родством и свойством, применяют совершенно различную терминологию. Так, п. 3 ч. 1 ст. 31 КАС РФ: «является членом семьи,

родственником или родственником супруга кого-либо из лиц, участвующих в деле, либо из представителя». А в п. 2 ч. 1.1 ст. 16 ГПК РФ: «является родственником или свойственником кого-либо из лиц, участвующих в деле, либо их представителей». С позиций норм семейного права формулировка в ГПК РФ является более приемлемой. Кстати, не решен вопрос о наличии родства или свойства со свидетелями, педагогическими работниками, специалистами и экспертами. Вероятно, следует заменить в указанных правилах «лиц, участвующих в деле» на более общий термин – «участники процесса». Относительно субъективной беспристрастности нет и не может быть критериев, закрепленных в законе. Каждый человек имеет какие-то внутренние убеждения, взгляды, симпатии и антипатии, но судья должен уметь их преодолевать, следовательно, субъективная беспристрастность обеспечивается исключительно личными свойствами самого судьи. И, когда рассматриваются вопросы о привлечении к дисциплинарной ответственности судьи, который позволил себе выразить в публичном пространстве в той или иной форме что-то, демонстрирующее его негативные или даже позитивные пристрастия, хочется напомнить плакат времен Великой Отечественной войны: «Не болтай!».

Следует признать, что независимость и беспристрастность являются категориями, определение которых применительно к судьям устанавливается, как правило, только со знаком минус, поскольку такие критерии выработаны практикой. Но это не означает, что совершенно невозможно найти способы, если не абсолютно гарантирующие результат, но дающие некоторую вероятность. Для этого необходимо совершенствовать процедуру отбора кандидатов, менять форму проведения соответствующего экзамена, допустим, введения его поэтапности с включением интерактивных элементов, деловых игр, содержащих определенные психологические тесты. Эта научная задача должна быть междисциплинарной, только правовыми методами проблему не решить, но основу, конечно, должно определять правовое регулирование. К сожалению, таких научных исследований почти нет. Казалось бы, это должно быть в исследовании И.И. Кирюшенко на тему «Проблемы публично-правового регулирования формирования судейского корпуса в Российской Федерации» [14], но ни один из выводов этого исследования даже не упоминает слова «независимость» и «беспристрастность». Значит, молодым ученым остается еще много проблем для научного поиска, и это вселяет оптимизм. А для этого полезно несколько раз перечитать книгу Владимира Александровича Туманова, где даны ориентиры на основе анализа правовых позиций Европейского Суда.

Для любого представителя процессуальной науки и судьи системообразующей является ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство». Текст данной статьи и правовые позиции

Европейского Суда по ней позволили сформировать в начале XXI в. новое процессуальное законодательство, которое продолжает совершенствоваться, поскольку научные исследования и практика раскрывают все новые аспекты справедливости судебной деятельности. Справедливость всегда признавалась общеправовым принципом, который в каждой отрасли права получает свое особое содержание и развитие. Принцип справедливости в уголовном праве является особым критериальным значением, закрепленным непосредственно в нормах кодекса. Законодательное закрепление как принцип судебной деятельности справедливость получила только в ст. 6 КАС РФ. В связи с этим представляется странным утверждение Ф.А. Акопяна, что «справедливость не является принципом цивилистического процесса» [5, с. 8]. Исследуя аналогичную проблематику, Л.С. Афанасьев также отошел от использования термина «принцип» применительно к справедливости, но, раскрывая ее сущность, применил определения и признаки, которые соответствуют принципу: «должное правовое начало; императивное начало» [8, с. 9]. Право на справедливое судебное разбирательство прежде всего позволило решить вопрос о соблюдении процессуальных сроков, поскольку разумный срок непосредственно закреплен в ст. 6 Конвенции как важнейший. В настоящее время все процессуальные кодексы закрепляют разумный срок судопроизводства в качестве основного принципа. Критерии этого принципа основаны на правовых позициях Европейского Суда, которые в очень доступной форме изложил В.А. Туманов: «сложность дела, поведение заявителя в ходе судебных разбирательств на национальном уровне, поведение национальных судов, через которые проходило дело, значимость временного фактора для реализации законных прав заявителя» [21, с. 123]. Сравним эти критерии с теми, которые закреплены в ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ: «правовая и фактическая сложность дела, поведение участников гражданского процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, и общая продолжительность судопроизводства по делу». Очевидно, что суть первых трех критериев с учетом некоторых терминологических нюансов практически идентична. Четвертый критерий, как представляется, существенно отличается. Трактовка Европейского Суда предполагает учет во взаимосвязи продолжительности дела и особенности его предмета. Ведь совершенно очевидна разница в последствиях длительности рассмотрения дел, допустим, о разделе совместного имущества супругов и реализации права отдельно проживающего родителя на общение с ребенком. В делах, затрагивающих интересы детей, иной подход к исчислению сроков, ведь они растут, если не как в сказках, «не по дням, а по часам», то уж точно по дням, а не по годам. Не умаляя значения общей продолжительности разбирательства дела, было бы целесообразным закрепление в качестве самостоятельного критерия

значимости временного фактора с учетом характера дела. Еще хотелось бы обратить внимание на то, что нарушение разумности срока определяется с учетом установленных процессуальных сроков, которые в сопоставлении с возрастающей сложностью дела являются явно недостаточными. Для мировых судей этот срок – всего месяц с учетом категорий дел, но, как представляется, без учета количества этих дел на многих судебных участках. А если добавить к этому, что нередко мировой судья рассматривает дела сразу на двух судебных участках, которые в некоторых регионах расположены на значительном удалении, то невольно возникает сомнение в разумности самих таких процессуальных сроков. Появление самостоятельного вида судопроизводства относительно присуждения компенсации за нарушение разумности сроков сопровождается значительным числом научных исследований. Так, заслуживает внимания позиция И.Д. Симонова о том, что «нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок – это специальный гражданско-правовой деликт» [20, с. 13]. Эта позиция представляет определенный интерес, и ее признание потребует соответствующего изменения процессуального порядка, но, учитывая мудрость «лучшее – враг хорошего», вряд ли надо спешить с такими выводами, но и совсем игнорировать также не следует.

Непосредственно статья о праве на справедливое судебное разбирательство называет лишь требования независимости и беспристрастности к суду, публичность и разумный срок, но самым основным является закрепление права именно на справедливое разбирательство. Справедливость как основа права на судебную защиту очень многогранна. Уже было обращено внимание на трактовку справедливости, но дальнейшая конкретизация позволяет относить к справедливости все основные правила судебного процесса. Поэтому проблема справедливости судебной защиты была раскрыта не только в решениях Европейского Суда, но дала простор для многочисленных научных исследований, которые обогатили в целом понимание сути справедливости и дают основу для совершенствования процессуального законодательства. Одной из базовых работ можно считать диссертационное исследование С.Ф. Афанасьева [9]. Заслугой С.Ф. Афанасьева является то, что он обосновал положение о постоянном развитии и совершенствовании перечня гарантий справедливости права на судебную защиту. Кроме того, С.Ф. Афанасьев раскрыл содержание гарантий справедливости и дополнил их перечень. Так, были названы и признаны такие гарантии, как «равные процессуальные возможности сторон в условиях действия принципа состязательности; получение мотивированного судебного решения; исполнение судебного решения, вступившего в законную силу» [9, с. 17]. Соответственно, эти гарантии развиваются в последующих научных работах. Можно отметить

диссертационное исследование М.А. Алиэскерова, посвященное состязательности [7], в котором раскрываются многие аспекты состязательности, отличающиеся новизной, но обратим внимание только на один. М.А. Алиэскеров обосновал необходимость «обеспечения баланса процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле», а далее поясняет: «В гражданском процессе независимо от отраслевой принадлежности спорных материальных правоотношений необходимо установление уравнивающей процессуальной преференции общего характера путем возложения обязанности доказывания законности своих действий на лицо (орган), реализовавшее властные либо распорядительные полномочия в отношении гражданина, заявляющего о неправомерности этих действий (решений)» [7, с. 11]. Этот принцип распределения бремени доказывания действует в административном судопроизводстве и полностью соответствует принципу справедливости. Однако в гражданском процессе нет таких специальных норм, хотя значительное число дел, где очевиден спор гражданина с властью, в настоящее время в соответствии с устоявшимся порядком не подлежит рассмотрению по правилам КАС РФ, а следовательно, гражданин, как более слабая сторона, в споре лишается таких преимуществ в доказывании, и, значит, баланс пока не достигается. На данную проблему серьезное внимание обратил М.Б. Величко, анализируя в своей монографии практику рассмотрения сходных категорий дел в различных судах как по правилам административного судопроизводства, так и гражданского процесса, подвергает критике «позицию о приоритете гражданского судопроизводства над административным» [11, с. 137]. Данная проблема требует своего решения с момента принятия КАС РФ и, соответственно, попыток критериального разделения административных дел на две юрисдикции. Представляется целесообразным серьезное реформирование ГПК РФ, во-первых, с целью упорядочения всех новелл, внесенных за период его действия, а во-вторых, возможности изменения его структуры и включения обновленного вида производства по делам, где в предмет судебной защиты входит публичный интерес. Эти дела не должны конкурировать с предметом административного судопроизводства, но призваны обеспечивать тот самый «баланс», необходимый по тем делам, которые не очень соответствуют традиционному исковому производству. Справедливость судебной защиты – неисчерпаемая тема, будет еще много научных споров и открытий, но мы должны всегда помнить о тех, кто был первыми. В данном случае Владимир Александрович Туманов легко и просто обозначил ключевые проблемы, объяснил, что такое Европейский Суд, как он устроен и действует, стало легко и интересно изучать решения, а на их основе развивать нашу процессуальную науку.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 28.02.2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Акопян Ф.А. Справедливость в цивилистическом процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 25 с.

6. Алисиевич Е.С. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского Суда по правам человека: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 20 с.

7. Алиэскеров М.А. Состязательный гражданский процесс в Российской Федерации: научно-прикладные проблемы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М, 2025. 56 с.

8. Афанасьев Л.С. Справедливость в современном цивилистическом процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 25 с.

9. Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико- практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на Российское гражданское судопроизводство: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 65 с.

10. Боловиев М.А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2018. 24 с.

11. Величко М.Б. Форма и порядок судебной защиты по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) субъектов публичной власти, влекущих имущественные последствия: монография. М.: Проспект, 2026. 224 с.

12. Власов Е.В. Доступность правосудия в административном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 32 с.

13. Иодковский Э.В. Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 26 с.

14. Кирюшенко И.И. Проблемы публично-правового регулирования формирования судейского корпуса в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 26 с.

15. Любченко М.Я. Взаимодействие Европейского Суда по правам человека и национальных судебных инстанций: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.

16. Насардинов Д.С. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 26 с.

17. Николаев А.М. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012. 44 с.

18. Оганесян Т.Д. Процедура Пилотного постановления Европейского Суда по правам человека: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 30 с.

19. Русов А.Н. Методологические аспекты разрешения дел Европейским Судом по правам человека: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.

20. Симонов И.Д. Производство по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или на исполнение судебного акта в разумный срок: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 30 с.

21. Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Изд-во НОРМА, 2001. 304 с.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

The guiding star

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article is dedicated to the memory of the great scientist Vladimir Alexandrovich Tumanov, who was able to explain very simply the meaning of the Convention and the role of the European Court of Justice, thereby drawing the attention of scientists, practitioners and legislators to fundamental concepts.: the independence and impartiality of the court, abuse of the right and the right to appeal to the court, reasonable time to consider the case, access to justice and the law itself, fair trial. The article shows only a small part of scientific research, in which the theoretical basis includes the work of V.A. Tumanov. The article does not aim to resolve or substantiate the problems outlined in detail, it simply draws attention to issues that seem significant and require further development. This refers to the abuse of a right, which, in relation to the process, is the use of a right not in accordance with its purpose. It is shown that, from the point of view of criteria for the independence of the court, there are still problems regarding the appointment of justices of the peace. Attention is drawn to the negligence of legal technique in determining the grounds for challenging a judge. The breadth and constant development of justice as the basis of all judicial activity are noted. A possible addition to the criteria for the reasonableness of time limits based on the legal positions of the European Court is proposed. The importance of competition and a new look at its content are shown. The question was raised about the need to improve the civil procedure. And we owe all this to Vladimir Alexandrovich.

Keywords: *independence and impartiality of the court, grounds for challenging a judge, access to court, right to a fair trial, fairness, reasonable time, competitiveness.*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Путеводная звезда // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 28–39.

Статья поступила в редакцию 13.07.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.41:316.752(470)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.040

Традиционные духовно-нравственные ценности как ориентир стратегического развития государства

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В настоящее время в условиях трансформации геополитической ситуации особое значение имеет вопрос о сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей, среди которых особое место занимает принцип единства народов России. Понятие традиционных духовно-нравственных ценностей не раз пытались определить в нормативных правовых актах, а также в документах стратегического планирования. Однако, учитывая оценочный характер этого определения, выявлены проблемы в существующих подходах к его нормативно-правовому закреплению. Все эти вопросы поднимались на Всероссийской научно-практической конференции «Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России как традиционной духовно-нравственной ценности», проведенной на юридическом факультете 25.04.2026 г. Размышления по поводу поднимаемых на конференции вопросов изложены в статье.

Ключевые слова: *документы стратегического планирования, традиционные духовно-нравственные ценности, единство народов.*

Когда задумывалась наша конференция, посвященная тематическому году, мы хотели не просто провести мероприятие по определенной тематике, но составить серьезное обсуждение тем, посвященных духовно-нравственным ценностям в целом и принципу единства народов России в частности. Так складывается, что каждую нашу конференцию (2022, 2025 и 2026 гг.) объединяет общая цель – составить дискуссионную площадку, на которой бы обсуждались вопросы, касающиеся сохранения наших традиционных ценностей. В декабре 2022 г. в рамках Всероссийской конференции «Конституционно-правовое обеспечение сохранения культурного наследия народов России» мы начали говорить о культурном наследии и конституционно-правовом обеспечении его сохранения, исходя из того, что наше культурное наследие – это не только материальное наследие, но в первую очередь духовное, т. е. это те духовные ценности, которые необходимо не просто сберечь, но, к сожалению, в настоящее время и защитить. В апреле 2025 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти в современном конституционном праве», подготовленная нашей кафедрой конституционного, административного и таможенного права. Кафедра

© Антонова Н.А., 2026

приурочила мероприятие к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тема конференции затрагивала ряд взаимосвязанных понятий: патриотизм, гражданственность и защита исторической памяти. Эти категории рассматриваются как конституционно-правовые ценности, лежащие в основе построения государства, формирования государственной политики, развития не только федерального и регионального уровней власти, но и власти муниципальной. Мы как организаторы этой конференции сами не ожидали такого активного отклика коллег на предложенную для обсуждения тему, что свидетельствует о чрезвычайной важности вопросов, поднимаемых в рамках обозначенного научного события. В работе конференции приняли участие ведущие ученые-конституционалисты, представители теории права, философии и политологии.

И вот в апреле 2026 г. кафедра конституционного, административного и таможенного права подготовила и провела Всероссийскую научно-практическую конференцию под названием «Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России как традиционной духовно-нравственной ценности».

Надо сказать, что все усилия армий и охрана границ мало что значат без духовного единения и чувства патриотизма, сплачивающих общероссийскую нацию. Неслучайно тематика наших конференций так взаимосвязана. Если в 2025 г. мы обсуждали вопросы патриотизма, гражданственности и сохранения исторической памяти как конституционных ценностей государства, то в этом году, продолжая данную тематику, мы пригласили ученых-конституционалистов обсудить принцип единства народов России и иные, связанные с этим, духовно-нравственные ценности. Духовность является определенным ценностным ориентиром сохранения и развития России.

Следует отметить, что обсуждаемые на конференции вопросы, посвященные традиционным духовно-нравственным ценностям, находят свое звучание и в государственных документах стратегического планирования. Другими словами – сохранение и защита традиционных духовно-нравственных ценностей является государственной задачей и государство предпринимает определенные шаги в этом направлении.

К таким документам стратегического планирования следует отнести, во-первых, Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 [4] (далее – Стратегия № 1666), а также Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 г., утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.09.2025 г. № 2467-р (далее – Стратегия № 2467) [5].

Суть Стратегии № 1666 сводится к тому, что необходимо сохранять и поддерживать национально-культурное многообразие народов России

при соблюдении единой гражданской идентичности. Стратегия была направлена на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, поддержку этнокультурного и языкового многообразия РФ, гармонизацию межнациональных отношений, профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов. Данный документ учитывал многовековой историко-культурный опыт становления и развития российской государственности.

Конечно, Стратегия № 1666 была принята в условиях, резко отличающихся от современных. С момента ее принятия произошли серьезные геополитические изменения, важные трансформации в системе общественных отношений и взаимодействия государств. Однако важность определенных в ней направлений работы государства в лице его органов как федеральных и региональных, так и местных, очевидна, поскольку приоритеты Стратегии – это укрепление гражданского единства, сохранение этнокультурного и языкового многообразия, сохранение русского языка, гармонизация межнациональных отношений, поддержка соотечественников за рубежом. Стратегия нацелена была на выработку единых подходов к решению вопросов национальной политики РФ. Данный документ носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер и направлен на развитие потенциала многонационального народа РФ.

Значение Стратегии в том, что она не только определила основные векторы развития гражданского единства, но и сформулировала основные понятия, используемые в сфере национальной политики. Так, Стратегия № 1666 содержит понятие «многонациональный народ РФ», определяя его как сообщество свободных равноправных граждан РФ различной этнической и религиозной принадлежности. Гражданское единство в документе определяется как основа российской нации, признания суверенитета государства и его целостности. Общероссийская гражданская идентичность, по мнению авторов документа, – это осознание принадлежности к государству и народу, ответственность за судьбу страны; а межнациональные отношения рассматриваются как взаимодействие людей разных национальностей в различных сферах жизни. Наконец, национально-культурные потребности – это потребности в самоидентификации и сохранении культуры и языка.

Наша страна является многонациональным государством с более чем 190 национальностями, и важно, что этнокультурное и языковое многообразие у нас защищено государством. Центральной темой Стратегии является то, что русский народ играет объединяющую роль, формируя культурное многообразие и духовную общность, а общероссийская гражданская идентичность основана на русской культурной доминанте.

За время, прошедшее после принятия первоначального текста Стратегии, произошли существенные трансформации в системе

общественных отношений, в том числе на уровне мировых цивилизационных процессов. При этом современный этап характеризуется ускорением ритма и динамики социальных изменений, появлением новых угроз и вызовов как экономического, так и политического характера. В условиях стремительно меняющейся геополитической обстановки возникает проблема сохранения традиционных нравственных ценностей, утрата которых может оказать негативное влияние на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в стране. Поэтому важность той работы, основные направления которой были определены в Стратегии № 1666, нисколько не снижается.

Следует отметить, что научное сообщество не стоит в стороне от данных проблем, а также включено в эту работу. Так, согласно Государственному докладу о реализации государственной национальной политики Российской Федерации в 2024 г., отмечено, что «во исполнение поручения Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям 29 ноября 2019 г. (пункт 6 перечня поручений от 16 января 2020 г. № Пр-71) [7] на базе Минобрнауки России при координирующей роли Научного совета Российской академии наук по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений и с участием ученых ведущих научно-исследовательских институтов и вузов Российской Федерации в 2024 году продолжилась реализация Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности. Одним из приоритетных направлений программы было изучение российского патриотизма как основы национальной идентичности с упором на изучение молодежи, российского студенчества. Исследования зафиксировали высокий уровень гражданской солидарности и ответственности россиян за судьбу своего Отечества, наличия гордости. Одним из центральных направлений исследований были вопросы этнокультурного развития, сохранения нематериального культурного наследия, духовно-нравственных традиций, уникальных систем традиционного хозяйствования малочисленных народов, этнических языков и другие вопросы этнокультурного развития многонационального народа Российской Федерации (российской нации). Кроме того, Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургским государственным университетом проведен ряд исследований и подготовлены научные публикации по вопросам государственной национальной политики, в том числе в рамках реализации грантов Российского научного фонда» [9].

В то же время Стратегия № 1666 обращает внимание на существующие проблемы в сфере межнациональных (межэтнических) и

межрелигиозных отношений, вызванные формированием и проявлением новых угроз национальной безопасности, одной из которых является частичная утрата этнокультурного наследия, размывание традиционных духовно-нравственных ценностей.

Вторым документом стратегического планирования в данной сфере является и Стратегия № 2467. В ней, среди прочего, отмечается, что «происходящие в современном мире изменения затрагивают не только межгосударственные отношения, но и общечеловеческие ценности. Достигнув высокого уровня социально-экономического и технологического развития, человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов … что все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений становятся предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть» [5].

В связи с этим в Стратегии ключевыми факторами формирования духовно-нравственного фундамента страны называются вопросы защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, соблюдения конституционных прав граждан в сфере культуры, в том числе права на доступ к культурным ценностям, сохранения исторического и культурного наследия, выполнения задач в области национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации [5].

При этом в данном документе предусматривается 3 сценария реализации Стратегии: инерционный, базовый и инновационный, с описанием процессов, которые вероятны при каждом из сценариев.

Сохранение присущей нашему народу системы ценностей в настоящее время является фактически условием выживания российского народа. На это обращал внимание и глава государства. Так, в обращении Президента Российской Федерации от 24.02.2022 г. дана соответствующая оценка действий коллективного Запада: «…До последнего времени не прекращались попытки использовать нас в своих интересах, разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас, наш народ изнутри, те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека. Этому не бывать, никогда и ни у кого этого не получалось. Не получится и сейчас» [8].

Конечно, все это свидетельствует о важности темы сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, среди которых особое место занимает принцип единства народов России, чему и посвящена наша конференция.

И здесь на первый план выходит первоочередная проблема определения понятий, используемых в дискуссии на данную тему.

Ряд таких понятий определяется в принимаемых в стране нормативно-правовых актах. Так, формальное определение понятия «духовно-нравственные ценности» было дано в разделе 6 паспорта национального проекта «Культура», утвержденного президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 г. № 16) – это «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, национальные традиции и обычаи, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [6]. Некорректность данного определения отмечается учеными [5]: имеет место смешение духовного (т. е. нематериального) и материального.

Позже, в пункте 4 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809, дано следующее определение понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности» – это «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [2].

Такое разнообразие определений ключевых понятий, используемых в сфере духовно-нравственных ценностей, свидетельствует о том, что в нормативных правовых актах и документах стратегического планирования существует определенная несогласованность, поскольку зачатую определяемые понятия имеют оценочную характеристику.

В разных документах используются такие термины, как «нравственные ценности», «духовные ценности», «духовно-нравственные ценности», «принятые в семье и обществе социокультурные ценности», «моральные ценности», «базовые морально-нравственные ценности», «традиционные ценности» и многие другие, им подобные.

Думается, что разработчики всех этих документов пытаются определить сходные понятия. Поэтому для унификации понятийного аппарата правильно было бы выбрать наиболее корректное определение и далее употреблять его как основное во всех документах.

Однако мы ведем речь не просто о традиционных духовно-нравственных ценностях, а о конституционно-правовом обеспечении таких ценностей. И в этой связи следует отметить, что, по сути, весь текст Конституции Российской Федерации можно рассматривать как декларацию ключевых ценностей российского общества. Несмотря на то что в ст. 2 Конституции РФ права и свободы человека признаются высшей ценностью, это не означает, что в Основном законе нет иных ценностей, на которых основывается российское государство и общество. Многие положения главы второй в Конституции РФ можно рассматривать как отдельные ценности, формирующие, объединяющие общество и государство.

В преамбуле к Конституции РФ мы также можем найти определенные духовно-нравственные ценности: многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле; исторически сложившееся государственное единство; принципы равноправия и самоопределения народов; память предков; ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

Следует отметить, что помимо Конституции и указанных выше документов стратегического планирования, особую роль в определении и закреплении традиционных духовно-нравственных ценностей сыграла Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 [3].

Согласно указанной Стратегии укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России отнесены к национальным интересам Российской Федерации; определен стратегический национальный приоритет – «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [3]. Наконец, в Стратегии дан перечень таких ценностей: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [3].

Однако в связи с определением перечня таких духовно-нравственных ценностей возникает вопрос о содержании самих ценностей. Что мы вкладываем в это понятие? Приведем один лишь пример, в Федеральном законе от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» говорится о необходимости «укрепления гражданской

идентичности и духовно-нравственных ценностей молодежи» (подп. 20 п. 1 ст. 6) [1]. О каких ценностях идет речь, чем наполнено это понятие? Особенно важно это для молодежной среды, которая в силу своей специфики является объектом воспитания, и какие ценности они определяют для себя во многом зависит от общества в целом и от лиц, которые занимаются воспитанием молодежи, в частности. И это важно для нас, представителей образовательных учреждений, поскольку воспитательная работа является частью осуществляемого в таком учреждении процесса. Неслучайно в последние годы воспитательной работе придается такое значение. В настоящее время мы разрабатываем отдельные программы по воспитанию в вузе, и это очень важное дело, к которому нельзя относиться формально.

Встречаются в нормативных правовых актах и иные понятия, связанные с вышеприведенными, которые практически невозможно определить однозначно. Это такие понятия, как «общечеловеческие и национальные духовные ценности»; «становление гуманистических и демократических ценностных ориентаций» и т. п. Что значит понятие «общечеловеческие ценности»? Представители Западной цивилизации тоже ратуют за «общечеловеческие ценности», которые, как выяснилось, совсем не совпадают с нашими духовно-нравственными ценностями.

В этой связи важным является укрепление отечественных традиционных духовно-нравственных ценностей. Традиционность их заключается в том, что они присущи нашему народу, который передает их из поколения в поколение. При этом такие ценности являются общими для всего российского народа, они объединяют нашу многонациональную и многоконфессиональную страну.

Поэтому задача воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности должна решаться с опорой именно на те ценности, которые объединяют всех россиян, т. е. на традиционные российские духовно-нравственные ценности, а не на ценности отдельных народов, будь они взяты вместе или по отдельности. Но при этом задача сохранения самобытности многонационального народа Российской Федерации остается по истине актуальнейшей задачей современной России, в которой проживает множество больших и малых народов. Необходимо сохранение этнокультурного и духовного наследия всех народов страны. Поэтому у государства есть в этом плане триединая задача: сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей, присущих всем народам, сохранение духовного наследия отдельных народов и укрепление единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности.

Для достижения этой цели важна гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений, профилактика экстремизма, недопущение конфликтов на национально-религиозной почве и т. д.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Гарант».
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Гарант».
4. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012 г. № 52. ст. 7477.
5. Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2025 г. № 2467-р // СПС «Гарант».
6. Паспорт национального проекта «Культура», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 г. № 16) // СПС «Гарант».
7. Государственный доклад о реализации государственной национальной политики Российской Федерации в 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://api.национальнаяполитика.рф/ (дата обращения: 02.06.2026).
8. Обращение Президента РФ от 24 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 02.06.2026).
9. Аристархов В.В. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике: аналитический доклад [Электронный ресурс]. URL: https://heritage-institute.ru/ (дата обращения: 02.06.2026).

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Traditional spiritual and moral values as a guideline for the strategic development of the state

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

Currently, in the context of the transformation of the geopolitical situation, the issue of preserving traditional spiritual and moral values is of particular importance, among which the principle of the unity of the peoples of Russia occupies a special place. The concept of traditional spiritual and moral values has been repeatedly attempted to be defined in regulatory legal acts, as well as in strategic planning documents. However, given the evaluative nature of this

definition, problems have been identified in the existing approaches to its legal consolidation. All these issues were raised at the All-Russian Scientific and Practical Conference "Constitutional and Legal Foundations for Ensuring the Unity of the Peoples of Russia as a Traditional Spiritual and Moral Value," held at the Faculty of Law on April 25, 2026. Reflections on the issues raised at the conference are presented in the article.

Keywords: *strategic planning documents, traditional spiritual and moral values, unity of nations.*

About author:

ANTONOVA Nana – doctor of law, Head of the Department of the constitutional, administrative and customs right of the faculty of law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Традиционные духовно-нравственные ценности как ориентир стратегического развития государства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 40–49.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.56
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.050

Роль судебной власти в механизме защиты единства народов России как духовно-нравственной ценности

Е.А. Агеева

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург

В статье анализируется конституционно-правовая природа единства народов России, его значение как традиционной ценности российского государства, исследуется роль судебной власти в механизме защиты единства народов России как духовно-нравственной ценности. Органы судебной власти рассматриваются не только как институт разрешения споров, но и как важные государственные органы сохранения цивилизационной идентичности России. Единство народов страны анализируется сквозь призму духовно-нравственной категории, где право выступает формой внешнего выражения внутренних моральных императивов.

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности и ориентиры, защита прав, единство народов России, толкование права, суверенитет, судебная власть.*

«Духовно-нравственные ценности занимают в структуре ценностей одно из важных мест» [5, с. 43]. В рамках единой государственной политики России защита традиционных духовно-нравственных ценностей выступает одним из важнейших звеньев, служащих стратегической цели – обеспечению суверенитета и безопасности государства. Данная защита не сводится к отдельным процедурам или мероприятиям, а предполагает последовательную структурированную и системную работу всех органов власти (в том числе судебной), опирающуюся на доктринальные и методологические подходы.

В соответствии с Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1] среди важнейших нравственных ориентиров, которыми являются традиционные духовно- нравственные ценности, названо единство народов России. Можно согласиться, что «формулировки “единство народов” и “единство многонационального народа” не вполне совпадают» [6, с. 136]. «Единство народов определяется в качестве цели, задачи, приоритета реализации национальной политики в субъектах Российской Федерации, и наблюдается как “территориальный”, так и общегосударственный подход в регламентации этого вопроса» [6, с. 146].

В России единство народов можно увидеть через несколько основных важных аспектов: ценностная составляющая общности,

© Агеева Е.А., 2026

гражданское самосознание, межнациональный мир и согласие, общая историческая память, сохранение культурного многообразия:

– наличие единых духовно-нравственных ориентиров (патриотизм, семья, взаимопомощь, уважение к истории), которые объединяют без этнических различий, – это ценностная составляющая общности;

– человек вне зависимости от национальности является прежде всего гражданином государства, при этом разделяя его судьбу, будучи ответственным за будущее, – гражданское самосознание;

– отсутствие конфликтов на почве национальной ненависти, умение договариваться и решать споры в рамках закона и традиций взаимного уважения – межнациональный мир и согласие;

– единство не означает одинаковость, а напротив, оно предполагает поддержку родных языков, обычаев и ремесел всех народов, но при условии, что это не разрушает государственное единство – сохранение культурного многообразия;

– разделяемые всеми народами ключевые события и роль в них отдельных личностей (победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса, достижения в науке и культуре, национальные герои), которые формируют чувство «мы – один народ», – общая историческая память.

Конституция РФ закладывает фундамент единства народов России через несколько важных положений (ст. 1, 2, 3, 19 и др.), признавая человека, его права и свободы высшей ценностью, которая определяет смысл, содержание и применение законов, а также деятельность органов всех ветвей власти, включая судебную.

В конституционной доктрине современной России принцип единства народов закреплен в преамбуле и ряде статей Основного закона. Однако подлинный смысл этого единства лежит глубже позитивного права. Речь идет о духовно-нравственной ценности – осознании общности исторической судьбы, уважении к культуре, языкам и традициям всех этносов, объединенных вокруг государствообразующего русского народа.

Представляется, что единство народов – это состояние общества, при котором люди разных национальностей, культур, религий и языков живут в согласии, совместно решают общие задачи, уважают самобытность друг друга и осознают свою принадлежность к одной большой общности (к российскому народу). В данном аспекте речь идет о единстве многих субъектов, как отмечают исследователи, «участников конституционных отношений – народов» [6, с. 136], а говоря о единстве многонационального народа, отмечается, что здесь речь идет уже о едином субъекте [6, с. 136], который в соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции РФ является носителем суверенитета и источником власти, что подчеркивает синтез единства и этнокультурного разнообразия в рамках государственности.

Судебная власть в этом контексте часто воспринимается упрощенно – как карающий или регулятивный механизм. Но ее роль в защите

единства народов гораздо шире. Основной проблемой современного правопорядка является выражение и закрепление этических норм и категорий (например, таких как братство народов, честь и совесть). Закрепляя охранительные нормы, например, в ст. 282, 282.1 Уголовного кодекса РФ и др., законодатель переводит этические нормы в разряд охраняемых законом ценностей. Именно через подобные правовые конструкции абстрактные нормы приобретают конкретные границы и защиту путем привлечения виновных к ответственности.

Судебная власть в этом механизме выполняет роль регулятора соответствия: она проверяет, насколько поступки, слова и политические действия отдельных лиц и групп соответствуют ценностному ядру российской идентичности.

Без эффективного, честного и независимого суда любые разговоры о духовном единстве останутся благими пожеланиями.

Роль судебной власти проявляется через осуществление правосудия путем разрешения споров и привлечения к административной и уголовной ответственности судами общей юрисдикции. Статистика неутешительна: так, в 2025 г. только за экстремистскую деятельность было осуждено 1,2 тыс. человек.

Важно и обеспечение равной защиты прав каждого народа: суды гарантируют, что права малочисленных коренных народов (на традиционное природопользование, на свою культуру и язык) защищены так же, как и права большинства. Это условие сохранения их самобытности в составе единого государства.

И, наконец, можно сказать о необходимости преодоления правового нигилизма: уважение к суду как справедливому арбитру, чьи решения основаны на законе и нравственных началах, укрепляет доверие к государству у всех народов, что является значимым условием развития многонационального общества.

Необходимо отметить судебный надзор и осуществление для судов разъяснений по вопросам судебной практики на основе ее анализа и обобщения Верховным Судом РФ. Так, в рамках своей деятельности Верховный Суд обобщает судебную практику, анализирует статистические данные, разъясняет законодательство. Это особенно важно для обеспечения единообразия судебной практики [4] в вопросах защиты единства народов России и прав граждан.

Конституционный Суд РФ разрешает дела о соответствии Конституции нормативных актов, дает толкование Конституции РФ, тем самым занимая важную позицию в защите духовно-нравственных ценностей в российской правовой системе. Судебная власть в защите духовно-нравственных благ и общечеловеческих ценностей выступает как средство разрешения конфликтов, возникающих в обществе. В своем аналитическом документе, опубликованном к 34-летию Конституционного Суда РФ (октябрь 2025 г.) [3], высшая судебная

инстанция сформулировала фундаментальные подходы к защите традиционных ценностей и их соотношению с индивидуальными свободами.

Конституционный Суд РФ указал, что в отдельных случаях предполагаемое защитой человеческого достоинства установление необходимых пределов индивидуальной автономии направлено также и на защиту чтимых многонациональным народом Российской Федерации традиционных духовно-нравственных ценностей [3].

Решениями Конституционного Суда устанавливается ценностное равновесие (баланс) – соответствие конституционным принципам-критериям (справедливости, равенства и др.), тем самым они «утверждают незыблемость основных прав и свобод, краеугольным камнем которых выступает уважение человеческого достоинства» [3].

Обращая особое внимание на институт семьи, материнство и детство, делая акцент на их традиционное, воспринятое от предков понимание, Конституционный Суд рассматривает их в качестве ценностей, обеспечивающих непрерывную смену поколений, выступающих условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации [2]. Именно в семье ребенок усваивает уважение к родному языку, культуре, одновременно осознавая себя частью единой российской нации. Государственная защита семьи (льготы, поддержка многодетных) косвенно укрепляет единство народов, поскольку способствует сохранению этнокультурной идентичности без конфликта с общегражданской.

При создании законов и их применении нужно исходить из традиционных представлений об этих ценностях, обязательно учитывая национальный и конфессиональный состав российского общества, его культурные и исторические особенности, т. е. «законодательное регулирование, и реализующее его правоприменение».

Конституционный Суд РФ стремится к поддержанию и защите исторической памяти как важнейшего элемента национального наследия, одновременно балансируя это с правами отдельных граждан и общественными интересами [7, с. 87].

Роль судебной власти в защите единства народов России (основываясь на нормах Конституции РФ и иных нормативных правовых актах, включая Указы главы государства) как духовно-нравственной ценности проявляется через различные институты правоприменительной и интерпретационной деятельности судов, которая направлена на обеспечение правопорядка, уважения к национальным традициям и противодействие экстремизму. Именно органы судебной власти обеспечивают единое правовое пространство на всей территории страны, защищают суверенитет и территориальную целостность; гарантируют равенство всех граждан и народов перед законом и судом независимо от их происхождения, вероисповедания и места проживания, а также путем

официального толкования Конституции и единообразного применения норм предотвращают конфликты, возникающие на межнациональной или региональной почве. Тем самым судебная власть не только разрешает споры и наказывает за преступления (включая разжигание розни), но и символически и фактически укрепляет гражданский мир и общероссийскую идентичность как основу неразрывного единства многонационального народа России.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 (ред. от 04.03.2026 г.) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Российская газета. 2014. № 226.

3. Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 23.12.2025 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142.

5. Бояк Т.Н. Содержание понятия «духовно-нравственные ценности» // Вестник БГУ. 2015. Вып. 14А. С. 42–45.

6. Заметина Т.В. Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России как традиционной духовно-нравственной ценности // Россия: общество, политика, история. 2023. № 3 (8). С. 136–154.

7. Кирносов И.Д. Анализ позиций Конституционного Суда РФ по вопросам защиты исторической памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 87–99.

Об авторе:

АГЕЕВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (191023, город Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А.), SPIN-код: 5917-9430, ORCID: 0000-0001-5753-9160, e-mail: elenaageeva2013@mail.ru

The role of the judiciary in the mechanism of protecting the unity of the peoples of Russia as a spiritual and moral value

E.A. Ageeva

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg

The article analyzes the constitutional and legal nature of the unity of the peoples of Russia, its significance as a traditional value of the Russian state,

and examines the role of the judiciary in protecting the unity of the peoples of Russia as a spiritual and moral value. The judiciary is viewed not only as an institution for resolving disputes, but also as an important state body for preserving Russia's civilizational identity. The unity of the country's peoples is analyzed through the lens of a spiritual and moral category, where law serves as a form of external expression of internal moral imperatives.
Keywords: *spiritual and moral values and guidelines, protection of rights, unity of the peoples of Russia, interpretation of law, sovereignty, and the judiciary.*

About author:

AGEEVA Elena – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saint Petersburg State University of Economics (191023, Saint Petersburg, Nab. Griboyedov Canal, 30-32, letter A), SPIN-code: 5917-9430, ORCID: 0000-0001-5753-9160, e-mail: elenaageeva2013@mail.ru

Агеева Е.А. Роль судебной власти в механизме защиты единства народов России как духовно-нравственной ценности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 50–55.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.413:316.752 (470)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.056

Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России и проблемы формирования у молодежи ценности народного единства

С.М. Арзуманова

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск

Статья посвящена анализу проблематики формирования у российской молодежи ценности народного единства. Автор изучает правовую основу защиты и сохранения такой традиционной духовно-нравственной ценности, как единство народов России. Отмечаются роль и значение идеи возрождения традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Отдельное внимание автор уделяет изучению вопроса практической реализации комплекса мер по формированию у молодежи ценности народного единства, воспитанию в духе уважения, терпимости и культуры межнационального и межконфессионального общения. Предлагается практическая реализация проектов, которые помогут не только сформировать данную ценность у молодого поколения, но и стать частью образовательного процесса.

Ключевые слова: *единство народов России, традиционные духовно-нравственные ценности, государство, общество, молодежь.*

Единство народов России является одной из традиционных духовно-нравственных ценностей, которые сейчас находятся под защитой государства.

Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» закрепляет данные традиционные ценности как «основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [4].

Вопрос важности и значимости традиционных ценностей находится в фокусе внимания научного и политического сообществ. Государственная политика в данной сфере реализуется под руководством Президента Российской Федерации совместно с органами публичной власти.

Как отмечает С.В. Кабышев, «Россия – не просто государство-цивилизация, а государство-идея. И стержнем этой идеи, отражающим глубинный народный менталитет, всегда было стремление к высшей правде, праведности и справедливости» [10].

© Арзуманова С.М., 2026

Национальная идея возрождения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, безусловно, важна и имеет под собой достаточно прочный исторический фундамент, однако данная идея нуждается в правильном воплощении. В стране активно реализуется система национальных проектов, нацеленная на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. Этот механизм будет способствовать формированию единых моральных ориентиров, основанных на уважении к историческому наследию, родному языку, самобытной культуре и памяти предков.

Для стабильности многонационального состава РФ принципиальное значение имеет межнациональное взаимодействие. Единство народов России, закрепленное как фундаментальная духовно-нравственная ценность, реализуется через механизмы интеграции, взаимопомощи и координации совместной деятельности. Равноправие этносов является основополагающим аспектом для интеграции многокультурного общества в единую общегражданскую общность.

Сегодня важно понимать, что именно должно лечь в основу системы устойчивых комплексов духовных ценностей, что должно быть ядром этой идеи. Стоит согласиться с мнением С.В. Гузениной, которая считает, что система должна строиться «не на идеологической и политической платформе, но на формулировании единства ценностей религии, общего менталитета и исторического прошлого, составляющих поле единой, коллективной духовности» [8].

Россия, отмечает В.Д. Зорькин, во всех ее исторических ипостасях всегда была многоэтническим и многоконфессиональным государством, и российский опыт построения такого государства свидетельствует, что русские не только научились взаимодействовать с представителями других этносов и конфессий, но и сумели сохранить большинство этих этносов и обеспечить широкие возможности развития их языкового, культурного, религиозного своеобразия [9].

Так, О.В. Путина отмечает, что «многорелигиозное и многонациональное российское общество, сплоченное необходимостью многократно защищать свою Родину в историческом контексте и в современности, обладает потенциалом устойчивости в защите суверенитета как государственных, так и культурных границ, но при этом нуждается в формулировке и утверждении государственных инструментов, способных минимизировать риски в сфере угроз национальной безопасности» [11].

Правовую основу закрепления такой категории, как единство народов России в качестве традиционной ценности составляет Конституция Российской Федерации [1], федеральный закон от 07.05.2024 г. № 309 «О национально-культурной автономии» [2], указы Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» [5], от 09.11.2022 г. № 809

«Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4], от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [3] и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Эти нормативные правовые акты явились основой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, которая будет защищать национальные интересы Российской Федерации, способствовать укреплению исторически сложившегося государственного единства и целостности Российской Федерации, работать на сохранение и защиту этнокультурной самобытности ее народов, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений.

М.А. Буданов и А.Ю. Полунов отмечают, что «регулирование межэтнических отношений, согласно Стратегии, не носит сугубо административного характера, оно нацелено на кооперацию усилий государственных органов, местного самоуправления, научных учреждений и общественных организаций» [7].

Помимо правовой составляющей такой категории, как единство народов, его роли и значении в современных реалиях, необходимо акцентировать внимание на практической реализации комплекса мер по формированию у молодежи ценности народного единства, воспитанию в духе уважения, терпимости и культуры межнационального и межконфессионального общения.

Особую важность данный вопрос приобретает в регионах, где проживают люди разных национальностей, разных конфессий. Многообразие разных культур, языков, менталитета, традиций как раз и формируют идентичность, о которой сейчас так много говорят. В качестве примера можно привести Северный Кавказ, который является самым многонациональным регионом России. Он объединяет несколько субъектов, которые имеют достаточно серьезные различия в культуре и религии: Дагестан, Чечню, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию, Ингушетию, Кабардино-Балкарию и Ставропольский край. Регион населяют более 140 этносов, среди которых десятки коренных народов с уникальными языками и культурой. Для того чтобы сохранить мир и уважение между представителями разных национальностей в будущем, необходимо взращивать эти качества в молодежи.

Для представителя молодого поколения очень важна ценностно-смысловая сфера. Она формирует в молодом возрасте личностные и профессиональные качества, которые позволяют определиться с жизненными ориентирами. Формирование и развитие ценностей, убеждений, целей, мотивов и смыслов должно идти рука об руку с

системой образования. Поэтому важно говорить сегодня об образовании в целом и образовательных проектах, которые помогут сформировать и развить эти ценности в подрастающем поколении, в частности.

Перед системой образования сегодня стоит важная задача по подготовке не только умной и образованной, но и духовно-нравственной личности, патриота и гражданина своей страны. И эти качества формируют именно образовательные учреждения, в которых закладывается фундамент тех качеств специалиста, с которыми он вступит в новую для него сферу профессиональной деятельности.

Как отмечает Е.В. Бродовская в процессе подготовки будущих специалистов «важно применять существующие наработки и переходить от тематических мероприятий к долгосрочным проектам и программам, конечной целью которых является укрепление среди будущих учителей общероссийской гражданской идентичности, укоренение у них ценности единства народов России и развитие навыков формирования межнационального и межрелигиозного согласия в образовательной среде» [6].

Формирование направления личностного развития обучающихся напрямую связано с интеграцией в образовательный процесс актуальных педагогических, психологических и мировоззренческих подходов. Повышение результативности духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания требует усиления государственно-патриотического компонента в учебных дисциплинах и совершенствования методологии формирования личностных качеств.

Для эффективного выполнения поставленных задач по духовно-нравственному воспитанию молодежи необходимо переосмыслить тему воспитания в духе единства народов, создать определенные формы взаимодействия различных ведомств и обеспечить необходимое нормативное регулирование.

Упоминание о многонациональном составе государства, о почитании памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость уже содержится в преамбуле Конституции Российской Федерации, что говорит о возрождении традиционных духовно-нравственных ценностей и обретении новой силы наших исконных жизненных смыслов и существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции.

Чтобы воспитать молодежь в духе народного единства, образовательные программы важно дополнить знаниями о регионах России. Студентам нужно рассказывать не только о столице и государственных символах, но и о коренных народах страны, их традициях, культуре и памятных датах. Защита традиционных ориентиров – это общая задача государства и гражданского общества, которую невозможно решить одними указами или формальными

проектами. Главным инструментом здесь выступает системное обучение с реальным, живым диалогом и обратной связью. Только в процессе открытого общения со студентами можно по-настоящему привить им ценность народного единства.

Одной из таких форм взаимодействия является работа над образовательно- воспитательным проектом «Семья, город, страна», в рамках которого молодые люди на примере своей семьи, рода, потом города, а затем и в масштабе своего субъекта осуществляют поиск, сбор информации, затем проводят анализ наличия, сохранения и практик укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, а именно – взаимодействия с представителями различных национальностей. Идет сбор интересных фактов о своей семье, роде, его истории, достижениях, подвигах, трудовом прошлом, тем самым меняется фокус молодежи с чуждых для него примеров и ориентиров к своим, направляя юное поколение к своим истокам, укрепляя роль и значение семьи и ее значимости.

Далее работа идет над поиском информации о сохранении традиционных ценностей в своем городе, обращение к его истории, ученым, памятным именам и датам. Идет погружение в исследование особенностей, традиций, обычаев и культуры своего родного народа, тем самым формируются такие важные традиционные ценности, как патриотизм, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Необходимо сместить фокус внимания молодого поколения с исключительно материального, потребительского аспекта на духовно-нравственный аспект, познавательный. И сделать это надо не навязывая, а подталкивая к нужным выводам по результатам их изысканий. Задача состоит в том, чтобы не только рассказывать, констатировать сухую информацию о ценности единства народов, а на практике дать молодежи соприкоснуться с этими ценностями, увидеть, как они хранились, передавались следующему поколению. Это позволяет осознать значимость и роль ценности единства народов России и необходимость закрепления ее на конституционно-правовом уровне.

Нравственные категории становятся руководством к действию только тогда, когда они не просто заучены, а глубоко осмыслены и превращены в моральные убеждения. Наличие таких убеждений и устойчивых привычек нравственного поведения характеризуют нравственно зрелого человека.

Безусловно, осознание необходимости законодательного закрепления таких понятий, как нравственность, ценности, далось нашему обществу нелегко, и поэтому требует выработки определенных форматов защиты. Право и иные элементы правовой системы должны стать преградой для деструктивного воздействия на российскую систему ценностей, на мировоззрение молодежи.

Время заимствования целого ряда чуждых для нашего общества и нашего национального развития псевдоценностей привело к деструктивному воздействию на ценностную основу российского общества и сегодня грозят ему расколом и потерей единства, многочисленными конфликтами. Поэтому так важно, что появляются попытки концептуального осмысления проблемы традиционных российских ценностей, места российской цивилизации в общецивилизационном пространстве, роли права в ценностном воспитании граждан.

Такие проекты, как дни национального единства, которые проводятся среди молодежи, помогают узнать о национальных особенностях, традициях, культуре и духовно-нравственных и исторических аспектах, днях воинской славы и памятных датах, вкладе в историю России представителей различных национальностей, живущих в конкретном регионе. И особенно важно и ценно, что к разработке этих проектов привлекаются молодые люди, которые будут и авторами, и создателями таких проектов по формированию и укреплению единства народов России. Среди таких проектов можно назвать проект «Российский Кавказ», который знакомит с историей региона и направлен на укрепление межнационального согласия. Он повествует о ключевых исторических личностях, сыгравших значимую роль в консолидации региона и интеграции Кавказа в российское государство, о формировании и развитии региона от древности до наших дней.

Высокие результаты и эффективность данных проектов связаны с переходом от пассивного восприятия нормативной информации к самостоятельному поиску и анализу информации. Процесс изучения по направлению от частного к общему ведет к осознанному усвоению главных духовно-нравственных ценностей, в частности идеи единства народов России. Такие практические форматы, предполагающие погружение в историю, музыку, праздники и традиции разных культур, выступают эффективным инструментом для формирования межнационального уважения и общенациональной солидарности.

Сейчас с приходом в нашу жизнь таких категорий, как глобализация, цифровизация и быстрыми социальными изменениями, достаточно остро и актуально стоит вопрос сохранения и передачи традиционных духовно-нравственных ценностей. Россия, являясь многонациональным и многоконфессиональным государством, обладает особым культурным и историческим наследием, которое закладывает фундамент и формирует нравственную основу личности гражданина. Формирование общероссийской идентичности и активной гражданской позиции напрямую зависит от сохранения базовых духовно-нравственных ценностей, наиболее значимыми из которых являются: историческая память, преемственность поколений, а также межэтническое согласие и культурное многообразие страны.

Таким образом, важно помнить, что любые государственные меры по защите традиционных ценностей сработают только тогда, когда законы будут подкреплены реальным участием общества. Успех государственной политики зависит от баланса между эффективным и грамотным правотворчеством и живой инициативой со стороны гражданского общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 (ред. от 04.03.2026 г.) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Бродовская Е. В. Сохранение единства народов России // Государство. 2026. № 4. С. 76–82.

7. Буданов М.А., Полунов А.Ю. Основы Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и совершенствование концептуальной базы регулирования межэтнических отношений // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 18–25.

8. Гузенина С.В. «Братских народов союз вековой»: к празднованию года единства народов России // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2026. № 1 (114). С. 12–15.

9. Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. 352 с.

10. Кабышев С.В. Единство народов России как государственно-правовая идея: ценностные основания и вызовы современности // Юридическое образование и наука. 2026. № 2. С. 2–6.

11. Путина О.В. Эволюция целей и задач государственной национальной политики России в контексте формирования Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на новый период // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113. С. 180–191.

Об авторе:

АРЗУМАНОВА Сильва Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых и частноправовых наук ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (357532, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9), SPIN-код: 8258-3464, AuthorID: 804900, e-mail: arzumanova.silvana@yandex.ru

The constitutional and legal foundations of ensuring the unity of the peoples of Russia and the problems of forming the value of national unity among young people

S.M. Arzumanova

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

The article is devoted to the analysis of the problems of formation of the value of national unity among Russian youth. The author studies the legal basis for the protection and preservation of such traditional spiritual and moral values as the unity of the peoples of Russia. The role and importance of the idea of reviving traditional Russian spiritual and moral values are noted. The author pays special attention to the study of the practical implementation of a set of measures for the formation of the value of national unity among young people, education in the spirit of respect, tolerance and culture of interethnic and interfaith communication. The practical implementation of projects is proposed that will help not only to form this value among the younger generation, but also to become part of the educational process.

Keywords: *unity of the peoples of Russia, traditional spiritual and moral values, state, society, youth.*

About author:

ARZUMANOVA Silva – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law and Private Law Sciences, Pyatigorsk State University (357532, Pyatigorsk, Stavropol Territory, Kalinin Ave., 9), SPIN-code: 8258-3464, AuthorID: 804900, e-mail: arzumanova.silvana@yandex.ru

Арзуманова С.М. Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России и проблемы формирования у молодежи ценности народного единства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 56–63.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.4:342.72 (470+571)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.064

Единство народов России: конституционно-правовые основы и значение для государства

Э.Ю. Балаян

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово;
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Категория «единство народов России» в законодательстве России и юридической доктрине рассматривается в разных аспектах: как основополагающий принцип отечественного правопорядка, государственно-правовая идея, духовно-нравственная ценность, фундамент российского федеративного государства и т. д. Основной целью данной научной статьи является конституционно-правовой анализ значения данной категории для сохранения и укрепления Российского государства. Для достижения цели поставлены и решены задачи по изучению содержания конкретных нормативных правовых актов, регулирующих реализацию государственной политики в отношении обеспечения единства народов России, актов судебных органов, доктрины. Автором использован комплексный подход, сочетающий различные методы научного познания: диалектический, системный, формально-юридический. В результате исследования автор приходит к следующим выводам: учитывая стрежневое значение для российского государства сохранения и укрепления единства народов России, необходимо наполнить данную категорию сущностным регулятивным содержанием на всех уровнях правотворческой деятельности государства; уточнить и четко разграничить понятийный аппарат категорий «единство народов России», «единство многонационального народа Российской Федерации», «единство российской нации»; осуществить правовую унификацию терминологии в деятельности органов единой системы публичной власти Российской Федерации; конкретизировать ее государственно-правовое значение.

Ключевые слова: *единство народов России, духовно-нравственные ценности, этнокультурное разнообразие, цивилизационная идентичность России, национальная идея.*

Президент Российской Федерации в целях укрепления национального единства, мира и согласия между народами Российской Федерации 25.12.2025 г. постановил провести в 2026 г. в Российской Федерации Год единства народов России [3]. В соответствии с Указом Президента РФ образован оргкомитет по проведению Года единства народов России, разработаны и реализуются планы основных мероприятий на федеральном уровне, в субъектах Российской Федерации, в муниципальных образованиях.

Идея единства народов не является новой для российского

© Балаян Э.Ю., 2026

государства и общества, доктрины, законодательства. Как отмечает Т.В. Заметина, «еще русские дореволюционные государствоведы, размышляя о государственной организации России, уделяли внимание вопросам обеспечения социальной солидарности, многообразия и гармоничного развития народов, проживающих на ее территории» [16, с. 271]. С.В. Кабышев справедливо пишет, что «Обсуждение единства народов России в правовом аспекте не может носить формально-догматический характер и быть оторвано от исторического и цивилизационного контекста» [17, с. 3].

В современном российском государстве как стержневая государственно-правовая идея единство народов России является принципом, вытекающим из содержания конституционных норм и в определенном смысле демонстрирует его цивилизационную идентичность. Конституция Российской Федерации 1993 г. содержит Преамбулу, которая в первой же строке юридически определяет источник власти и носителя суверенитета: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» [1]. Бесспорно, согласно конституционной норме, народный суверенитет принадлежит не математической совокупности отдельных народов (этносов), а единому российскому народу – целому, объединенному общей исторической судьбой и общими духовно-нравственными ценностями. Для обеспечения правовой определенности в отношении категории «многонациональный народ» особое значение приобретает акт высшего органа конституционного правосудия России. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15.12.2004 г. № 18-П конкретизировал понятие многонационального народа как совокупности граждан различных национальностей и вероисповеданий, соединенных общей судьбой и сохраняющих исторически сложившееся государственное единство [15].

В Российской Федерации принцип государственного единства закреплен в преамбуле Конституции, где подчеркивается многонациональный характер государства, равноправие и самоопределение народов (ч. 3 ст. 5). Российская Федерация выступает формой самоопределения всего многонационального народа и каждого входящего в него отдельного этноса. Важнейшим элементом федеративного устройства России является равноправие всех субъектов федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти (ч. 4 ст. 5).

Конституционно-правовая категория «народ» в разных терминологических сочетаниях встречается в огромном количестве нормативных актов. Приведем лишь самые распространенные и имеющие отношение к данному исследованию понятия: «многонациональный народ», «единство народов России», «единство многонационального народа Российской Федерации», «единство российской нации», «национальное единство».

Первые четыре встречаются в действующих нормативных актах, принятых органами всех уровней единой системы публичной власти, имеют определенную легальную смысловую нагрузку. Категорию «национальное единство» [18, с. 42] можно отождествить с современным аналогом – «единство российской нации», характеристика которого содержится в Указе Президента Российской Федерации [11]. «Единство многонационального народа Российской Федерации» раскрывается в ряде правовых актов [5, 6, 8, 12].

Учитывая цели данного исследования и ограниченный объем материала, не является возможным рассмотрение всех указанных категорий и терминов. Даже поверхностное ознакомление с нормативными актами, содержащими упоминание указанных категорий, приводит к выводу, что есть проблемы в их правовом регулировании. Как законодателю, так и правоприменителю и обычному гражданину России должны быть понятны значение, конкретное содержание всех разных видов «единств», четкие механизмы их сохранения, укрепления и обеспечения. Представляется, что противоречивое и неоднозначное использование и толкование приводит к правовой неопределенности и неэффективной реализации положений правовых актов, т. е. к неполному достижению поставленной субъектами правотворческой инициативы цели.

В обеспечении государственно-правовой идеи единства народов России ключевыми факторами выступают ценностные (нравственные) ориентиры. Социально-культурные и духовно-нравственные ценности образуются внутри социума и устанавливают идеалы, правила поведения, морали и этики. Эти важнейшие нормы и догмы влияют на формирование и становление личности, традиционно и исторически передаются от поколения отцов поколению потомков. Примеры социальных ценностей включают уважение старших, патриотизм, трудолюбие и справедливость.

Конкретный перечень духовно-нравственных ценностей содержится в подзаконном акте, подписанном Президентом Российской Федерации в 2022 г. [8]. В Указе Президента № 809 данные ценности обобщенно называются традиционными ценностями[1], к которым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость,

[1] Традиционные ценности в Указе Президента обозначены как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Согласимся с С.В. Кабышевым в том, что «единство народов России базируется на общих духовно-нравственных ценностях: справедливости, правде, служении общему благу и патриотизме. Это надэтническая солидарная общность судьбы, в которой этнокультурное многообразие не только сохраняется, но и рассматривается как ресурс развития страны» [17, с. 5]. В отличие от западной модели «плавильного котла» или крайнего мультикультурализма, российская модель предполагает сохранение национальной идентичности при подчинении общим цивилизационным императивам.

В ключевых современных правовых актах – Стратегии национальной безопасности [9] и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года [4] – укрепление единства многонационального народа и общероссийской гражданской идентичности провозглашается главной целью государственной политики. Это рассматривается как необходимое условие для реализации цивилизационного потенциала России в XXI в. и защиты ее суверенитета от внешних вызовов.

Исторически единство формировалось как рациональная необходимость для выживания и освоения огромных территорий в сложных географических условиях. Психологи и социологи отмечают такие черты российского народа, как взаимная поддержка, коллективизм и трудолюбие, направленные не только на материальную выгоду, но и на духовное вознаграждение – признание пользы общего дела. Эти качества рассматриваются как ключевые элементы «культурного кода» и основы социальной сплоченности. Они заложены на уровне коллективного сознания и проявляются в моменты национальных испытаний.

Научное историческое знание и образование являются основой исторического просвещения в России. Цели, основные принципы, задачи и механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения изложены в Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения [7]. Историческое просвещение понимается как регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества (пп. «а» п. 3). Осознание исторического единства народов Российской Федерации при сохранении ценности истории и культуры каждого ее народа в указанных Основах отнесено к одному из основных принципов государственной политики в области исторического

просвещения.

Бесспорно, обеспечение единства народов России возлагается на институты образования, науки и культуры. Их основной задачей является доктринальное осмысление и анализ основ этого единства и транслирование ценностей новым поколениям, формирование ответственных патриотичных граждан, для которых личная судьба неразрывно связана с судьбой и будущим многонационального народа России.

Современное российское общество объединено общим культурным (цивилизационным) кодом, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации, интегрировании их лучших достижений в единую российскую культуру [13].

Важнейшими инструментами и проявлениями этих ценностей на практике являются:

1. Русский язык. Государственный язык России выступает не как инструмент ассимиляции, а как средство для взаимопонимания и взаимодействия и между представителями более 190 народов, проживающих в России. Русский язык способствует сохранению связи между различными поколениями и народами, обеспечивая единство правового, экономического, культурного и информационного пространства. Важно отметить, что в июне 2026 г. Министерство высшего образования и науки РФ утвердило четыре обязательные дисциплины для обучающихся всех курсов, специальностей, направлений и форм обучения в вузах РФ: история, основы российской государственности, философия и русский язык. Данные дисциплины стандартизированы для всех образовательных программ.

«Российская Федерация проводит политику сохранения, развития и поддержки существующего языкового многообразия, сочетающего в себе функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик Российской Федерации и других языков народов Российской Федерации» [5].

2. Уважение к этнокультурному многообразию. В России народы имеют возможность сохранять свои языки, культуру, традиции и религию. Это уважение к самобытности каждого этноса при одновременном признании общей гражданской принадлежности является уникальным принципом российского федерализма. Вполне логично, что правовому регулированию этих вопросов и финансированию уделяется пристальное внимание. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств

бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относит осуществление мер, направленных на поддержку, сохранение, развитие и изучение русского языка как государственного языка Российской Федерации, языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, а также иных мер, направленных на укрепление гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, защиту прав национальных меньшинств, социальную и культурную адаптацию и интеграцию иностранных граждан (мигрантов), профилактику и предупреждение экстремизма и межнациональных (межэтнических) конфликтов, достижение межнационального и межконфессионального согласия (пункт 43 части 1 статьи 44) [2].

Субъекты федерации со статусом республик в составе Российской Федерации в своих конституциях устанавливают свой государственный язык (или языки). Например, ст. 11 Конституции Республики Дагестан закрепляет: «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана [19, с. 19][2] (ч. 1). В Республике Дагестан гарантируется всем народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [14].

3. Общая цель – устойчивое развитие и процветание России. Как отмечал Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин, народы страны объединяют общие ценности и желание двигаться вперед вместе, что является основой для совместных достижений и побед.

Уважение к этнокультурному многообразию является не просто проявлением толерантности, а фундаментальным условием и стратегическим ресурсом для обеспечения единства и стабильности такой многонациональной страны, как Россия.

Единство народов России зиждется на сбалансированном сочетании общих традиционных духовно-нравственных ценностей, уважения к многообразию культур и исторической памяти, что позволяет России сохранять свою национальную, конституционную и цивилизационную идентичность, своевременно и эффективно реагировать на внутренние и внешние вызовы современности. Сохранение и обеспечение принципа единства народов России является ключевым императивом для России. От его прочности напрямую зависят ее суверенитет, целостность,

[2] «Полиэтнический Дагестан характеризуется функционированием 14 литературных (аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский) и 18 бесписьменных языков (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, будухский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, крызский, тиндинский, удинский, хваршинский, хиналугский, цезский, чамалинский)».

национальная безопасность, способность к развитию и само существование в виде единого, могущего и свободного государства. В этом контексте нельзя не согласиться с С.В. Кабышевым в том, что «в конечном счете от этого зависит сама возможность для России реализовать свой цивилизационный потенциал в XXI веке» [17, с. 4].

Единство народов России – это не просто красивый лозунг или формальная норма, а стержневая конституционная идея, определяющая суть российской государственности, ее правовую модель и стратегию развития в условиях современных глобальных вызовов.

На современном этапе отмечается тенденция к дальнейшему распространению радикализма среди отдельных групп населения и обострению внешних и внутренних экстремистских угроз. В целях обеспечения дальнейшей реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации была утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации [6]. Согласно данному документу в области государственной культурной политики задачами государства являются содействие активному распространению идеи исторического единства народов Российской Федерации и укрепление единого культурного пространства Российской Федерации при сохранении культурной самобытности ее народов.

Вместе с тем важным является подчеркивание роли российского казачества в укреплении единства народов России. Приоритетом государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, в числе прочего, является его привлечение к участию в мероприятиях, направленных на укрепление гражданского единства, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве [10].

В контексте анализа категории «единство народов России» хотелось бы вспомнить слова В.Д. Зорькина. В апреле 2012 г. выступая на юридическом факультете в университете Св. Кирилла и Мефодия в Скопье в ходе своего визита в Республику Македония с лекцией на тему «Современное государство в эпоху этносоциального многообразия», председатель Конституционного Суда Российской Федерации отметил, что судьба России и других стран «во многом зависят сегодня от того, сумеем ли мы найти работающие концепции устойчивой неконфликтной интеграции этноконфессиональных и этнокультурных сообществ в едином правовом поле и в единых государственных организмах» [20].

Основная задача современного российского государства и общества в эпоху сложных геополитических вызовов заключается в определении национальной идеи, сохранении российской цивилизационной идентичности, в построении сильной, свободной, единой, суверенной России, в претворении в жизнь концепций, способствующих построению современного социального государства, где каждый человек может

обеспечить себе достойную жизнь.

Таким образом, анализ действующего законодательства, позиций Конституционного Суда Российской Федерации, доктрины позволяет сформулировать основной вывод статьи: единство народов имеет ключевое значение для России; сохранение и укрепление единства народов России является обязательным фактором существования и сохранения Российского суверенного федеративного государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.03.2026).

2. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 25.05.2026 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.06.2026 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

3. Указ Президента РФ от 25.12.2025 г. № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» // СЗ РФ. 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8562.

4. Указ Президента РФ от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 48 (Часть IV). Ст. 7312.

5. Указ Президента РФ от 11.07.2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 28. Ст. 3958.

6. Указ Президента РФ от 28.12.2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8669.

7. Указ Президента РФ от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2587.

8. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

9. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

10. Указ Президента РФ от 09.08.2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» // СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5259.

11. Указ Президента РФ от 26.04.2016 г. № 200 «О премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства Российской нации» (вместе с «Положением о премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства Российской нации») // СЗ РФ. 2016. № 18. Ст. 2607.

12. Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2339.

13. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2024 г. № 206-р (ред. от

30.04.2026 г.) «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2024. № 7. Ст. 988.

14. Конституция Республики Дагестан (принята Конституционным Собранием 10.07.2003 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/802018919 (дата обращения: 09.03.2026).

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст. 5260.

16. Заметина Т.В. Конституционно-правовые аспекты обеспечения равноправия и единства народов России // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 271–280.

17. Кабышев С.В. Единство народов России как государственно-правовая идея: ценностные основания и вызовы современности // Юридическое образование и наука. 2026. № 2. С. 3–6.

18. Сосенков Ф.С. Политико-правовые воззрения на национально-территориальное единство российского государства: генезис и эволюция (IX – конец XX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2023. 619 с.

19. Языки Дагестана / под общ. ред. Г.Г. Гамзатова, отв. ред. Н.С. Джидалаев. Махачкала-Москва, 2000. 553 с.

20. Зорькин В. Необходимо создать концепцию интеграции этноконфессиональных и этнокультурных сообществ в едином правовом поле [Электронный ресурс]. URL: https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/21413/ (дата обращения: 07.03.2026).

Об авторе:

БАЛАЯН Эллада Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и административного права Кемеровского государственного университета (650000, Кемерово, ул. Красная, 6), СПИН-код: 9124-0412; кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149), SPIN-код: 9124-0412; AuthorID: 772605; e-mail: elladalaw@yandex.ru

Unity of the peoples of Russia: constitutional and legal foundations and significance for the state

E.Yu. Balayan

Kemerovo State University, Kemerovo;
Kuban State University, Krasnodar

The category of "unity of the peoples of Russia" is examined in various aspects in Russian legislation and legal doctrine: as a fundamental principle of the national legal order, a state-legal idea, a spiritual and moral value, the foundation of the Russian federal state, etc. The primary objective of this

research article is a constitutional and legal analysis of the significance of this category for the preservation and strengthening of the Russian state. To achieve this goal, the objectives of studying the content of specific normative legal acts governing the implementation of state policy regarding ensuring the unity of the peoples of Russia, as well as judicial acts and doctrine, were set and solved. The author utilized a comprehensive approach, combining various methods of scientific inquiry: dialectical, systemic, and formal-legal. As a result of the study, the author comes to the following conclusions: given the fundamental importance for the Russian state of preserving and strengthening the unity of the peoples of Russia, it is necessary to imbue this category with essential regulatory content at all levels of state lawmaking; To clarify and clearly delineate the conceptual apparatus of the categories "unity of the peoples of Russia", "unity of the multinational people of the Russian Federation", "unity of the Russian nation"; to implement legal unification of terminology in the activities of the bodies of the unified system of public authority of the Russian Federation; to concretize its state and legal significance.

Keywords: *unity of the peoples of Russia, spiritual and moral values, ethnocultural diversity, Russia's civilizational identity, national idea.*

About author:

BALAYAN Ellada – PhD in Law, associate professor, associate professor of the Department of state and administrative law of the Kemerovo State University (650000, Kemerovo, Krasnaya st. 6); PhD in Law, associate professor, associate professor of the Department of zonstitutional and administrative law of the Kuban State University (350040, Krasnodar, Stavropolskaya st. 149), SPIN-code: 9124-0412; AuthorID: 772605; e-mail: elladalaw@yandex.ru

Балаян Э.Ю. Единство народов России: конституционно-правовые основы и значение для государства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 64–73.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 34.023
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.074

Юридические категории «иноземец», «иноверец» и «инородец» в контексте реализации государственной идеологии Российской империи

В.Ю. Викторов

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Клин

Объектом исследования является государственная идеология Российской империи; цель работы – изучение юридических категорий «иноземец», «инородец» и «иноверец» как государственной модели цивилизационной дифференциации населения; задачей работы является рассмотрение политики и практики распространения православия как государственной идеологии Российской империи. Основной целью правовой дифференциации населения Российской империи на категории «иноземцев», «инородцев» и «иноверцев» было стремление не ограничить в правах данные категории населения, а стимулировать их приобщение к надэтнической государственной идеологии, выраженной в православии, принятие которого не только гарантировало все права и свободы гражданина империи, но фактически приравнивалось к получению статуса русского. Подобное надэтническое направление государственной политики отчасти прослеживается в распространении государственной идеологии коммунизма в СССР.

Ключевые слова: *дифференциация, стратификация, юридическая категория, «иноземец», «инородец», «иноверец», православие, государственная идеология, патриотизм идеологический, патриотизм этнический, национализм.*

Основными элементами правовой стратификации населения в Московском царстве (далее – МЦ) и Российской империи (далее – РИ) по этническому и религиозному принципу были категории «инородец», «иноверец» и «иноземец». Представленная статья посвящена генезису формирования данных юридических категорий в русском праве и выявлению влиянии имперской идеологической традиции на советское законодательство.

Наиболее ранней юридической категорией законодательства МЦ была категория «иноземца», что связано с ростом найма иностранцев на русскую службу, приобретшего масштабный характер уже в правление Ивана III. Приток иностранцев на русскую службу требовал создания особых юридических норм, регулировавших их права и обязанности. Мощнейшая база для этого была заложена феодальным законодательством Новгородской и Псковской республик.

Одним из первых источников, систематически использующих термин «иноземцы», являются Судебники 1497 и 1550 гг. В них

 © Викторов В.Ю., 2026

практически отсутствуют специальные нормы, основной акцент делается на регламентацию и упрощение судебных процедур между иноземцами и русскими. Кроме этого, имелись и иные нормативные акты (Указы), в том числе регламентирующие «черту оседлости» для иноземцев.

К основной юридической характеристике иноземцев в Соборном уложении 1649 г. можно отнести их привилегированное положение: они не выплачивают налоги (тягло), имеют право служить в иноземных войсках за жалование, судятся при участии своих судей, могут свободно покидать страну, могут владеть поместьями и вотчинами за службу (с принятием православия) [6, с. 28–31, 74–79, 84, 98, 103].

В Петровскую эпоху положение иноземцев становится менее привилегированным: им запрещается приобретать недвижимость без особого разрешения – Указа о единонаследии [4, т. V, с. 486–488]; в соответствии с Табелью о рангах получение высших должностей и чинов возможно только при принятии православия; в соответствии с Регламентом Главного магистрата проживающие в городах и записавшиеся в посад иноземцы должны нести тягло [4, т. VI, с. 291–305], для иноземцев вводится обязательная паспортная система. Заманчивым моментом для привлечения иноземцев было повышенное жалование (превышавшее жалование русских на тех же должностях в 2 и более раза).

Положение иноземцев несколько улучшается в правление Екатерины II: для привлечения иноземцев на новоприобретенные территории им жалуют земли, даруют самоуправление и освобождают от налогов на 30 лет – Манифест 1763 г. о вольных колонистах [2, с. 18–22]. Горожане-иноземцы в соответствии с Жалованной грамотой городам 1785 г. могли стать членами купеческих гильдий, но не обладали избирательными правами в системе городского самоуправления [3, с. 67–94]. И только с правления Павла I их привилегии начинают пересматриваться.

По Своду законов РИ 1832 г. термин «иноземец» используется уже как устаревший, вводится новый – «иностранец». Иностранцы имели право на вероисповедание, работу, освобождались от рекрутской повинности, без специального разрешения не могли владеть крепостными и недвижимостью, не могли занимать должности ниже 8 класса без принятия гражданства, с 5 класса – без принятия православия. Могли заниматься только оптовой торговлей, были ограничены в местах проживания, гражданские дела вели с правом обращения к законам своей страны, уголовные – в соответствии с законодательством РИ и участием своего консула [5, с. 68–73].

Таким образом, четко прослеживается государственная политика по созданию поощрительной юридической модели – привлечение иностранцев, а позднее и создание определенных препятствий, при которых религиозная и гражданская ассимиляция была бы более выгодной моделью поведения. На начальном этапе развития понятия

«иностранец» – это привилегированный специалист (профессиональный ресурс), на финале развития законодательства РИ – ограниченный в правах иностранец, что впоследствии нашло свое отражение и в Советском праве.

Гораздо сложнее обстоит дело с иными категориями – «иноверец» и «инородец». Категория «иноверец» получает юридическое закрепление только в Соборном уложении 1649 г. как обобщенное наименование всех лиц, не придерживающихся православия. Основным критерием здесь было вероисповедание, главный триггер для определения свой-чужой в МЦ. Для XVII в. русский – синоним православного, это религиозная принадлежность, а никак не этническая. В преступлениях против веры «иноверец» выделяется как особый юридический субъект: при квалификации преступления учитывалась не только его тяжесть, но и вероисповедание преступника. Служба у иноверцев отождествлялась с религиозной нечистотой [7, с. 16–18].

По Своду законов РИ 1832 г. внутренние дела иноверцев подчинялись их собственным духовным управлениям, создавалось Учреждение об Управлении иноверных, регулировавшее отношения между государством и общинами иноверцев, устанавливались границы дозволенного, запрет прозелитизма, запрет на определенные должности, запрет на владение православными крепостными и пр. [4, т. II, ч. 1, с. 7–171]. После революций 1917 г. термин «иноверец» утратил юридическое значение в силу декретов Советской власти, отделивших церковь от государства, упразднивших сословные и конфессиональные категории населения, провозгласивших равенство всех граждан.

Таким образом, смена вероисповедания на православное гарантировало не только обретение всех гражданских прав РИ, это был мощный социальный лифт, фактически это обозначало смену родовой, или этнической, принадлежности, человек становился русским.

Категория «инородец» включала в себя определение юридического статуса народов севера и кочевников, проживающих на территории РИ, обладающих определенной автономией и ограничениями в правах. Этот термин был введен в юридический оборот в 1822 г. М.М. Сперанским, разработавшим «Устав об управлении инородцами». К инородцам относились тюркские, финно-угорские, монгольские и иные народы, сохраняющие традиционный экономический, хозяйственный и правовой уклад. «Инородцы» делились на 3 типа: оседлые (проживающие в городах и селах с традиционным русским укладом, при принятии православия уравнивались в правах с гражданами РИ), кочевые (традиционное самоуправление и законодательство, за исключением разбирательств по тяжким преступлениям) и бродячие (традиционное управление, подушная подать заменялась пушным налогом). В целом, термин «инородец» был эмоционально нейтральным, обозначавшим народы севера. Интересно, что в перечень «инородцев» никогда не

входили народы Прибалтики, поляки, финны. Правовые особенности юридического статуса «инородца» определялись освобождением от рекрутской повинности (с заменой на особый налог), заменой подушной подати на натуральный налог (ясак), ограничением на выдачу паспортов, сохранением традиционного управления и земель хозяйственной значимости [1, с. 10–11].

Отказ от примитивного технологического уклада и принятие православия (простая смена веры без перехода к оседлости статуса не меняла) гарантировали обеспечение полнейшей юридической состоятельности и включение в соответствующую сословную группу РИ со всеми правами и обязанностями последнего. Таким образом, понятие «инородец» определяло цивилизационную и техническую отсталость, сохранение традиционной администрации упрощало контроль и налогообложение, наличие льгот для православных облегчало миссионерскую деятельность православия.

После Февральской революции 1917 г. термин «инородец» перестал использоваться, в юридической практике СССР закрепляется понятие нации, данное И.В. Сталиным, национальные меньшинства определялись апофатически, исходя из отсутствия признаков нации – языка, территории, экономического склада, психического склада [8, с. 296].

К 20-м гг. в научной литературе появляется термин «национальное меньшинство», но уже к 30-м гг. оно вытесняется. Правового определения национального меньшинства не дает ни одна из советских конституций, здесь закрепляется достаточно аморфная категория «меньшинство». Права меньшинств сводились к национально-территориальной автономии (53 народа из проживавших в СССР): они обладали обширными культурными и языковыми правами (политика коренизации), в отличие от титульных наций, не имели права выхода из СССР, т. е. не обладали коллективными политическими правами [6, с. 46].

Таким образом, во всех случаях применительно к «иноземцам», «инородцам» и «иноверцам» правовые ограничения снимались при принятии православия, а в случае с иноземцами – подданства РИ. Православие являлось не только государственной, но и национальной идеологией, национальной идеей РИ, неотъемлемым признаком гражданина РИ. В условии смены режима акцент с религиозной, хозяйственной или этнической инаковости снимался в силу понимания патриотизма как феномена буржуазного общества, изжившего себя в условиях классовой борьбы, строительства социализма и коммунизма. В СССР, как и в РИ, основным элементом патриотизма стала не этническая, а идеологическая составляющая – коммунистическая идеология. Ее кризис привел в целом и к кризису государства. В современных условиях отсутствие достаточно разработанной идеологии, которая могла бы продолжить историческую преемственность надэтнического,

идеологического патриотизма, может привести к развитию этнического патриотизма с возможным скатыванием к ксенофобии и национализму того или иного толка, а соответственно, и к сепаратизму.

Список литературы

1. Гарипов Р.Ш. Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. // История государства и права. 2010. № 23. С. 10–12.

2. История российских немцев в документах (1763–1992). М., МИГУП, 1993. 447 с.

3. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., Юридическая литература, 1987. 527 с.

4. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленной. СПб., Второе отделение собственной Е.И.В. канцелярии, 1857. Т. I–XV.

5. Смирнова Е.С. Регулирование правового статуса иностранцев в России с начала XIX века до октября 1917 года // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 68–129.

6. Соборное уложение 1649 года. Л.: Наука, 1987. 448 с.

7. Сосов М.М. Эволюция норм по защите прав меньшинств в российском законодательстве: исторический аспект // Закон и право. 2020. № 3. С. 44–46.

8. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 290–367.

Об авторе:

ВИКТОРОВ Вячеслав Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и права, филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Клину Московской области (141600, г. Клин, Волоколамское шоссе, дом 20/1), SPIN-код: 2998-3804, Author ID: 288 127, e-mail: ionow.fran@yandex.ru

The legal categories of "foreigner", "infidel" and "alien" in the context of the implementation of the state ideology of the Russian Empire

V.Yu. Viktorov

Russian State Social University, Klin

The object of this study is the state ideology of the Russian Empire. The aim of this work is to examine the legal categories of "foreigner," "non-Russian," and "non-believers" as a state model of civilizational differentiation of the population. The objective of this work is to identify the policies and practices of spreading Orthodoxy as the state ideology of the Russian Empire. The primary goal of legally differentiating the population of the Russian Empire into the categories of "foreigners," "non-Russians," and "non-believers" was not to restrict the rights of these categories, but to encourage their adoption of a supra-ethnic state ideology expressed in Orthodoxy. Adoption of Orthodoxy

not only guaranteed all the rights and freedoms of imperial citizens but was effectively equated to acquiring Russian status. This supra-ethnic direction of state policy is partly evident in the spread of the state ideology of communism in the USSR.

Keywords: *differentiation, stratification, legal category, "foreigner", "foreigner", "infidel", Orthodoxy, state ideology, ideological patriotism, ethnic patriotism, nationalism.*

About author:

VIKTOROV Vyacheslav – PhD in philosophical sciences, associate professor, associate professor of the department of economics, management and law, Klin Branch of the Russian State Social University, Moscow Region (141600, Klin, Volokolamskoe Shosse, Building 20/1), SPIN-code: 2998-3804, Author ID: 288 127, e-mail: ionow.fran@yandex.ru

Викторов В.Ю. Юридическая категории «иноземец», «иноверец» и «инородец» в контексте реализации государственной идеологии Российской империи // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 74–79.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.4:316.752
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.080

Правовые инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей

С.Р. Дробязко

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва

В работе исследуется вопрос о том, каким требованиям должны отвечать правовые инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. В качестве примера рассматривается Федеральный закон от 31.07.2025 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.5 и 10.6 Федерального закона ”Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 5 и 5.1 Федерального закона ”О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации”». Целью работы является выявление специфических особенностей и сложностей создания правовых норм, направленных на сохранение и укрепление традиционных ценностей. Конкретными задачами выступают: исследование вопросов, связанных с законодательной (в том числе конституционно-правовой) защитой традиционных духовно-нравственных ценностей, рассмотрение негативных примеров законопроектов, декларирующих сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей. Основными методами исследования являются анализ, синтез, абстрагирование, обобщение. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами. Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей – задача, требующая системного подхода законодателя. Декларирование того, что конкретная правовая норма способствует сохранению и укреплению традиционных ценностей, не обязательно соответствует реальности, а механическое перенесение в законодательство понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности» порождает проблемы правовой неопределенности, сложности прогнозирования правовых последствий, сложности при правоприменении.

Ключевые слова: *традиционные духовно-нравственные ценности, совершенствование законодательства, свобода творчества, проблемы правоприменения.*

Вопрос о том, как необходимо сохранять и укреплять традиционные российские духовно-нравственные ценности (далее – традиционные ценности), является не только актуальным, но и дискуссионным, затрагивает и научные, и практические стороны развития отечественного права [7; 8, с. 44–52; 9, с. 44–51; 11, с. 104–109; 13, с. 4–8].

© Дробязко С.Р., 2026

Предлагаются различные решения, основанные на разном понимании содержания тех или иных ценностей, разном видении баланса интересов личности и общества, и они могут представлять собой и реализацию различных общественных проектов, и создание новых структур (советов, органов, организаций), и др.

Если обратиться к собственно правовым инструментам, то Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 (ред. от 04.03.2026 г.) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей») в п. 25 называют правовыми инструментами реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и разработку органами публичной власти документов стратегического планирования с учетом целей и задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей [4].

Разработка документов стратегического планирования, безусловно, интересна как правовой инструмент, и важнейшая задача таких документов – целеполагание, основанное на традиционных ценностях. К таким документам, в числе прочего, относятся национальные проекты (ст. 11 Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации») [2].

Так, национальный проект «Семья» (в соответствии с пп. «а» п. 2 Указа Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [3]) ставит цели: увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, и укрепление семейных ценностей, – явно следуя задаче сохранения крепкой семьи как традиционной ценности.

Вместе с тем национальные проекты реализуются в рамках действующего законодательства, и содержательно и логически следуют за изменениями правового регулирования. Поэтому вопрос о создании именно новых норм права на всех уровнях регулирования представляется все-таки первичным.

Простота идеи о том, что для сохранения и укрепления традиционных ценностей необходимо менять нормативные акты на всех уровнях, обманчива и зачастую создает иллюзию, что в этой сфере могут быть «простые решения».

Такие «простые решения» могут быть как минимум двух видов: 1) внесение в законодательство самого понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности» без придания ему конкретики, 2) внесение в законодательство соответствующего общего понятия без

согласования новой нормы с положениями Конституции РФ и действующего законодательства.

В любом случае основной проблемой становится правовая неопределенность, которая может усиливаться использованием других понятий, требующих пояснений (как для общества, так и для правоприменителя).

Свежим примером может служить принятие Федерального закона от 31.07.2025 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.5 и 10.6 Федерального закона ”Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 5 и 5.1 Федерального закона ”О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации”» [1]. Им была введена обязанность владельца аудиовизуального сервиса не допускать распространение аудиовизуальных произведений, которые содержат материалы, дискредитирующие традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующие их отрицание, а также в течение суток с момента получения требования Роскомнадзора прекратить распространение аудиовизуального произведения, в отношении которого Минкультуры России принято решение об отказе в предоставлении (выдаче) прокатного удостоверения или об отзыве прокатного удостоверения либо выдано заключение о наличии материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание**.**

Владельцы социальных сетей также обязаны ограничить после требования Роскомнадзора доступ к аудиовизуальному произведению, в отношении которого Минкультуры РФ приняло решение об отказе в предоставлении (выдаче) прокатного удостоверения или об отзыве прокатного удостоверения либо выдало заключение о наличии материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание, а также обязаны осуществлять мониторинг социальной сети в целях выявления таких аудиовизуальных произведений и незамедлительно принимать меры по ограничению доступа к выявленным аудиовизуальным произведениям.

Дополненная ст. 5.1 Федерального закона от 22.08.1996 г. № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» теперь предусматривает, что прокатное удостоверение на фильм не предоставляется (не выдается) в случаях, если фильм содержит, в числе прочего, материалы, дискредитирующие традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующие их отрицание.

Таким образом, вместе с понятием «традиционные российские духовно-нравственные ценности» законодателем используются понятия

«дискредитация» и «пропаганда», которые усиливают эффект правовой неопределенности.

Приказ Минкультуры России от 29.12.2025 г. № 2503 «Об утверждении Порядка и случаев выдачи заключений о наличии в фильмах, на которые отсутствуют прокатные удостоверения на фильм, материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующие их отрицание, либо отказа в выдаче таких заключений [6] ясности в этом вопросе не прибавил, поскольку порядок выдачи таких заключений в приказе действительно описан (вопросом занимается структурное подразделение Минкультуры России, ответственное за сферу кинематографии, в целях проведения экспертной оценки может привлекаться экспертный совет по оценке фильмов, созданный при Минкультуры России, дополнительно могут быть запрошены позиции научных, образовательных организаций, представителей профессионального культурного сообщества и иных лиц, которые в итоге носят рекомендательный характер и могут быть учтены), а вот понятия «дискредитация традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и «пропаганда их отрицания» не раскрыты.

При этом, например, уже упомянутый Роскомнадзор в своих приказах раскрывает подробно, какую именно информацию будет считать пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, педофилии, смены пола, отказа от деторождения [5], что в целом позволяет сориентироваться в правовом регулировании, и проводимые по этим поводам экспертизы имеют хотя бы понятный предмет.

Но в случае с традиционными ценностями вопрос сложнее.

Безусловно, в праве всегда были, есть и будут отсылки к морали, нравственности, каким-то оценочным категориям, вместе с тем, в данном случае существуют как минимум три фактора, усложняющих правоприменение:

1) отсутствие легального закрепленного содержания некоторых традиционных ценностей;

2) непонятно, как законодатель предлагает оценивать конфликт ценностей (например, конфликт служения Отечеству и ответственности за его судьбу с ценностью крепкой семьи, конфликт справедливости и милосердия);

3) сам кинематограф специфичен тем, что, как представляется автору (который, правда, не имеет специального образования в этой сфере), часто показывает реальность, но оценка этой реальности может не быть столь явной, чтобы ее можно было однозначно оценить.

Здесь, с одной стороны, можно говорить о том, что многие создатели фильмов намеренно оставляют зрителю пространство для интерпретаций, создают многозначные и неоднозначные произведения, а зрители (включая привлекаемых экспертов) могут субъективно

интерпретировать то, что увидели, иногда могут не почувствовать сатиру или иронию автора в силу опять же субъективных причин.

И получается, что закон не просто вводит некое дополнительное регулирование творчества [14, с. 337–347], закон в данном случае ставит создателей фильмов в условия выбора между правовыми рисками и необходимостью четко выразить свою ценностную позицию (даже если авторский замысел этого не предполагает).

Нечеткость ее выражения, отсутствие очевидного резонера ставит вопрос о том, станет ли дискредитацией традиционных ценностей и пропагандой их умаления любая демонстрация в фильме другой позиции (любая негативная информация)?

Если говорить о единстве народов России, то дискредитирует ли эту ценность, например, сериал о трудностях межкультурного, межрелигиозного брака? Особенно, если он заканчивается драматически – расставанием героев?

С философской точки зрения, можно вообще задаться вопросом, насколько реальная жизнь сама по себе и в отражении произведений искусства позволяет «вывести», сформулировать, заявить те или иные ценности. Так, А.А. Ивин отмечает: «...эмпирическое обоснование неприменимо в области оценок и норм. В отличие от описательных оценочные и нормативные утверждения не могут поддерживаться ссылками на то, что дано в непосредственном опыте. Ценности не даны человеку в опыте. Они говорят не о том, что есть в мире, а о том, что должно в нем быть, и их нельзя увидеть, услышать и т. п.» [10, с. 252]. Из этого следует, что вопрос изображения реальности, живых людей, которые ошибаются, заблуждаются, могут иметь небезупречную (с точки зрения государства) ценностную позицию, остается открытым. Да и нужны ли зрителю исключительно утопические произведения, где он не может узнать ни себя, ни свою жизнь?

Не вполне ясно также, какими конкретно специальными знаниями должен обладать эксперт, выдающий соответствующее заключение. Российское законодательство связывает понятие эксперта с особой квалификацией, с необходимостью проведения всесторонних и полных исследований в соответствии с существующими методиками, с использованием достижений современной науки и техники (такую трактовку, в частности, предполагает Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

И если сами позиции героев фильма и те идеи, которые в фильме содержатся, в целом можно определить средствами, например, лингвистической экспертизы, то их оценка с ценностной точки зрения всегда будет субъективной, даже если вопрос касается таких хорошо изученных правом традиционных ценностей, как жизнь, достоинство, права и свободы. Существуют различные доктринальные интерпретации

жизни, достоинства, прав человека, различные национальные практики осуществления прав и свобод, и, кажется, законодатель не хотел, но ставит перед практикой вопрос о том, что какие-то интерпретации могут рассматриваться как дискредитирующие (в связи с чем им не место в кино).

Этот пример позволяет сделать некоторые общие выводы. Во-первых, сохранение и укрепление традиционных ценностей должно реализовываться в конституционно-правовом русле, в том числе в контексте соблюдения принципа правовой определенности. Во-вторых, законодателю следует пренебрегать «громкими» и «быстрыми» решениями в пользу эффективных и проработанных. Формальные запреты могут, с одной стороны, запутывать добросовестных авторов, а с другой стороны, не иметь никакой силы против изощренных злоупотреблений [6], которые вполне возможны, в числе прочего, при создании кинофильмов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2025 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.5 и 10.6 Федерального закона ”Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 5 и 5.1 Федерального закона ”О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 27.05.2026).

4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 (ред. от 04.03.2026 г.) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27.02.2023 г. № 25 «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", в единую автоматизированную информационную систему "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в иинформационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию,

распространение которой в Российской Федерации запрещено» (Зарегистрирован 17.04.2023 г. № 73053) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/406747273/ (дата обращения: 27.05.2026).

6. Приказ Минкультуры России от 29.12.2025 г. № 2503 «Об утверждении Порядка и случаев выдачи заключений о наличии в фильмах, на которые отсутствуют прокатные удостоверения на фильм, материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание, либо отказа в выдаче таких заключений» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202602090007 (дата обращения: 27.05.2026).

7. Белгородские прифронтовые чтения «Стратегические приоритеты государственной культурной политики: эхо юридического форума»: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Белгород, 26 февраля 2025 г. / отв. ред. Е.Е. Тонков. Белгород: ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2025. 324 с.

8. Бутрим И.И., Михайлова Е.В. Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм защиты традиционных ценностей в Российском государстве // Государство и право. 2023. № 9. С. 44–52 [Электронный ресурс]. URL: https://gipras.ru/s102694520027733-7-1/?version_id=103247 (дата обращения: 10.06.2026).

9. Заметина Т.В. Вопросы конституционно-правового регулирования сферы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9. С. 44–51 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.133.9.044-051 (дата обращения: 10.06.2026).

10. Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография. М.: Проспект, 2025. 320 с.

11. Кашкина Е.В. Уголовно-правовая защита традиционных ценностей в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. № 13 (1). С. 104–109 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-11 (дата обращения: 10.06.2026).

12. Крусс В.И. Злоупотребление правом: учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 176 с. [Электронный ресурс].

13. Чеботарев Г.Н Трансформация права в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 2. С. 4–8.

14. Чулисова Ю.А. Свобода творчества в системе конституционных прав и свобод (в свете конституционной реформы 2020 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 337–347.

Об авторе:

ДРОБЯЗКО Софья Руслановна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13),

SPIN-код: 6993-7355, e-mail: sofya.drobyazko@yandex.ru

Legal tools for implementing state policy to preserve and strengthen traditional values

S.R. Drobyazko

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The paper examines the requirements that legal instruments for implementing state policy on preserving and strengthening traditional values should meet. As an example, we consider Federal Law No. 324-FZ dated July 31, 2025, "On Amendments to Articles 10.5 and 10.6 of the Federal Law "On Information, Information Technologies, and Information Protection" and Articles 5 and 5.1 of the Federal Law "On State Support for the Cinema Industry in the Russian Federation." The purpose of this work is to identify the specific features and challenges of creating legal norms aimed at preserving and strengthening traditional values. Specific tasks include: studying issues related to legislative (including constitutional) protection of traditional spiritual and moral values; reviewing negative examples of bills that declare the preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values. The main research methods are analysis, synthesis, abstraction, and generalization. The results of the study can be presented in the following main conclusions: Preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values is a task that requires a systematic approach from the legislator. Declaring that a specific legal norm contributes to the preservation and strengthening of traditional values does not necessarily correspond to reality, and the mechanical transfer of the concept of "traditional Russian spiritual and moral values" into legislation creates problems of legal uncertainty, difficulties in predicting legal consequences, and difficulties in law enforcement.

Keywords: *traditional spiritual and moral values, improvement of legislation, freedom of creativity, and problems of law enforcement.*

About author:

DROBYAZKO Sofya – PhD in Law, assistant of the department of constitutional and municipal law, faculty of law, Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, building 13), SPIN-code: 6993-7355, e-mail: sofya.drobyazko@yandex.ru

Дробязко С.Р. Правовые инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 80–87.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.724:316.752 (470.331)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.088

Механизмы сохранения традиционных ценностей: роль Общественной палаты Тверской области в общественном диалоге

Т.А. Забелина

ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Тверь

Объектом исследования является деятельность Общественной палаты Тверской области как института гражданского общества по реализации государственной политики в сфере сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Целью является выявление механизмов, направлений работы Общественной палаты Тверской области по исполнению Указа Президента РФ от 09.09.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и региональных инициатив по защите семьи, патриотическому воспитанию и культурно-исторической преемственности, а также оценка эффективности данной работы. Конкретными задачами выступают: анализ нормативно-правовой базы и договорных отношений (включая соглашение с Тверской епархией), определяющих компетенцию Палаты в вопросах традиционных ценностей; изучение направления работы комиссий по поддержке семьи (закон о семейном предпринимательстве, проекты НКО, форумы «Большая семья – тверская традиция»); оценка вклада Палаты в патриотическое воспитание молодежи; определение проблемных вопросов и внесение рекомендаций по повышению эффективности работы Палаты в данной сфере.

Ключевые слова: *традиции, духовно-нравственные ценности, семья, общественная палата, государственная политика, общество, воспитание.*

Задача сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей закреплена в конституционных принципах.

Данная стратегическая линия получила конституционный базис с принятием в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации, где, в числе прочего, закреплены полномочия Правительства РФ по проведению в России единой социально ориентированной государственной политики в области сохранения «традиционных семейных ценностей» (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ) [1; 8, с. 15].

Задачи, направленные на сохранение традиционных семейных ценностей, выступают как приоритетные в таких нормативных официальных документах, как «Стратегия развития информационного

© Забелина Т.А., 2026

общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», «Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года», Указ Президента РФ от 09.09.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809) и др. [2–4].

При этом региональный уровень – ключевая площадка для практической реализации этой политики.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей обозначены в Указе № 809. В нем говорится о том, что идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (далее – деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Неоспоримо, что ценности подобной природы есть мировоззренческие ориентиры: передаваемые от поколения к поколению, они составляют основу общероссийской идентичности и культурной целостности, укрепляют гражданское единство, подчеркивают национальную уникальность в духовном, историческом и культурном развитии народов России, на что указывают в своей работе И.Н. Лаврикова, З.И. Магомедова [6, с. 345].

Российское государство рассматривает традиционные ценности как основу российского общества. Значение традиционных ценностей: защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала.

Воспитание тесно связано с жизнью общества, т. к. на процесс воспитания накладывает отпечаток культурное наследие и историческая память каждого народа, что выражается сложившимися в обществе национальными обычаями и традициями, менталитетом нации. Миссия воспитания формируется опытом народа, воплощается в национальной культуре и является основой образовательно-воспитательной политики государства.

Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан. Государство нуждается в гражданах, в повышении демографического показателя, в притоке рабочей силы и в превалировании трудоспособного населения. В то же время процесс адаптации и интеграции не должен идеологически и

психологически переродить российское общество с его традиционными ценностями.

Национальная правовая система содержит ряд норм, регулирующих государственную политику по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Обратим внимание на то, что сегодня особенно остро стоит вопрос о приобщении современных школьников к традиционным российским ценностям, к которым относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Общественная палата Тверской области в механизмах сохранения традиционных российских ценностей выступает как институт «мягкой силы» и общественного согласия.

Рассмотрим роль Палаты как связующего звена между гражданским обществом, властью и традиционными религиозными организациями, в первую очередь Тверской митрополией Русской православной церкви.

В 2024 г. Общественная палата Тверской области заключила соглашение с религиозными организациями, входящими в состав Тверской митрополии. Стороны соглашения договорились о сотрудничестве: в сфере сохранения и гармонизации традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей, развития социального служения и волонтерства; содействия органам публичной власти и социально ориентированным некоммерческим организациям (далее – НКО) в осуществлении ими семейной, демографической, культурной, образовательной, социальной и молодежной политики, реализации социальных проектов и гражданских инициатив, направленных на патриотическое и духовное воспитание граждан, сохранение исторического, духовного и культурного наследия, поддержку семей с детьми, старшего поколения и людей, находящихся в сложной жизненной ситуации, формирование здорового образа жизни; содействия обеспечению прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания; поддержания права на свободу совести и свободу вероисповедания и по другим актуальным и общественно значимым проблемам.

Все направления взаимодействия нашли свое отражение в планах работы Общественной палаты на предстоящие годы.

К механизмам сохранения традиционных ценностей мы относим роль Общественной палаты по реализации общественного контроля за развитием национальных проектов «Жилье и городская среда», «Образование», «Семья», «Малое и среднее предпринимательство»,

«Экологическое благополучие», в различных формах и объемах. Данные мероприятия общественного контроля проведены членами и экспертами Общественной палаты в целях формирования общественной оценки и выработки рекомендаций в адрес органов публичной власти в сфере благоустройства и доступности среды для лиц с особенностями здоровья, надзора за состоянием и условиями летнего отдыха и оздоровления детей, детско-юношеского спорта в Тверской области, организацией горячего питания в образовательных учреждениях. Проведено 96 контрольных мероприятий.

В 2025 г. наиболее резонансные темы, обсужденные на площадке Общественной палаты, нашли свое отражение в реализации законодательной инициативы: принят закон Тверской области «О семейном предпринимательстве в Тверской области», который обособил данный вид предпринимательской деятельности и позволил определить специальные меры государственной поддержки. Обособление семейного предпринимательства в отдельную правовую категорию создало экономические, правовые и организационные условия для его развития, что будет способствовать сохранению традиционных семейных ценностей и их популяризации. Поддержка законопроекта законодателями говорит о его своевременном социальном аспекте и востребованном жителями области статусе [5, с. 24].

Палатой разработаны и направлены в Правительство Тверской области рекомендации по совершенствованию программ поддержки земских специалистов на селе; началась реализация двух пилотных проектов кадрового волонтерства в Торжокском и Лихославльском муниципальных округах; резолюция с общественными рекомендациями по вопросу развития сельских территорий, патриотическому воспитанию и закреплению молодежи на селе направлены в Правительство Тверской области, муниципальные округа и учебные заведения.

В 2025 г. Общественная палата Тверской области приняла участие в общественной экспертизе 35 нормативно-правовых актов федерального уровня и 2 – органов государственной власти Тверской области.

Особое внимание уделялось проектам, имеющим высокую социальную значимость. Так, были поддержаны законопроекты о налоговых и иных льготах для участников специальной военной операции, а также предложены дополнения, расширяющие круг лиц, имеющих право на государственную поддержку. Члены и эксперты Общественной палаты Тверской области участвовали в рассмотрении предложений по совершенствованию правового регулирования деятельности некоммерческих организаций в части введения новой категории некоммерческих организаций – национально-культурных организаций, а также молодежных и детских общественных объединений и некоммерческих организаций. В части экологической политики при рассмотрении соответствующего проекта федерального закона была

выражена озабоченность возможным ростом налоговой нагрузки на бизнес и население в связи с увеличением ставок экологического сбора.

В течение года Общественная палата Тверской области организовала и провела более 50 общественно значимых массовых мероприятий.

Наиболее крупные из них:

1. Образовательный антинаркотический лекторий для обучающихся, студентов, родителей в учреждениях г. Твери и области «Вместе против наркотиков»: более 4 500 участников.

2. Региональные конкурсы «Человек года», «Лучший социальный проект года» в Тверской области по итогам 2024 г.: 350 участников.

3. Региональный конкурс молодежных экологических проектов «Формирование экологической культуры детей и молодежи».

Общественная палата создана для согласования общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, некоммерческих организаций и органов государственной власти. Ее ключевыми функциями являются в первую очередь диалог и согласование интересов. Палата служит площадкой для обсуждения проблем общегосударственного значения, трансформации интересов различных слоев общества в единое общественное мнение.

Еще одно направление работы палаты – общественный контроль. Члены палаты следят за работой чиновников, анализируют эффективность государственных программ, контролируют соблюдение прав граждан.

Поддержка гражданских инициатив способствует выявлению и поддержке проектов НКО и общественных активистов, помогает доносить их предложения до профильных министерств. Так же Палата проводит экспертизу законопроектов и нормативных актов, оценивает, как предлагаемые решения отразятся на жизни людей и организует работу по выработке рекомендаций для органов власти. Палата предлагает меры по поддержке гражданских организаций, участвует в международном сотрудничестве.

Важно отметить, что решения, заключения и предложения Общественной палаты носят рекомендательный характер, но их цель – корректировать государственный курс с учетом реальных потребностей и интересов граждан.

Общественная палата реализует функцию публичного диалога: обсуждение резонансных вопросов (образование, культура, миграция) без жестких конфликтов. Организует экспертные площадки: круглые столы и общественные слушания по вопросам патриотического воспитания, защиты семьи, противодействия деструктивной идеологии. Осуществляет гражданский контроль: мониторинг учебных программ, библиотечных фондов, культурных мероприятий на предмет соответствия традиционным ценностям.

Активно взаимодействует с НКО, осуществляя поддержку

общественных организаций, занимающихся духовно-нравственным просвещением (поисковые отряды, центры традиционной культуры, православные молодежные клубы), выстраивая в данной работе общественный диалог.

Палата организует антикризисный диалог: участие в урегулировании конфликтов, связанных с межнациональными и межрелигиозными отношениями (в условиях Тверской области это актуально в связи с миграцией).

Приведем пример резолюции участников круглого стола на тему: «О ситуации в сфере межнациональных отношений в Тверской области» от 11.09.2024 г., в работе которого приняли участие члены Общественной палаты Тверской области, представители Правительства Тверской области, Законодательного Собрания Тверской области, правоохранительных органов, муниципальных органов власти, в том числе осуществляющие управление в сфере образования, духовенства и общественных объединений. Организатором круглого стола выступила Комиссия Общественной палаты Тверской области по сохранению духовно-нравственных ценностей, патриотическому воспитанию и культуре. В ходе заседания участники круглого стола обсудили вопросы межнациональных отношений в Тверской области с целью оптимизации взаимодействия и консолидации действий органов власти, правоохранительных структур и институтов гражданского общества в выработке алгоритма совместных действий по предупреждению, профилактике и по возможности локализации правонарушений в среде мигрантов, членов их семей, а также эмигрантов, получивших гражданство Российской Федерации. Участники отметили, что в регионе имеет место рост напряженности в сфере межэтнических отношений, и это влечет за собой необходимость усиления контроля за миграционными потоками, реформирование законодательства и принципов миграционной политики в Российской Федерации в целом и в Тверском регионе в частности. А существующие социально-экономические проблемы усиливают межэтническую напряженность и приводят к серьезным конфликтам, в том числе в образовательных учреждениях, что затрагивает интересы несовершеннолетних детей. Несмотря на положительный опыт выстраивания конструктивного диалога, в ряде муниципальных образований существуют проблемы, затрудняющие правовую, культурную, языковую интеграцию мигрантов в местное сообщество, что создает реальные предпосылки для обострения конфликтных ситуаций. Результатом работы круглого стола явилась нормотворческая деятельность по разработке законопроекта о запрете продажи средств самообороны, оружия и иных средств совершения преступлений мигрантам и членам их семей.

В марте 2026 г. председатель общественной палаты Тверской области принял участие в работе круглого стола на тему «Спортивные

капелланы как способ сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7].

Вместе с тем остается проблемным вопрос о недостаточной вовлеченности молодежи в механизмы общественной палаты. Здесь видится решение проблемы в расширении общественного диалога за счет цифровых платформ, организации общественных обсуждений в социальных сетях, создании онлайн-приемных.

Повышению эффективности работы Общественной палаты Тверской области в данной сфере может способствовать успешный опыт других регионов по внедрению успешных практик по поддержке семьи. Так, в Тюменской области работает модель «одного окна» (свыше 20 межведомственных технологий) для раннего выявления семейных кризов и др.

Возможно внедрение проведения регулярных социологических исследований среди жителей и бизнеса для выявления реальных проблем, что поможет выстраивать приоритетные направления работы.

Таким образом, Общественная палата Тверской области является не декоративным элементом, а выступает рабочим механизмом сохранения традиционных ценностей именно потому, что обеспечивает живой, хотя и непростой, общественный диалог, ведь без диалога любое ценностное строительство превращается в навязывание.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ от 09.09.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Закон «О семейном предпринимательстве в Тверской области» принят // Вестник Общественной палаты Тверской области. 2025. № 41. С. 22–37 [Электронный ресурс]. URL: https://optver.ru/files/pdf/vestniki/vestnikopto_41.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

6. Лаврикова И.Н., Магомедова З.И. Кризис традиционных ценностей как деструктивный фактор при формировании кадрового резерва органов внутренних дел // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы. Сборник научных трудов IX Международной конференции (памяти первого начальника Московского университета МВД России Владимира Яковлевича Кикотя). Москва, 2025. С. 345-348.

7. Общественная палата Российской Федерации. Круглый стол «Спортивные капелланы как способ сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: https://interreligious.ru/news/государство/novosti_901.html (дата обращения: 25.04.2026).

8. Хужина О.Н. Миграционные процессы в России сквозь призму традиционных духовно-нравственных ценностей: теоретико-правовой аспект // Миграционное право. 2024. № 4. С. 14–17.

Об авторе:

ЗАБЕЛИНА Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры административной деятельности ФГБОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», Тверской филиал (170040, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: tatyana.zabelina.70@mail.ru

Mechanisms for preserving traditional values: the role of the public chamber of the Tver region in public dialogue

T.A. Zabelina

Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Tver

The object of the study is the activities of the Public Chamber of the Tver Region as an institution of civil society in the implementation of state policy in the field of preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values. The purpose is to identify the mechanisms and areas of work of the Public Chamber of the Tver Region in the implementation of Presidential Decree No. 809 dated September 9, 2022, "On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" (hereinafter referred to as Decree No. 809), as well as regional initiatives for the protection of the family, patriotic education, and cultural and historical continuity, and to assess the effectiveness of this work. The specific tasks are: to analyze the regulatory framework and contractual relations (including the agreement with the Tver Diocese) that define the competence of the chamber in matters of traditional values; to study the areas of work of the family support commissions (the law on family entrepreneurship, NGO projects, The object of the study is the activities of the Public Chamber of the Tver Region as an institution of civil society in the implementation of state policy in the field of preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values. The purpose is to identify the mechanisms and areas of work of the Public Chamber of the Tver Region in the implementation of Presidential Decree No. 809 dated September 9, 2022, "On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" (hereinafter referred to as Decree No. 809), as well as regional initiatives for the protection of the family, patriotic education, and cultural and

historical continuity, and to assess the effectiveness of this work. The specific tasks are: to analyze the regulatory framework and contractual relations (including the agreement with the Tver Diocese) that define the competence of the chamber in matters of traditional values; to study the areas of work of the family support commissions (the law on family entrepreneurship, NGO projects, forums "Big family – Tver tradition"; to evaluate the Chamber's contribution to the patriotic education of young people; to identify problematic issues and offer recommendations to improve the Chamber's performance in this area.

Keywords: *traditions, spiritual and moral values, family, public chamber, state policy, society, education.*

About author:

ZABELINA Tatyana – Senior Lecturer, Department of Administrative Activities, Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Tver Branch (170040, Tver, Krivichskaya St., 12), e-mail: tatyana.zabelina.70@mail.ru

Забелина Т.А. Механизмы сохранения традиционных ценностей: роль Общественной палаты Тверской области в общественном диалоге // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 88–96.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК: 342.5
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.097

Конституционно-правовое правопреемство в соотношении с «родственными» категориями: анализ доктрины, законодательства и правоприменительной практики

И.В. Иванов

ФГАБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина», г. Москва

В статье рассматривается проблематика уяснения правовой природы правопреемства в конституционном праве. Целью исследования является рассмотрение соотношения конституционно-правового правопреемства с иными категориями, которые показывают развитие государства, а именно: с правовым наследием, правовым опытом, правовой реальностью, континуитетом и рецепцией. Подобное соотношение проводится по функциональному назначению перечисленных категорий. Среди задач выделяются: определение содержания правопреемства в праве, правового наследия, правового опыта, правовой реальности, континуитета, рецепции. Применяются научные методы исследования: формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой. Делаются выводы: 1) правовое наследие может выступать основой (объектом) правопреемства; 2) правовой опыт показывает, какие правовые явления могут стать объектом правопреемства, а какие исключены из него; 3) правовая реальность есть фактические обстоятельства настоящего, которые свидетельствуют о существовании и поддержании правопреемства; 4) континуитет, как и правопреемство государств, являются реализацией правопреемства в международном публичном праве (внешняя форма правопреемства в праве), в то время как конституционно-правовое правопреемство реализуется исключительно в национальном праве (внутренняя форма правопреемства в праве); 5) рецепция права является противоположностью правопреемства и может замещать его, когда в отечественном праве реализуются институты зарубежного права.

Ключевые слова: *конституционно-правовое правопреемство, правовое наследие, правовой опыт, правовая реальность, континуитет, рецепция.*

Конституционно-правовое правопреемство как категория, характеризующая связь прошлого, настоящего и будущего государственного строительства, имеет «родственные» категории, которые показывают динамику и статику развития государства. К таким категория относятся: правовое наследие, правовой опыт, правовая реальность, континуитет и рецепция.

© Иванов И.В., 2026

В то же время для исследования содержания конституционно-правового правопреемства принципиальное значение имеет уяснение смыслов понятий «правопреемство» и «преемственность».

В Конституции Российской Федерации употребляются оба эти термина. В ч. 1 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации закрепляется правопреемство Россией Союза ССР на своей территории, а в ч. 2 этой же статьи упоминается о преемственности в развитии Российского государства [1].

Ф.Ф. Литвинович пишет, что преемственность в праве следует отграничивать от правопреемства. К правопреемству относят те моменты в развитии права, когда возникшие на определенном этапе правоотношения сохраняются на последующем. Под правопреемством понимается сохранение правоотношений, а под преемственностью в праве – сохранение норм права, принципов права, институтов права в широком смысле [11, с. 60]. Можно проследить, что сам ученый устанавливает широкое понимание и узкое этих категорий, когда в узком смысле переход права, обязанностей – это правопреемство, а в широком смысле сохранение идей, институтов, принципов права – это преемственность.

М.Р. Хасаншин отмечает, что если преемственность в праве показывает исторические закономерности в праве, то правопреемство суть правоотношений по передаче прав, обязанностей [16, с. 17].

Полагаем, что с такими позициями исследователей нельзя согласиться, ведь согласно им отсутствует четкое разграничение терминов преемственности и правопреемства, их соотношение как процесса и правового оформления этого процесса не имеет нормативно-правового и доктринального обоснования, т. к. оба эти понятия охватывают передачу прав, обязанностей, сохранение конституционных ценностей, традиций и не обозначают какой-либо стадии этого процесса.

В нормативных правовых актах термины «правопреемство» и «преемственность» также зачастую используются как синонимы, в понимании сохранения связи между различными органами государственной власти.

В нормативных правовых актах термин «преемственность» употреблялся как в советское время, так и настоящее. Его значение показывало сохранение связи между органами государственной власти в процессе их реформирования, устойчивость направлений деятельности органов государственной власти. Установлено, что в большей степени «преемственность» употребляется в нормативных правовых актах Российской Федерации, имеющих программное значение, закрепляющих приоритеты государства в тех или иных сферах общественных отношений, т. е. так или иначе определяющих доктринальные позиции публичной власти по различным вопросам. Это возможно показать на основе следующих примеров.

В п. 1 Указа Президента СССР от 06.09.1991 г. № УП-2528 «О статусе Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР» устанавливалось, что, учитывая необходимость обеспечения преемственности структур исполнительной власти, Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР до формирования Межреспубликанского экономического комитета осуществляет все полномочия по управлению экономической и социальной жизни страны, которые ранее осуществлял Кабинет Министров СССР [5].

Конституционный Суд Российской Федерации в своей практике раскрывает понятия «преемственность» и «правопреемство» применительно к отрасли конституционного права, социальным правам гражданам. Одним из аспектов применения термина «преемственность» является сохранение функциональных основ в деятельности органов публичной власти, государственных внебюджетных фондов во времени и пространстве, вне зависимости от периода их реформирования [2, 3].

Преемственность применяется в отношении концептуальной целостности судебной практики, благодаря чему обеспечивается разрешение рассматриваемых дел в строгом соответствии с Конституцией, включая эксплицитно и имплицитно присутствующие в ней ценности и принципы [4]. Преемственность в этом понимании на практике определяет устойчивость судебных актов, их связанность с конституционными нормами и единообразие судебной практики. Осуществление полномочий органами судебной власти в таком контексте приобретает качественно новый уровень и создает предпосылки для правовой определенности и реализации конституционной законности, что недостижимо без преемственности.

Относительно правопреемства и преемственности можно отметить, что в целом эти понятия равнозначные по объему. Преемственность может выражать в большей степени передачу идей, смыслов общих мировоззренческих установок ранее существовавшего конституционного (государственного) строя. Правопреемство определяет переход полномочий, прав и обязанностей. Проводить же исследования по четкому разграничению этих терминов не имеет целеполагания и только усложняет понятийный аппарат без практической и теоретической ценности.

Проводить же деление этих понятий на более широкое (преемственность) и более узкое (правопреемство) необоснованно по причине отсутствия практики применения первого термина как замены второго. Как показано выше, они используются синонимично в нормативных правовых актах и судебной практике.

Наряду с конституционно-правовым правопреемством имеются иные термины, которые близки ему по правовой природе, но их необходимо отграничивать от него.

В.А. Рыбаков различает термины «преемственность» и «правое наследие», полагая, что последний термин шире [15, с. 43]. В частности, он отмечает, что наследство в области права представляет собой объективную правовую реальность, опыт социальной правовой деятельности, зафиксированный в материальных и духовных достижениях [14, с. 186].

Полагаем, что правовое наследие – это факты государственного строительства, выраженные в правовых актах (памятниках права) и важных актах государственной жизни народа, деятельности органов публичной власти прошлого (например, Вече, Земские соборы), которые могут быть не восприняты в настоящем и будущем государственного строительства, т. е. могут не пройти процедуру преемственности.

Конституционно-правовое правопреемство базируется на правовом наследии, но не является его полнообъемной трансляцией. Многие объекты правового наследия стали предметом истории государства и права, рудиментом из прошлого государственного строительства. В то же время не стоит считать правовое наследие исключительно «архивом» государственного строительства. Сама идея о тысячелетней государственности Российского государства предполагает, что правовое наследие продолжает оказывать влияние на правосознание, нормотворчество, правовую идеологию. Конституционно-правовое правопреемство в этом отношении выступает по отношению к правовому наследию как средство его передачи будущим поколениям.

Правовой (юридический) опыт оказывает влияние на государственное строительство и как бы «выкристаллизовывает» лучшие практики, которые могут быть применены в будущем, одновременно показывая те институты, их элементы, положения, которые не продемонстрировали положительной динамики в нормативно-правовом регулировании, правоприменительной практике и, возможно, подлежат прекращению действия. Правовой опыт может распространяться на все правоотношения, подлежащие урегулированию нормами права.

Правовой (юридический) опыт может быть подтвержден только правоприменительной практикой, работой по созданию норм права, т. е. всегда связан с практикой в той или иной форме.

Конституционно-правовое правопреемство, безусловно, основано на предыдущем опыте государственного строительства, практике применения конституционных норм. Именно правовой опыт показывает положительный практический характер применения тех или иных норм, правовых институтов, традиций, ценностей, которые впоследствии в порядке правопреемства передаются будущим поколениям. Задача конституционно-правового правопреемства состоит в сохранении положительной динамики государственного строительства, обеспечении ее передачи, но не в трансляции в будущее негативных практик

(негативного опыта конституционализма). Именно в таком соотношении находится правовой опыт и конституционно-правовое правопреемство.

Правовая реальность и конституционно-правовое правопреемство находятся в органическом единстве как отражение в существующем факте традиций, ценностей, правовых институтов, разработанных в прошлом периоде государственного строительства.

О.В. Белянская раскрывает категорию правовой реальности как вид социальной реальности [8, с. 11].

Исходя из этого, анализ правовой реальности может показать процессы конституционно-правового правопреемства. Полагаем, что такая реальность выступает в качестве совокупности фактических обстоятельств, с которыми связаны правоотношения по возникновению, изменению и прекращению конституционно-правового правопреемства в условиях реального времени. Можно заключить, что правовая реальность выступает условием реализации конституционно-правового правопреемства.

В международном публичном праве используются термины «правопреемство государств», «континуитет», выдвигается положение об идентичности. Все эти понятия родственны конституционно-правовому правопреемству, но их необходимо разделять.

Профессор С.В. Черниченко выделял три схожие, но самостоятельные правовые категории: континуитет, идентичность и правопреемство государств. Первое и третье понятия хорошо известны международному праву, идентичность же отличается, по его мнению, невозможностью признания континуитета государства в связи с его длительным отсутствием, но в то же время вновь образованное государство во многом идентично ранее существовавшему [17, с. 11–21]. Четких критериев отделения континуитета и идентичности профессор привести не смог. Спорные утверждения по итогу привели его к умозаключению, что возникновение Российской государственности и государства можно сводить к периоду после окончания монголо-татарского нашествия, что, безусловно, не соответствует действительности.

Континуитет – преемственность в развитии права. Профессор М.М. Аваков писал, что положение о неизменности правосубъектности – теория континуитета (продления) – является реакционной буржуазно-догматической доктриной. Она отстаивает неизменность и полную сохранность прав и обязанностей государств – субъектов международного права, вне зависимости от социально-экономических изменений в стране [7, с. 18].

Относительно правопреемства государств понимается утрата личности государства и принятия его прав, обязанностей другим государством [9, с. 372–374; 13, с. 33–38]. Под государством-правопредшественником понимается государство, утратившее власть

над своими населением и территорией, и в определенный момент сменяемое другим государством, в результате чего возникает вопрос о правопреемстве государств [6, с. 20–21].

Термины «континуитет» и «правопреемство государств» характеризуют внешнюю форму реализации публично-правовых отношений, связанных с сохранением либо изменением правосубъектности государства, его территории, в то время как конституционно-правовое правопреемство выступает внутренней формой урегулирования подобных правоотношений в рамках национального права. Международное право эти отношения регулировать не может, в обратном случае нарушался бы принцип государственного суверенитета.

Сутью рецепции является заимствование институтов права иностранных государств, как существующих, так и прекративших свое существование.

Самая известная рецепция в праве связана с проведением работ по заимствованию в Средневековой Европе институтов римского права, на котором впоследствии была основана теория и практика национальных правовых систем многих стран мира.

Позднее классики английской государственной мысли не без доли превосходства писали, что многие страны и народы мира заимствовали конституционные идеи Великобритании. А.В. Дайси писал, что конституция Англии отличалась многими превосходными качествами, ставившими ее, в глазах наших предков, выше всяких подделок, подражаний и пародий, которые за последние сто лет распространились по всему цивилизованному миру [10, с. 4]. С. Лоу писал, что английская конституция является, пожалуй, самой демократической в мире. Нигде «суверенный народ» не может, по-видимому, с такой же легкостью осуществлять свою власть; нигде власть этого суверена не ограничена в столь слабой степени [12, с. 290].

Соотношение рецепции и правопреемства показало, что они отличные, но взаимосвязанные понятия. Рецепцией является заимствование институтов права, правопорядка у иных государств, правовых культур. Правопреемство, преемственность есть процесс признания и передачи собственного опыта государственного строительства. Единство этих понятий заключается в передаче из поколения в поколение правовых институтов, как сформированных внутри национального права (правопреемство), так и заимствованных у иностранных государств, чужих правовых культур (рецепция).

На основании вышеизложенного можно сказать, что конституционно-правовое правопреемство имеется прямые связи с правовым наследием, правовым опытом, правовой реальностью, континуитетом и рецепцией. Общим является, что все эти категории способствуют сохранению правового материала и являются следствием

развития права на конкретном историческом отрезке времени. В то же время все они имеют свое функциональное предназначение. Конституционно-правовое правопреемство выступает в качестве средства сохранения всех этих явлений в том или ином объеме, т. е. оно выступает как «процесс» по отношению к перечисленным понятиям. К примеру, даже реципированные институты зарубежного права в течение длительного времени их применения могут приобретать национальные черты в порядке правопреемства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2025 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части четырнадцатой статьи 17 Федерального закона “Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования” и статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.А. Кислицына» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 г № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”, пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы “Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения” в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Указ Президента СССР от 06.09.1991 г. № УП-2528 «О статусе Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Аваков М.М. Правопреемство освободившихся государств. М.: Изд-во «Международные отношения», 1983. 190 с.

7. Аваков М.М. Правопреемство Советского государства. М.: Государственное издательство Юридической литературы, 1961. 128 с.

8. Белянская О.В. К вопросу о понимании правовой реальности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 6. С. 5–15.

9. Броунли Я. Международное право в 2 т., Т. 1 / пер. с англ. С.Н. Андрианова. М.: Прогресс, 1977. 538 с.

10. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / перевод с англ. О.В. Полторацкой. 6-е изд. М.: Типогр. Товарищества И.Д. Сытина, 1905. 718 с.

11. Литвинович Ф.Ф. Преемственность в праве. Вопросы теории. Уфа: Восточный университет, 2003. 82 с.

12. Лоу С. Государственный строй Англии / перевод с англ. А.С. Ященко. М.: Типогр. Товарищества И.Д. Сытина, 1910. 446 с.

13. О'Коннелл Д.П. Правопреемство государств / Пер. с англ. О.В. Богданова. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 589 с.

14. Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 353 с.

15. Рыбаков В.А. О понятии преемственности в социалистическом праве // Правоведение. 1978. № 1. С. 38–43.

16. Хасаншин М.Р. Принципы развития правовой системы России: историко-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. Уфа., 2013. 230 с.

17. Черниченко С.В. Континуитет, идентичность и правопреемство государств. Черниченко С.В., Чигарев В.М, 2-е изд. М.: Изд-во ДА МИД РФ, 1998. 42 с.

Об авторе:

ИВАНОВ Иван Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д.9), e-mail: IVIVANOV@msal.ru

Constitutional and legal succession in relation to "related" categories: an analysis of doctrine, legislation and law enforcement practice

I.V. Ivanov

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina, Moscow

The article considers the problem of understanding the legal nature of succession in constitutional law. The aim of the study is to examine the relationship between constitutional and legal succession and other categories that demonstrate the development of the state, namely, legal heritage, legal experience, legal reality, continuity and reception. Such a relationship is carried out according to the functional purpose of the listed categories. Among the objectives are: determining the content of succession in law; legal heritage; legal experience; legal reality; continuity; reception. The following scientific research methods are used: formal-legal; historical; comparative-legal. It is concluded that: 1) legal heritage can serve as the basis (object) of succession; 2) legal experience shows which legal phenomena can become the object of succession, and which are excluded from it; 3) legal reality is the factual circumstances of the present, which testify to the existence and maintenance of succession. 4) Continuity, like state succession, is a realization of succession in public international law (an external form of legal succession), while constitutional legal succession is realized exclusively in national law (an internal form of legal succession); 5) reception of law is the opposite of succession and can replace it when institutions of foreign law are realized in domestic law.

Keywords: *constitutional legal succession, legal heritage, legal experience, legal reality, continuity, reception.*

About author:

IVANOV Ivan – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123242), email: IVIVANOV@msal.ru

Иванов И.В. Конституционно-правовое правопреемство в соотношении с «родственными» категориями: анализ доктрины, законодательства и правоприменительной практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 97–105.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 343.326
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.106

Проблемы организации противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации

В.В. Копылов, С.Д. Кондратьев

ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Тверь

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере организации противодействия экстремизму в РФ. Предметом данного исследования выступают особенности оганизации противодействия религиозному (исламскому) экстремизму в РФ. Целью исследования является выявление причин и факторов, способствующих стремительному развитию исламского экстремизма в нашей стране, радикализации заключенных, находящихся в исправительных учреждениях ФСИН России. Конкретными задачами выступают: исследование статистики количества террористических актов, совершенных исламистами в РФ; анализ уровня преступности по данному направлению; анализ количества лиц, осужденных за преступления экстремисткой направленности по годам в РФ. Одним из основных методов исследования является сравнительный. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами: некоторые недружественные государства предпринимают активные попытки для радикализации протестного движения в нашей стране, развития религиозного экстремизма с целью спровоцировать в нашем обществе условия и обстоятельства для «контролируемого хаоса» с последующим инициированием его в «цветную революцию»; противодействие экстремизму должно быть направлено прежде всего на устранение причин, данная проблема не может быть решена только «силовыми методами. Причинами, способствующими развитию исламского экстремизма, являются: недостаточная просветительская работа исламского духовенства по разъяснению традиционных духовных ценностей ислама; неготовность исламского духовенства к работе с заключенными, вынашивающими идеи исламского экстремизма; проблемы в осуществлении смыслового перевода (толкования) положений Корана.

Ключевые слова: *экстремизм, исламский экстремизм, преступления экстремисткой направленности, противодействие экстремисткой идеологии, терроризм, исламские экстремисты, просветительская работа исламского духовенства, традиционные духовные ценности ислама, народное единство, радикализация отечественной пенитенциарной системы.*

В настоящее время среди множества трудностей и опасностей, с которыми сталкивается наше общество, на первое место выходят проблемы, связанные с обеспечением единства народов России.

© Копылов В.В.,
Кондратьев С.Д. 2026

Экстремизм и сопутствующий ему терроризм (как наиболее опасное проявление экстремизма) стали основными факторами, создающими угрозу межнациональному и межконфессиональному единству граждан РФ. Эти негативные явления подрывают основы единства народов нашей страны.

Народное единство – это главное условие стабильности развития общества и государства, способность общества успешно преодолевать возникающие трудности. Как отметил В.В. Путин: «Сила России в единстве нашего народа». Основная задача государственных и правоохранительных органов состоит в своевременном выявлении и устранении обстоятельств и факторов, которые могут негативно повлиять на единство народов России, а задача МВД – жестко пресекать любые проявления русофобии, ксенофобии, религиозной вражды, расширять профилактическую работу в этой сфере, оперативно выявлять тех, кто стремится раскачать ситуацию в России, в нашем обществе [5].

В условиях сложной геополитической обстановки ряд недружественных стран активно ведут (финансируют) «гибридную войну» против нашей страны. Для этого используются различные экстремистские организации, созданные для провоцирования долговременной нестабильности и «контролируемого хаоса» в РФ, ведется активная подрывная деятельность по развитию в нашем обществе идей экстремизма и экстремисткой идеологии. Все это делается для разжигания народных волнений, возникновения протестных выступлений представителей различных слоев населения и участия их в несогласованных публичных мероприятиях [2], которые будут умышленно трансформироваться в массовые беспорядки, чтобы впоследствии под давлением социальных протестов и народных волнений реализовать в РФ один из многочисленных сценариев «цветных революций».

Необходимо отметить, что экстремизм и его идеология, основанная на распространении и утверждении в сознании людей крайних (радикальных) идей, установок, жизненных ориентиров, серьезным образом распространились в нашей стране. На протяжении 10 лет в РФ наблюдается существенный рост совершения преступлений экстремисткой направленности. Сотрудниками правоохранительных органов выявлено более 12 тыс. подобных преступлений, за их совершение к уголовной ответственности привлечено 9 тыс. человек, выявлена и прекращена деятельность 70 экстремистских организаций, деятельность 170 иностранных организации на территории РФ признана «нежелательной» [1]. В первом полугодии 2025 г. было привлечено к уголовной ответственности:

– за совершение террористического акта – 303 человека (+ 483 % к аналогичному периоду 2024 г.),

– за «содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, захват заложника» привлечены к уголовной ответственности 571человек (+ 48 %)

– за преступления экстремистской направленности привлечены к уголовной ответственности 500 человек (+ 35 %) [8].

В РФ в первом полугодии 2024 г. было возбуждено 47 уголовных дел о террористическом акте, а в 2025 г. – уже 266 (+ 466 %). Число уголовных дел по статьям о «содействии террористической деятельности, публичных призывах к осуществлению террористической деятельности, захвате заложника» выросло с 380 до 699 (+ 84 %). Также на 36 % (с 360 до 489) возросло число возбужденных уголовных дел по статьям о преступлениях экстремистской направленности [8].

Среди множества видов экстремизма наибольшее развитие в нашей стране получил религиозный экстремизм, а именно одна из его разновидностей – исламский экстремизм. Главной особенностью, определяющей поведение и поступки религиозного экстремиста, является то, что его мировосприятие, образ мышления, устремления, поступки и идеалы предопределены положениями Священных Писаний и поэтому он (религиозный экстремист) активно встает на защиту тех духовных ценностей, которые он считает праведными и правильными [7], не считаясь при этом с причиненным вредом и негативными последствиями.

Особенностью исламского экстремизма является его радикальный разрыв с традиционным исламским мировоззрением. Несмотря на все декларации о приверженности к оригинальному исламу, экстремисты в мусульманской среде истолковывают джихад (усердие на пути к Аллаху) исключительно с позиций именно «военного джихада», как призыв к вооруженной борьбе, и считают его шестым «столпом» веры [7].

За последние 16 лет исламскими экстремистами на территории РФ было совершено 9 террористических актов, в результате которых было убито 243 человека, получили ранения 914 человек, а также причинен огромный материальный ущерб государству и гражданам.

Руководство страны уделяет большое внимание этой проблеме. Так, в Указе Президента РФ от 07.05.2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» указывается на необходимость осуществить «активизацию работы по недопущению проявлений национального и религиозного экстремизма» [2].

За последние годы была существенным образом усилена работа правоохранительных органов по выявлению и пресечению преступлений экстремисткой направленности.

Это в конечном счете привело к тому, что в 2025 г. на 40,9 % (до 5412) выросло число заключенных, содержащихся в учреждениях ФСИН России за преступления террористического характера. На 34,5 % (до

1781) выросло число заключенных, содержащихся в учреждениях ФСИН России за преступления экстремисткой направленности.

Рассмотрим какая работа по недопущению проявлений национального и религиозного экстремизма была осуществлена в учреждениях Уголовно-исполнительной системы. Ежегодно за преступления экстремисткой направленности осуждаются и направляются в исправительные учреждения ФСИН России большое количество человек, но улучшения ситуации в части снижения экстремизма в РФ не происходит, а наоборот, обстановка накаляется и ухудшается (см. табл. 1).

Таблица 1

Статистика количества лиц, осужденных за преступления экстремисткой направленности

Год	**Осуждено за преступления экстремисткой направленности, человек**
2017	691
2018	800
2019	335
2020	111
2021	606
2022	693
2023	280
2024	500
2025	1364

Почему? Ведь из мест лишения свободы после исправительного воздействия должны возвращаться люди со сформированным уважительным отношением к правилам, традициям человеческого общежития, с устойчивым пониманием необходимости соблюдения веротерпимости и этнической толерантности и т. п. По ряду специфических причин, присущих отечественной уголовно-исполнительной системе, этого не происходит, вследствие того, что имеет место быть:

– некомплект от 19–30 % сотрудников ФСИН РФ, осуществляющих надзор за поведением заключенных;

– неэффективная организация системы надзора за поведением заключенных;

– рост количества мусульманских общин (джамаатов) в исправительных учреждениях ФСИН РФ;

– случаи коррупции среди сотрудников в исправительных учреждениях ФСИН РФ;

– отсутствие алгоритмов взаимодействия между сотрудниками исправительного учреждения по оперативному выявлению и

профилактике заключенных, вынашивающих и распространяющих идеи исламского экстремизма;

– существенное ухудшение качественного состава осужденных, отбывающих наказание в исправительных УИС РФ, т. к. более половины из числа отбывающих наказание имеют наркотическую и (или) алкогольную зависимость, а также страдают психическими расстройствами.

Кроме этого, есть также и общие, типичные проблемы, такие как:

– недостаточная просветительская работа исламского духовенства по разъяснению традиционных духовных ценностей ислама;

– неготовность исламского духовенства к работе с лицами, вынашивающими идеи исламского экстремизма;

– сложности, в ряде случаев, в толковании аятов Корана.

Как Священное Писание Коран не может являться «экстремистским», но, как показывает практика, в ряде случаев в толковании содержания аятов Священного Писания может появиться экстремистская направленность. Данная ситуация произошла при осуществлении Эльмиром Кулиевым «Смыслового перевода священного Корана на русский язык» [6]. Этот перевод Октябрьским районным судом г. Новороссийска 17.09.2013 г. был признан «экстремистским» и внесен в Федеральный список экстремистских материалов.

Исламский экстремизм проник и утвердился в исправительных учреждениях ФСИН России. Как показала практика, места лишения свободы стали хорошим местом для формирования исламских экстремистов, здесь они «крепнут идеологически», получают опыт и обмениваются им, выстраивают структурные связи. Президент РФ В.В. Путин констатировал, что «серьезную угрозу общественной безопасности создает распространение экстремистской идеологии среди лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [1].

Распространение исламского экстремизма в учреждениях ФСИН России привело к тому, что в учреждениях исламистами стали осуществляться теракты, например:

– 16.06.2024 г. в ФКУ СИЗО-1 г. Ростов-на Дону заключенными – сторонниками ИГИЛ был осуществлен захват заложников из числа сотрудников учреждения. По заявлениям террористов, это была показательная акция для того чтобы продемонстрировать, что «ИГИЛ захватил ростовский “централ”, где сажают наших братьев» [3];

– 23.08.2024 г. в ИК-19 осужденными – сторонниками ИГИЛ были совершены убийства 4 сотрудников этого учреждения и захват заложников из числа сотрудников. По заявлениям террористов, «это была месть за нападавших на подмосковный “Крокус сити Холл” 2 марта 2024 года» [9]. Способы исполнения этих терактов, заявления и

атрибутика исполнителей схожи с теми, что осуществлялись ранее исламистами.

На примере организации противодействия распространению исламского экстремизма в отечественной пенитенциарной системы можно сделать следующие выводы. Проблема распространения исламского экстремизма в РФ до настоящего времени не нашла своего разрешения, не найдены эффективные способы противодействия ей. Проблема организации эффективного противодействия религиозному экстремизму требует скорейшего разрешения, для этого необходимо принятие срочных неотложных мер, которые должны стать комплексной, системной, современной, можно сказать, умной и гибкой работой, которая необходима в борьбе с экстремизмом [5].

По мнению ряда экспертов, «борьба с экстремизмом должна быть направлена на устранение социально-экономических, политических и духовных причин радикализации ислама» [7], данная проблема не может быть решена только силовыми методами. Как показывает не только отечественный, но и прежде всего мировой опыт, психологи неспособны «перепрограммировать» сознание религиозных экстремистов и террористов [4].

Список литературы

1. Указ Президента России от 28.12.2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // СПС «КонсультантПлюс».

3. В Ростове-на-Дону заключенные захватили заложников. Террористы признали свою принадлежность к ИГИЛ [Электронный ресурс]. URL: https://www.metronews.ru/novosti/glavnoe/reviews/v-rostove-na-donu-zaklyuchennye-zahvatili-zalozhnikov-terroristy-priznali-svoyu-prinadlezhnost-k-igil-2170705/ (дата обращения: 08.05.2026).

4. Оганесян С.С., Шамсунов С.Х. О некоторых актуальных проблемах профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе // Пенитенциарная наука. 2023. № 1 (61) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aktualnyh-problemah-profilaktiki-i-protivodeystviya-ekstremistskim-i-terroristicheskim-vozzreniyam-v-ugolovno (дата обращения: 31.01.2026).

5. Расширенное заседание коллегии МВД [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations%20/79255 (дата обращения: 31.01.2026).

6. Смысловой перевод Корана признали экстремистской книгой [Электронный ресурс]. URL: https://www.4vsar.ru/articles/ideologiya/40637.html (дата обращения: 31.01.2026).

7. Султанахмедова З. Специфика исламского экстремизма // Россия и мусульманский мир. 2017. № 11 (305) [Электронный ресурс]. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-islamskogo-ekstremizma-1 (дата обращения: 08.05.2026).

8. Число осужденных за терроризм и экстремизм возросло в первом полугодии 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8138991 (дата обращения: 08.05.2026).

9. Штурм строгого режима // Коммерсантъ, 2024. 23 августа [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6917533 (дата обращения: 08.05.2026).

Об авторах:

КОПЫЛОВ Виталий Викторович – кандидат юридических наук, профессор кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки, ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», Тверской филиал (Россия, 170040, г. Тверь, ул. Кривическая, 12), SPIN-код: 3062-5913, AuthorID: 731164, e-mail: Kopylov_70@inbox.ru

КОНДРАТЬЕВ Сергей Дмитриевич – кандидат педагогических наук, полковник полиции, начальник кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки, ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», Тверской филиал (Россия, 170040, г. Тверь, ул. Кривическая, 12), SPIN-код: 7089-5177, AuthorID: 952430, e-mail: sparco165@yandex.ru

Problems of countering religious extremism in the Russian Federation

V.V. Kopylov, S.D. Kondratyev

Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Tver

The object of the study is social relations arising in connection with ensuring the unity of the peoples of Russia. The subject of the study is the peculiarities of the development of religious extremism in the Russian Federation. The goal is to identify the causes of the factors contributing to the rapid development of Islamic extremism in our country. Specific tasks are: research on the statistics of terrorist acts committed by Islamists; analysis of the crime rate in this area; analysis of the number of people convicted of crimes by extremist orientation by years. One of the main research methods is comparative. The results of the study can be represented by the following main conclusions: - "unfriendly countries" are actively trying to use the socio-economic problems existing in our country to destroy internal unity, radicalize the protest movement and religious extremism in a real and effective way to provoke in our society - "color revolution," "the fight against extremism should be aimed at eliminating the socio-economic, political and spiritual causes of the radicalization of Islam," this problem cannot be solved only by "forceful methods." The reason for this state of affairs is: insufficient educational work of the Islamic clergy to explain the traditional spiritual values of Islam; not the readiness of the Islamic

clergy to work with prisoners harboring ideas of Islamic extremism; difficulties in interpreting the provisions of the Qur'an.

Keywords: *Religious extremism, national unity, Islamic extremism, extremist ideology, color revolutions, extremist crimes, countering extremist ideology, terrorism, Islamic extremists, educational work of Islamic clergy, traditional spiritual values of Islam.*

About authors:

KOPYLOV Vitaly – PhD in Law, Professor of the Department of Tactical, Special, Fire and Physical Training, Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Tver Branch (Russia, 170040, Tver, Krivicheskaya St., 12), SPIN-code: 3062-5913, AuthorID: 731164, e-mail: Kopylov_70@inbox.ru

KONDRATIEV Sergey – PhD of Pedagogical Sciences, Police Colonel, Head of the Department of Tactical-Special, Fire and Physical Training, Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Tver branch (Russia, 170040, Tver, Krivicheskaya St., 12), SPIN-code: 7089-5177, AuthorID: 952430, e-mail: sparco165@yandex.ru

Копылов В.В., Кондратьев С.Д. Проблемы организации противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 106–113.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.4:316.752
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.114

Конституционно-правовые основы обеспечения единства многонационального народа российского общества

Е.Д. Костылева

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», г. Москва

В статье исследовано конституционное регулирование духовно-нравственных, национальных основ российского общества, правовой формализации единства народов России как конституционной ценности. Объектом исследования являются идеологические правоотношения между государством и народом. Предметом исследования – конституционно-правовые нормы, регламентирующие обеспечение национального единства народов России и регулирующие духовно-нравственные основы российского общества. Целью является всесторонний анализ основ национального единства и равноправия, выявление проблем реализации механизма обеспечения единства российского общества. Задачи исследования: анализ взаимосвязи идеи национального единства народов с их равноправием; формулирование предложений, направленных на улучшение национальной политики и конституционно-правовых механизмов обеспечения единства многонационального народа российского общества. Основными методами исследования являются общенаучные методы, на основе метода анализа исследованы правовые положения единства российского народа, национального равноправия, национально-территориального единства России, синтез применялся для формулирования общих выводов и обобщения результатов исследования. Результаты исследования представлены выводами. Межнациональное согласие видится в государственной целостности, гражданской солидарности и социальной справедливости. Духовное сплочение и единение россиян сосредоточено в национальных идеях. Результаты национальной политики зависят от плодотворности мер по укреплению единства многонационального народа. Социальное неравенство и региональная дифференциация усиливают конфликт межнациональных взаимоотношений, ослабляют общероссийскую гражданскую идентичность.

Ключевые слова: *Конституция РФ, единство народов России, конституционные ценности, национальное равноправие, российское общество, гражданское единение.*

Конституция РФ, являясь базой конституционных ценностей, определяет стандарты развития российского общества и государства на долгие годы. России как многонациональной стране необходимо обеспечивать гармоничное развитие народов, проживающих на ее территории.

© Костылева Е.Д., 2026

Россия – это государство с национально-смешанным составом населения, поэтому национальное равноправие занимает особое место в законодательстве. Национальная самоидентификация является одним из главных условий обеспечения единства народов Российской Федерации, гражданского единения.

Первыми документами советского периода, заложившими основы обеспечения единства многонационального народа, были Декларация прав народов России (1917 г.) и Конституция РСФСР (1918 г.). Особенностями того периода были вопросы регулирования межнационального взаимодействия на всей территории государства, с этой целью произошло создание специальных органов, занимавшихся защитой прав национальных меньшинств.

С целью урегулирования вопросов сожительства многонационального народа внутри государства, а также укрепления конституционно-правовой самобытности и национальной идентичности страны в преамбулу Конституции РФ 1993 г. были включены положения, сохраняющие и развивающие национально-культурное многообразие российского общества, утверждающие принципы равноправия и самоопределения народов.

В Конституции РФ не закреплено понятие «единство народов», но предпосылки сотрудничества всех народов предопределены как конституционная духовно-нравственная ценность, получившая свое развитие в принципах национального равноправия и взаимодействия между народами, способствующих укреплению единства. Межнациональное согласие видится в государственной целостности, гражданской солидарности и социальной справедливости.

Этнокультурное многообразие является своего рода вызовом этническому сепаратизму, религиозно-национальному экстремизму, радикальному национализму, что может разделять россиян по этническому признаку и препятствовать утверждению общероссийской идентичности, поэтому российскому государству необходимо не допускать межнациональные конфликты, обеспечивать единство многонационального народа за счет не только централизации, но и сплоченности, уважения языкового, национально-культурного, религиозного разнообразия.

Самобытность народов России, их идентичность на основе национальных традиционных ценностей является преимуществом российского общества, обуславливающим консолидацию в общероссийскую нацию. Уникальность Российской Федерации в тех обычаях и традициях, которые составляют национально-культурную основу проживающих народов и являются базой национального единства российского общества.

К конституционным основам национального единства и равенства относятся: право на самоопределение народов РФ (ч. 3 ст. 5); защита

культурной самобытности (ч. 2 ст. 69); право на сохранение родного языка (ч. 3 ст. 68) [1]. Эти конституционные положения развивают национальное согласие, способствуют сглаживанию межнациональных противоречий. Но у нас в законодательстве отсутствуют нормы-гарантии национального единства, что в целом затрудняет создание единой российской нации.

Для образования особой национальной идентичности россиян необходимо духовное сплочение и единение народов России на основе реализации совместной цели, идеи. В советский период такой идеей было совместное построение коммунизма, на сегодняшний момент национальной идеей выступает патриотизм, позволяющий противостоять экономическим санкциям, военным угрозам и внешнеполитическому давлению.

Но социальные проблемы усложняют реализацию национального единства и сплочения российского общества. Равноправие народов выступает необходимым условием их единства, но социальное неравенство, вызванное неравномерным распределением материальных благ, привело к расслоению общества на бедных и богатых, разрушая тем самым единение общества и создавая состояние несправедливости среди населения, несмотря на конституционное «установление объективной зависимости благосостояния граждан, их достойной жизни от устойчивого экономического и политического развития, достижения социального партнерства и всеохватывающей по сферам жизнедеятельности солидарности» [6, с. 17].

Усугубляют ситуацию региональные различия уровня жизни граждан, вызванные неравномерным развитием субъектов и распределением ресурсов, а также асимметричностью федеративного устройства страны. Противоречия между центром и регионами, межрегиональная миграция способствуют усилению напряженности межнациональных отношений.

Российское законодательство, регулирующее межнациональные отношения, не во всем способствует межэтническому диалогу, обеспечению межнационального согласия, единству народов. Огромный поток мигрантов породил мигрантофобию, которая обостряет этнический экстремизм и межконфессиональные противоречия, все это приводит к кризису идентичности и проблемам солидаризации народов.

Несомненно, в укреплении национального единства велика роль российского гражданского общества, обеспечивающая солидарность населения и уровень правового сознания. Но большое значение имеет и практическая деятельность власти, т. к. ответственность государства за реализацию конституционных национальных ценностей определяется «как конституционный правовой императив – ответственное отношение адресуется к органам, осуществляющим публичную власть» [7, с. 54].

Указ Президента РФ 25.11.2025 г. № 858 в целях обеспечения

национальной безопасности страны утвердил Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г. (далее – Стратегия) [2]. В данной Стратегии раскрыто содержание понятия «гражданское единство» через основу российской нации – многонациональный народ России. Для такого сложного социального явления, как единство всех граждан страны, необходимо их сплочение, согласие, взаимопонимание, несмотря на разные национальности, территории проживания, социальный уровень и другие различия, включая вероисповедание. Формирование такого гражданского единства, обладающего общей гражданской идентичностью, в России довольно сложно. Конечно, такое объединение возможно на основе общих принципов, национально-культурных ценностей, исторических традиций. Но этому будет мешать социальное неравенство и региональная дифференциация, которые при неблагоприятных обстоятельствах могут лишь усугубить межнациональные взаимоотношения. Поэтому главная проблема единения видится в социальном и экономическом неравенстве регионов и граждан.

Процесс создания и сохранения гражданского единства непростой, объединение нельзя достигнуть приказом, насилием, т. к. огромное значение имеет психика каждого отдельного человека, его представления о социуме, обществе, государстве, определение своего положения и места в нем. Уровень развитости гражданского единства во многом зависит от взаимного доверия между народом и властью, уважения гражданами действующих конституционных, социальных и других правовых норм. Тормозит процесс единения граждан прежде всего напряжение внутри общества, конфликты между регионами и центром, увеличение миграционных потоков, отсутствие официальной идеологии, симптом неудовлетворенности жизнью. Важным условием единения общества выступает патриотичность власти, соответствие деятельности государства интересам народа, доверие народа к власти.

Гражданское единение как процесс имеет свои стадии и на сегодняшний момент не достигло высшей, завершающей своей стадии. Российская нация существует, наблюдается реальное гражданское единение народа, но оно еще не в полной мере осознанно и реализовано, нельзя пока говорить о сформировавшейся общероссийской гражданской идентичности. Русскому обществу не хватает полноценного осознания данного единства, понимания такого единства, конкретных форм осуществления этого единства, в том числе и политико-правовой завершенности этих форм. Поэтому в нынешней ситуации государству необходимо опираться на реально имеющиеся основания единства и одновременно проводить целенаправленную политику по усилению этих компонентов, по укреплению гражданского единства и созданию новых его форм.

В основании российского гражданского единства должно быть реальное взаимодействие народа и государства как в настоящем, так и в будущем, в общей ответственности за будущее России. Народы, входящие в состав Российской Федерации, объединены общей историей, русским языком, российскими ценностями и традициями и не представляют себе полноценное существование без Родины.

В последнее время особое внимание государство уделяет коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока (Правительством РФ утверждена Концепция устойчивого развития этих народов на период до 2036 г.) [5].

Немаловажное значение имеет Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», который регулирует правоотношения в области нематериального этнокультурного достояния страны [3].

Согласно Федеральному закону от 21.12.2021 г. № 414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», субъектам предоставлено право принимать региональные документы стратегического планирования, направленные на обеспечение межнационального и межконфессионального мира (ст. 33, 44) [4].

С целью укрепления национального единства, мира и согласия между народами России 2026 год объявлен Годом единства народов России.

Вывод: этническая политика для страны в приоритете, но результаты национальной политики, проводимой государством во многом будут определены уровнем формирования гражданского единства и взаимного доверия между народом и властью. Социальное неравенство и региональная дифференциация усиливают конфликт межнациональных взаимоотношений, ослабляют общероссийскую гражданскую идентичность. Межнациональное согласие видится в государственной целостности, гражданской солидарности и социальной справедливости. Духовное сплочение и единение россиян сосредоточено в национальных идеях. Результаты национальной политики зависят от плодотворности мер по укреплению единства многонационального народа.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 25.05.2026 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.06.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2025 г. № 1161-р (ред. от 30.04.2026 г.) «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Умнова-Конюхова И.А., Костылева Е.Д. Принцип социального государства в Российской Федерации: эволюция содержания и применение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18, № 5. С. 14–19.

7. Умнова-Конюхова И.А., Костылева Е.Д. Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации актуальные проблемы теории и практики: учебное пособие. М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. 156 с.

Об авторе:

КОСТЫЛЕВА Елена Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука, ФГБОУ ВО Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69), SPIN-код: 3294-4154, AuthorID: 1028478; e-mail: helen161969@rambler.ru

Constitutional and legal foundations of ensuring the unity of the multinational people of russian society

E.D. Kostyleva

V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Moscow

The article examines the constitutional regulation of the spiritual, moral, and national foundations of Russian society, as well as the legal formalization of the unity of the peoples of Russia as a constitutional value. The object of the study is the ideological legal relations between the state and the people. The subject of the study is the constitutional and legal norms that regulate the national unity of the peoples of Russia and the spiritual and moral foundations of Russian society. The goal is to comprehensively analyze the foundations of national unity and equality, and to identify the problems of implementing the mechanism for ensuring the unity of Russian society. Research objectives: to analyze the relationship between the idea of national unity and the equality of nations; to formulate proposals aimed at improving national policy and constitutional legal mechanisms for ensuring the unity of the multinational people of Russian society. The main research methods are general scientific methods, based on the analysis method, the legal provisions of the unity of the Russian people, national equality, and the national-territorial unity of Russia were studied, and synthesis was used to formulate general conclusions and summarize the research results. The research results are presented in the form of conclusions. Interethnic harmony is seen in state integrity, civic solidarity,

and social justice. The spiritual unity and cohesion of Russians are centered around national ideas. The results of national policy depend on the effectiveness of measures to strengthen the unity of the multinational people. Social inequality and regional differentiation exacerbate the conflict of interethnic relations and weaken the national identity of Russia.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, unity of the peoples of Russia, constitutional values, national equality, and Russian society, civic unity.*

About author:

KOSTYLEVA Elena – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after N.V. Vitruk, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (117418, Moscow, Novocheremushkinskaya str., 69), SPIN-code: 3294-4154, AuthorID: 1028478; e-mail: helen161969@rambler.ru

Костылева Е.Д. Конституционно-правовые основы обеспечения единства многонационального народа российского общества // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 114–120.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 355.459
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.121

Территориальная оборона в регионах: особенности, проблемы

Т.В. Кувырченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются правовые отношения, возникающие при осуществлении территориальной обороны в местностях, где введено военное положение. Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие организацию территориальной обороны, а также теоретические разработки об особенностях осуществления территориальной обороны при введении военного положения. Цель исследования – установление возможных пробелов в законодательстве и проблем при его применении, а также разработка предложений по их совершенствованию. Одними из основных методов, используемых в работе, стали сравнительный, системный. В результате проведенного исследования установлено, что отсутствует законодательное регулирование организации территориальной обороны, имеются проблемы при применении действующих правовых норм. В связи с имеющимися недостатками требуется дальнейшее совершенствование законодательства и повышение эффективности механизма его применения.

Ключевые слова: *органы государственной власти субъекта, территориальная оборона, военное положение, штаб территориальной обороны, территориальные формирования самообороны, добровольческие формирования.*

Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» закрепляет правовую норму, согласно которой на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, где введено военное положение, ведется территориальная оборона с учетом мер, применяемых в период военного положения [2].

Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» в ст. 22 определяет территориальную оборону как систему осуществляемых в период действия военного положения мероприятий по охране и обороне военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды, по борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями иностранных государств и незаконными вооруженными формированиями, по выявлению, предупреждению, пресечению, минимизации и (или) ликвидации

 © Кувырченкова Т.В., 2026

последствий их диверсионной, разведывательной и террористической деятельности в целях создания благоприятных условий для функционирования указанных объектов и применения Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), других войск, воинских формирований, органов и создаваемых на военное время специальных формирований [4].

Территориальная оборона осуществляется в местностях Российской Федерации, где введено военное положение. Президент Российской Федерации утверждает Положение о территориальной обороне и План территориальной обороны государства. Разработка Федеральной государственной программы оперативного оборудования территории РФ в целях обороны возложена на Генеральный штаб ВС РФ. Эту программу утверждает Президент Российской Федерации.

Территориальная оборона осуществляется по территориальному принципу. По вопросам планирования и выполнения мероприятий территориальной обороны управления военных округов через Генеральный штаб, главные и центральные управления Министерства обороны Российской Федерации взаимодействуют с федеральными министерствами и иными федеральными органами исполнительной власти, а также непосредственно организуют и поддерживают постоянное взаимодействие с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления на территории военного округа.

Так, согласно Указу Президента РФ от 19.10.2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей», с 20.10.2022 г. с 0 часов на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей введено военное положение. А Правительству Российской Федерации на основании предложений Министерства обороны РФ, МЧС РФ, ФСО РФ, Федеральной службы войск национальной гвардии РФ и Главного управления специальных программ Президента РФ надлежит в 3-дневный срок представить предложения о мерах, которые необходимо было применять на территориях, где введено военное положение [5]. 19.10.2022 г. принимается Указ Президента РФ № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756», где уже прямо обозначено, что в этих регионах ведется территориальная оборона. Кроме этого, на данных местностях вводится режим (максимальный уровень реагирования), в рамках которого высшие должностные лица субъектов проводят мобилизационные мероприятия в сфере экономики, гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществляют полномочия по реализации мер для удовлетворения потребностей

Вооруженных Сил России, других войск, воинских формирований, органов и нужд населения [6]. Почти через год принимается Указ Президента РФ от 25.08.2023 г. № 641 «О дополнительных мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 “О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей”», согласно которому высшим должностным лицам субъектов указанных областей надлежит создать межведомственные координирующие органы (штабы обороны), которые будут осуществлять функции штаба территориальной обороны и оперативного штаба субъекта Российской Федерации [7].

А.К. Балдин указывает на то, что комплексный характер мероприятий по территориальной обороне, многовекторность задач по ее организации предусматривает множественность ответственных исполнителей, принимающих участие в обеспечении обороны страны. Каждое ведомство создает собственную нормативно-правовую базу, регламентирующую систему территориальной обороны. Это является одной из проблем в правовом регулировании института территориальной обороны [13, с. 57]. Он полагает, что для устранения противоречий таким нормативных актом может стать Положение о территориальной обороне. Далее, А.К. Балдин утверждает, что территориальная оборона начала складываться в послевоенный период Советского государства как обособленный элемент национальной безопасности и в настоящее время претерпела существенные изменения, что отражает действующее законодательство [13, с. 58].

Институт территориальной обороны в современных реалиях, полагаем, требует законодательного закрепления. Так, на 59-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 59-14 от 14.11.2025 г.) был принят Модельный закон «О территориальной обороне». Статья 2 раскрывает основные понятия, применяемые в Модельном законе. При характеристике территориальной обороны указывается, что это система мероприятий, осуществляемых в период действия военного положения. Но в ст. 4 также закреплено положение, что возможно осуществление отдельных мероприятий по территориальной обороне в рамках иных специальных правовых режимов.

В Модельном законе дается понятие «территориальные формирования самообороны», которое отсутствует в российском законодательстве. Под территориальными формированиями самообороны понимаются вооруженные формирования, создаваемые из числа физических лиц, изъявивших желание принять участие в обеспечении режима военного положения на территории административно-территориальной единицы, на которой они постоянно

или преимущественно проживают либо работают (добровольцев), отобранных в качестве кандидатов в добровольцы и зачисленных в состав территориальных формирований самообороны в порядке и на условиях, установленных настоящим Законом и иными правовыми актами [1].

После начала специальной военной операции на территориях России, подвергшихся диверсионно-разведывательным действиям со стороны недружественных государств и вторжению диверсионных сил противника, в территориальной обороне участвовали добровольческие формирования. Соответственно, были внесены изменения в Федеральный закон № 61-ФЗ «Об обороне», который был дополнен ст. 22.1. Согласно положениям федерального закона, добровольческие формирования создаются Министерством обороны Российской Федерации либо Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации по решению Президента России. Их численность, организация, районы действия, стоящие перед ними задачи, порядок управления и иные вопросы определяются Министерством обороны Российской Федерации [4]. Таким образом, участие добровольческих формирований в условиях режима военного положения отличается многофункциональностью.

Во исполнение Указов Президента Российской Федерации в регионах начали создаваться штабы территориальной обороны, причем не только в перечисленных четырех, где было введено военное положение, но и в других.

Так, Распоряжением Главы военно-гражданской администрации Васильевского района Запорожской области Российской Федерации от 03.02.2023 г. № 33 «Об утверждении Положения об организации и ведении территориальной обороны на территории Васильевского района Запорожской области Российской Федерации» было утверждено «Положение об организации и ведении территориальной обороны на территории Василевского района Запорожской области» [11]. В указанном Положении закреплено определение «территориальных войск», под которыми понимаются формируемые на период действия режима военного времени соединения и воинские части Вооруженных Сил Российской Федерации, военизированные формирования и воинские соединения, не входящие в Вооруженные Силы Российской Федерации, предназначенные для осуществления мероприятий по территориальной обороне, выполнения задач комендантской службы, охраны и обороны районов дислокации войск (сил), охраны транспортных коммуникаций на маршрутах передвижения войск и подвоза материальных средств, ведения вооруженной борьбы на временно оккупированной территории, участия в мероприятиях по обеспечению режима военного положения и гражданской обороны, а также в отражении агрессии совместно с общевойсковыми соединениями и воинскими частями [11]. Все

мероприятия территориальной обороны на территории Запорожской области проводятся с 20.10.2022 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 г. № 756. В Положении во исполнении Указа Президента Российской Федерации закреплено, что общее руководство территориальной обороной в границах Васильевского района возложено на орган управления территориальной обороной – штаб территориальной обороны и военную комендатуру в соответствии с их полномочиями. К разработке Плана мероприятий по территориальной обороне привлекаются уполномоченные в области управления воинскими формированиями, специальными формированиями и другими войсками, территориальные органы муниципальных органов исполнительной власти. Так как некоторые детали функционирования этой системы содержатся в документах под грифом «секретно», не все особенности ее организации можно проанализировать.

Одна из особенностей территориальной обороны заключается в том, что службу граждане несут в тех регионах, где они проживают.

В субъектах во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 19.10.2022 г. № 757 созданы оперативные штабы. Аналогичный штаб сформирован также в Тверской области, одной из его задач является определение отдельных мероприятий по территориальной обороне. Решения оперативного штаба обязательны для исполнения исполнительными органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, осуществляющими деятельность в регионе, гражданами, находящимися на территории Тверской области. Главное управление региональной безопасности Тверской области разрабатывает комплексный план мероприятий [10].

Ряд российских территорий еще до объявления военного положения приняли нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы организации территориальной обороны. Так, Постановлением администрации муниципального образования «Токсовское городское поселение» Всеволожского муниципального района Ленинградской области от 27.04.2020 г. № 191 было утверждено Положение о штабе территориальной обороны муниципального образования «Токсовское городское поселение» Всеволожского муниципального района Ленинградской области [12]. Штаб территориальной обороны определен как межведомственный координирующий орган, действующий в границах муниципального образования, осуществляющий свои полномочия в случае введения на территории муниципального образования военного положения.

Следовательно, еще до введения в Российской Федерации военного положения и формирования в связи с этим территориальной обороны в некоторых регионах, в том числе муниципальных образованиях, были приняты Положения о территориальной обороне. Не зная о возможном

развитии событий в России, уже были определены органы территориальной обороны.

На практике при применении правовых норм о территориальной обороне возникают некоторые вопросы. Правоприменительные проблемы, связанные в первую очередь с защитой населения и охраной прав и свобод людей, частично были разрешены принятым позднее Указом Президента от 13.01.2025 г. № 11 «О дополнительных мерах, осуществляемых в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 “О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей”», согласно которому высшие должностные лица перечисленных регионов вправе принимать обязательные к исполнению решения о возложении на органы публичной власти полномочий по непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения в населенных пунктах, где отсутствуют органы местного самоуправления до их формирования [8]. Эти решения являются также обязательными и для иных органов, организаций, осуществляющих деятельность в этих местностях, и для граждан, находящихся на указанных территориях.

Также административно-деликтное законодательство отреагировало на принятые положения Указа Президента от 13.1.2025 г. № 11. Так, 03.03.2026 г. в гл. 8 (Административные правонарушения в сфере общественного порядка, общественной безопасности, общественной нравственности, семьи, материнства, отцовства и детства) Закона Тверской области от 14.07.2003 г. № 46-ЗО «Об административных правонарушениях» (принят Законодательным Собранием Тверской области 01.07.2003 г.) включена ст. 56.10, устанавливающая ответственность за неисполнение и (или) нарушение нормативного правового акта, принятого в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756». Согласно положениям этой статьи неисполнение и (или) нарушение нормативного правового акта Губернатора Тверской области, принятого в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756», если установление ответственности за такие действия (бездействие) не отнесено к ведению Российской Федерации, влечет наложение административного штрафа [9].

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ также установлена административная ответственность для должностных лиц органа исполнительной власти субъекта, или органа местного самоуправления,

или руководителя организации за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных обязанностей по организации и осуществлению мероприятий по территориальной обороне (ст. 20.36 введена Федеральным законом от 08.08.2024 г. № 240-ФЗ) [3].

Таким образом, для организации территориальной обороны в Российской Федерации требовалось оперативное внесение изменений в действующее законодательство и принятие новых правовых актов. Но не все имеющиеся проблемы до настоящего времени получили разрешение. Требуется дальнейшее совершенствование законодательства, повышение эффективности правовой практики. Назрела необходимость принятия отдельного федерального закона о территориальной обороне с опорой на положения Модельного закона «О территориальной обороне».

Список литературы

1. Модельный закон «О территориальной обороне». Постановление № 59-14 от 14.11.2025 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 12.05.2026).

2. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024 г.) «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

4. Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 04.11.2025 г.) «Об обороне» // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

5. Указ Президента РФ от 19.10.2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7381.

6. Указ Президента РФ от 19.10.2022 г. № 757 (ред. от 25.08.2023 г.) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7382.

7. Указ Президента РФ от 25.08.2023 г. № 641 «О дополнительных мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 “О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей”» // СЗ РФ. 2023. № 35. Ст. 6636

8. Указ Президента РФ от 13.01.2025 г. № 11 «О дополнительных мерах, осуществляемых в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 “О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей”» // СЗ РФ. 2025. № 3. Ст. 109.

9. Закон Тверской области от 14.07.2003 г. № 46-ЗО (ред. от 03.03.2026 г.) «Об административных правонарушениях» (принят Законодательным

Собранием Тверской области 01.07.2003 г.) (вместе с «Типовым положением об административной комиссии муниципального образования Тверской области») // Тверские ведомости. 2003. № 57 (18–24 июля).

10. Постановление Губернатора Тверской области от 19.10.2022 г. № 71-пг «Об оперативном штабе для реализации мер, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757, на территории Тверской области» // Тверские ведомости. 2022. № 42 (26 октября – 1 ноября).

11. Распоряжение Главы военно-гражданской администрации Васильевского района Запорожской области Российской Федерации от 03.02.2023 г. № 33 «Об утверждении Положения об организации и ведении территориальной обороны на территории Васильевского района Запорожской области Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://za-inform.ru/official/rasporyazhenie-administraczii-vasilevskogo-municzipalnogo-okruga-33-ot-03-02-2023/ (дата обращения: 10.05.2026).

12. Постановление администрации муниципального образования «Токсовское городское поселение» Всеволожского муниципального района Ленинградской области от 27.04.2020 г. № 191 «Об утверждении Положения о штабе территориальной обороны муниципального образования “Токсовское городское поселение” Всеволожского муниципального района Ленинградской области» // Сайт Администрации МО «Токсовское городское поселение» г.п. Токсово, Всеволожский район, Ленинградская область [Электронный ресурс]. URL: https://toksovskoe-r41.gosweb.gosuslugi.ru/ofitsialno/dokumenty/postanovleniya-i-rasporyazheniya-glavy-administratsii-mo/postanovleniya/postanovleniya-2020-god/postanovleniya-2020-god_2416.html (дата обращения: 11.05.2026).

13. Балдин А.К. Эволюция нормативно-правового регулирования территориальной обороны как элемента организации вооруженной защиты в правовой системе Советского государства и современной России // Административное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 51–62.

Об авторе:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

Territorial defense in the regions: features and problems

T.V. Kuvyrchenkova

Tver State University, Tver

This study examines the legal relationships arising during territorial defense in areas under martial law. It examines legal norms governing territorial defense, as well as theoretical developments on the specifics of implementing territorial defense under martial law. The objective of the study is to identify potential gaps in legislation and problems with its application, as well as to develop proposals for improvement. The primary methods used in the study were

comparative and systemic approaches. The study revealed a lack of legislative regulation governing territorial defense, and challenges in applying existing legal norms. These shortcomings require further improvement of the legislation and increased effectiveness of its enforcement.

Keywords: *state authorities of the subject, territorial defense, martial law, territorial defense headquarters, territorial self-defense formations, volunteer formations.*

About author:

KUVYRCHENKOVA Tatyana – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

Кувырченкова Т.В. Территориальная оборона в регионах: особенности, проблемы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 121–129.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК: 342.4
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.130

Системно-ценностные основы российского конституционализма

А.А. Ливеровский

НГОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов», г. Санкт-Петербург

«Чтобы объяснить природу государственной власти,
мы должны вернуться к природе человека».
Марк Тулий Цицерон

Проведение в конце XX в. конституционного реформирования нашей страны вызвало активное развитие теории и практики конституционного регулирования. Предложив для новых конституционных установлений состоявшиеся образцы стандартов конституционного права зарубежных стран, законодатели столкнулись с проблемами их реализации в социально-правовых условиях России. Для выявления связи доктринального содержания конституционных установлений с нормативным регулированием общественных отношений и его отражения в правовой реальности страны предлагается обратиться к историческим истокам происхождения конституционных установлений и трансформации их содержания в процессе государственно-правового развития цивилизации. Состоявшимся результатом научных исследований стало утверждение системно-ценностного подхода к конституционному регулированию.
Ключевые слова: *Конституция, конституционализм, конституционная культура, либерально-демократические ценности, системно-ценностной подход, духовно-нравственные ценности.*

«Перестройка» как трансформация системы конституционного регулирования. Внесение «перестроечных» поправок в Конституцию СССР 1977 г. и Конституцию РСФСР 1978 г. в конце 80 и в начале 90 гг. не позволило эволюционно трансформировать правовую систему страны, как это предполагалось решениями высших партийных органов КПСС[1]. Предложенные поправки в конституции были направлены на введение идеологического и политического плюрализма, изменение формы государственного правления и введение рыночной экономики. Поправочное внесение отдельных не связанных между собой конституционных установлений на основе классических либерально-демократических стандартов и попытки их законодательной реализации не позволили добиться обозначенных партией целей конституционного

[1] На XIX конференции КПСС в июне-июле 1988 г. были приняты партийные решения о проведении правовой реформы государственного устройства СССР.

 © Ливеровский А.А., 2026

реформирования и привели к негативным социальным и политическим последствиям. Для достижения установленных целей потребовалось внедрение системной трансформации – принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации (далее – Конституция), содержание которой представляло целостную модель конституционного регулирования общественных отношений, содержательно связанную с создаваемым законодательным режимом.

Российские ученые подтвердили необходимость системной основы конституционного регулирования, представив теоретическую концепцию механизма правовой связи конституционных предписаний с нормативным регулированием общественных отношений, выдвинув понятие конституционной модели как системы фундаментальных конституционных принципов, определяющей основы конституционного строя [8]. По современным представлениям механизм конституционного регулирования определяется системным нормативным воздействием конституционных принципов, каждый из которых в доктринальном виде задает возможные способы нормативного регулирования, реализующего его содержание[2]. Обращение в контексте новой Конституции к данному механизму конституционного регулирования должно было позволить преодолеть наследие юридической техники, определявшей политико-идеологизированное[3], во многом декларативное, воздействие советских конституций на законотворчество, и установить содержательную связь конституционных установлений с нормативным регулированием общественных отношений, т. е. императивно формировать правовую реальность.

Системные проблемы перестройки. Поставленная задача гармонизации правовой реальности с системой конституционного воздействия в 90-е гг. сложно поддавалась решению. Реализация

---

[2] Приведем конкретный пример закрепления в Конституции Российской федерации механизма конституционного регулирования. Фундаментальный конституционный принцип федерализма закреплен в доктринальном контексте первой главы Конституции Российской Федерации «Основы конституционного строя». Его нормативная реализация обозначена в ст. 71–73, устанавливающих разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, тем самым определена относительная самостоятельность субъектов Российской Федерации в законотворчестве.

[3] Приведем пример конституционного регулирования, основанного на политико-идеологическом подходе советских конституций. В ст. 125 Конституции СССР 1936 (!) г. устанавливалось: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: свобода слова, свобода печати, свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций». В соответствии с данной статьей Конституции законодательное регулирование «свобод» должно осуществляться в рамках только одной государственной идеологии – социалистической. При этом на усмотрение законодателя отдавалось установление «интересов» советского народа, причем ограниченной его части – «трудящихся».

демократических процедур и установление демократических институтов «оказалось в руках людей с прежним политическим сознанием (не случайно главные новые руководители ранее занимали ответственные посты в КПСС и Советском государстве)» [1, с. 25]. Номенклатурным правосознанием обладали не только политические лидеры, но и сложившийся массив партийных функционеров среднего уровня и государственных служащих, профессионально работавших в советских органах власти и управления и плавно перешедших в исполнительную ветвь новой власти. Суть номенклатурного правосознания состояла в неизжитой, в условиях отсутствия сформировавшегося гражданского общества, профессионально-системной деформации у представителей государственной власти, отделяющей их от населения. При номенклатурном патронаже конституционного правоприменения, в условиях «необсуждаемого властования», неизбежным стало возвращение к «формальной демократии»[4], авторитаризму и появление более «свежих» явлений, связанных уже с внедрением частноправовых отношений: олигархической демокоратии[5] и политической коррупции [7]. Эти негативные явления следует рассматривать как результат деформации идей конституционализма, возникшей в результате системного разграничения социокультурного правосознания населения и государственной власти. Конституционалисты считают, что разрешение такого рода системных «столкновений» является «стержневыми проблемами транзитологии, характерными для перехода от властецентристской конституционной модели к человекоцентристской» [3, с. 246].

Ценностные проблемы перестройки. Принятая конституционная модель по изменению государственно-правового содержания правовой реальности оказалась весьма революционной для нашей страны. Либерально-демократические стандарты западных конституций длительно вызревали в рамках правовых систем феодальных, а потом капиталистических государств, трансформировались по результатам прошедших войн и революций, по преодолению кризисных явлений рыночных отношений, и только к середине XX в. приобрели статус «общепризнанных принципов международного права»[6]. Краткосрочное

[4] Характеристика советского государственного режима русским философом А.И. Ильиным.

[5] «Детскую болезнь» демократического капитализма описал Роберт Михельс в 1911 г., определив ее как «железный закон олигархии». Монополизация капитала олигархами, с привлечением государственного участия, приводит к стагнации экономики, в частности препятствует развитию малого и среднего бизнеса.

[6] Либерально-демократические стандарты европейских конституций были легитимизированы решениями международных организаций, прежде всего Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10.12.1948 г. Несомненное влияние на регулирование

в историческом масштабе и директивное по форме внедрения установление «сверху» властным волеизъявлением конституционных предписаний: принципа разделения властей, принципов рыночной экономики, – столкнулось с неготовностью восприятия гражданами либерально-демократических ценностей как основы правил новых социальных отношений. Гуманистические ценности коммунистической идеологии: равноправие, коллективизм, патриотизм, дружба народов, отношение к которым десятилетиями воспитывалось у советских людей, стали традиционной основой правовой культуры граждан. Правосознание, основанное на духовно-нравственной устойчивости нашей культуры, не согласовывалось с изменением ценностной основы, которая еще недавно представлялась государственной властью не только как чуждая советским людям, но и как преступная по своему правовому содержанию.

Приведенные рассуждения позволяют сделать вывод, что системные и ценностные проблемы транформирования конституционного строя появились в результате неготовности большинства граждан и представителей государственной власти осознано руководствоваться конституционным правосознанием, требующим осмысления гуманистического содержания фундаментальных конституционных принципов и ценностей, признания необходимости их правовой реализации. Анализ конституционного содержания системно-ценностных кризисных явлений, появившихся в результате нормативной реализации конституционных установлений, искажающих идеи конституционализма, вывел на кардинальные изменения методологии конституционного регулирования.

Изменение парадигмы конституционного права. Приоритетной целью конституционного регулирования является создание в правовой реальности государства гарантированного конституцией правового режима защиты прав и свобод человека, безусловного охранения его достоинства. Для эффективной правовой защиты свободы и прав человека недостаточно только соблюдение позитивной законности – подчинения принятым в законодательном порядке нормам. Государственный правопорядок должен соответствовать требованиям справедливости и свободы, идущим от общего их признания людьми. Эти общеобязательные требования складываются в обществе независимо от их государственного признания и закрепления в законах. В основе их происхождения лежит устойчивая приверженность граждан к социальным и духовным ценностям, связанным с историческим путем

общественных отношений в конституционных государствах оказала «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (04.11.1950 г.). Положения этих правовых актов в юридической терминологии обозначаются как «общепризнанные принципы и нормы международного права».

образования нации, с уникальностью палитры ее этнических и религиозных культур. Именно исходя из дихотомии конституционного и законодательного правовых режимов, было выработано представление о конституционализме не как об отросли позитивного права или порождении его, а как о естественно-правовой теории, позволяющей привлечь объективно складывающийся в обществе правопорядок на основе мировоззренческого плюрализма, в частности различения и сопряжения права и закона. Разумеется, для защиты конституционного строя необходимо было введение института конституционного контроля, позволяющего реализовывать доктрину верховенства конституции, т. е., исходя из представления об объективной сути конституционного регулирования, корректировать субъективное законотворчество государственной власти. Серьезным достижением российских ученых была разработка теории судебного конституционализма, содержание которой основано на выявлении и легализации правотворческой составляющей деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, создаваемые в результате системного толкования фундаментальных конституционных принципов на основании научного анализа изменений правовой реальности государства, стали рассматриваться как источники конституционного развития государства. Предполагается, что их конституционное воздействие определяется не только общепризнанными либерально-демократическими стандартами, но и безусловным влиянием специфики конституционной идентичности государства, определяемой устойчивой системой традиционных социальных ценностей. Таким образом, соблюдение верховенства конституции сводится к реализации так называемой морально-формальной концепции верховенства права, которую следует понимать как основанную на традициях общества практику правового регулирования общественных отношений [10, p. 17]. В этой связи становится необходимым разрешение в теоретическом плане вопроса о происхождении и сохранении традиционных, прежде всего духовно-нравственных, ценностей российского общества.

О конституционной культуре. Профессор Г.Г. Арутюнян предложил методологический подход к пониманию конституционализма как проявления определенной конституционной культуры общества. Конституционные идеи ограничения власти и установления верховенства права вызревали в цивилизованных обществах на протяжении столетий задолго до появления конституционных государств. Более того, появление общеобязательных правил общественного поведения – форм идей, которые мы сейчас называем конституционными, т. е., исходящими из понимания природы человека, защиты его прав и свобод – связано не только с возникновением государств и деятельностью государственной власти, но и с условиями

объединения и существования людей в догосударственных, даже первобытных сообществах. В результате рационального выбора человеком в обществе создавались правила обязательного общественного поведения, позволяющие человеку выжить, а сообществу сохранить свою целостность. Разумное осознание человеком, членом общества необходимости соблюдать правила общественной жизни, позволяющие реализовать высшую ценность – сохранение жизни человека – и иерархически приданных ей ценностей – обеспечения ресурсов и безопасности, – приобретается в результате длительного опыта рационального познания мироздания и в частности общественных отношений. То есть источником правил существования члена человеческого сообщества являются традиции, сложившиеся в данном сообществе. В рамках исторической эволюции сообществ и появления государственности, в связи с возникающей дихотомией естественно-правовых государственно-правовых режимов возникала необходимость позитивации правых притязаний на реализацию социальных ценностей, имеющих гуманистический характер, например, «защита достоинства человека».

Г.Г. Арутюнян, анализируя механизмы образования обычного права, а затем конституционного, предложил концепцию рационального механизма зарождения идей конституционализма и их форм на основе методологии рационального познания. Ученый предложил понимать конституционную культуру как «исторически сложившуюся, обогащенную опытом поколений ценностную систему убеждений, представлений, правосознания, лежащую в фундаменте общественного бытия и определяющую установление и реализацию обязательных правил поведения на основе их нравственного и духовного осмысления» [2, с. 70–82]. Данное определение соединяет естественно-правовую природу конституционализма с влиянием конституционной культуры, отражающей систему социальных ценностей, признание которых обществом должно составлять базис его правовой системы.

Системно-ценностная позиция В.Д. Зорькина. Теоретические новации в теории конституционного регулирования появились в научном обиходе во многом благодаря осмыслению конституционной практики Конституционного Суда Российской Федерации, в частности в результате уточнения кельзеновской модели конституционного нормоконтроля. Анализ содержания и механизма правотворческой составляющей деятельности[7] Конституционного Суда Российской

[7] Обобщенную схему создания правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации можно представить как нахождение оптимального баланса устанавливаемых мер реализации содержания коллидирующих фундаментальных конституционных принципов, каждая из которых является способом нормативного регулирования общественных отношений.

Федерации привел к теории судебного конституционализма [4]. В этом плане значима доктринальная позиция о правовом содержании конституционного регулирования Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, профессора В.Д. Зорькина: «Для достижения оптимального состояния права необходимо следовать такому его пониманию (как права вообще, так и каждого субъективного конкретного права), которое соединяло бы начала индивидуальной свободы и социальной солидарности. Поэтому не лишены разумных оснований ни идеи либерализма с его приоритетом прав человека, ни идеи коммунитаризма, с позиций которого общее благо – не сумма индивидуальных благ, а общие ценности, объединяющие данное конкретное общество» [6]. При этом В.Д. Зорькин уточняет свое отношение к либеральным ценностям: «Собственность – это единственно возможная основа для свободы и права. Там, где полностью отрицается право индивидуальной собственности на средства производства, там невозможны свободы и права» [5, с. 4]. Ученый указывает, что создавать конституционное регулирование, как в законодательном разрезе, так и с помощью судебного конституционализма, нерационально, «закладывая» в основу нормативного регулирования только одну систему признаваемых обществом конституционных идей. Понимание философско-правовой основы плюрализма предложенной концепции конституционного регулирования приводит к возможности нахождения оптимального динамичного баланса реализации идей, относящихся к разным ценностным системам нормативного регулирования общественных отношений.

Закончим предлагаемые рассуждения представлением Джона Майерса о конструктивности использовать в теоретическом плане концепцию конституционной культуры как основу для регулирования общественных отношений и результат нравственного и духовного осмысления ее ценностей народом государства: «культура – это то, что остается от прошлого людям, работающим на настоящее, чтобы сформировать свое будущее» [9, p. 16].

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право России как фундамент борьбы с коррупцией // Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / под ред. С.А. Авакяна. М.: Юстицинформ, 2016. 512 с.

2. Арутюнян Г.Г. Аксиологическая природа конституционализма в контексте исторической эволюции конституционной культуры // Философия права Пятикнижия / под ред. А.А. Гусейнова и Е.Б. Рашковского. М.: Издательство «ЛУМ», 2012. 576 с.

3. Арутюнян Г.Г. Конституционный мониторинг. Ереван: «Нжар», 2016. 340 с.

4. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. М:

Юридическая Норма, 2026. 528 с.

5. Зорькин В.Д. Конституция Российской Федерации – правовая основа интеграции российского общества // Журнал Конституционного Правосудия. 2018. № 6 (66). С. 1–11.

6. Зорькин В.Д. Под знаком Конституции // РГ.2023 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2023/12/11/pod-znakom-konstitucii.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 09.06.2026).

7. Ливеровский А.А. Коррупция как деформация конституционализма // Коррупция. Коллективная монография / отв. ред. В.А. Бублик. Екатеринбург: Издательский дом УГЮУ, 2017. 294 с. С. 137-146.

8. Невинский В.В. Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов // Российский Юридический Журнал. 2004. № 1. С. 9–15

9. Myres J.I. Political Ideas of the Greeks. N.Y. Abingdon Press.1927. 436 p.

10. Sajó A. For a rational and honest rule of law // Сравнительное конституционное обозрение. 2026. Т. 35, № 1 (166). С. 5–17.

Об авторе:

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич – государственный советник Санкт-Петербурга I класса, почетный работник высшего профессионального образования, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности НГОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов» (192238, Санкт-Петербург, улица Фучика д. 15), SPIN-код: 3015-9193, AuthorID: 708799, e-mail aleksei.liverovskii@list.ru

System-value basis of the Russian constitutionalism

A.A. Liverovskiy

Saint-Petersburg University of humanities and social sciences, Saint-Petersburg

The constitutional reforms of the late XXth century activized the development of constitutional regulation's theory and practice. Acception by the legislators foreign examples of constitutional law to establish the standarts of the new constitutional foundations confronts with problems of their implementation in the social amd judicial conditions of contemporary Russia. In this context the main task of the investigation is to make plain the correlation between doctrinal content of constitutional statements and normative regulation of the social relations as a reflection of the Russian' legal reality. The solution was to focus on historical sources of the constitutional regulations and their transformation during the process of state and law development. As a result of this investigations legal-value approach to the constitutional regulations was established.

Keywords: *Constitution, constitutionalism, constitutional culture, liberal and democratic values, system-value approach, moral-spiritual values.*

About author:

LIVEROVSKIY Aleksey – First grade state advisor of Saint-Petersburg, honoured worker of general education, associated professor, doctor of legal sciences, professor of law theory and law-enforcement activity department of Saint-Petersburg University of humanities and social sciences (192238, Saint-Petersburg, Fuchika str., 15), SPIN-code: 3015-9193, AuthorID: 708799, e-mail aleksei.liverovskii@list.ru

Ливеровский А.А. Системно-ценностные основы российского конституционализма // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 130–138.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.24:342.7:304.2
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.139

Социальная справедливость как условие сохранения единства народов России: конституционно-правовой анализ выравнивания статуса субъектов Российской Федерации

П.А. Матвеев

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Клин

Статья посвящена комплексному конституционно-правовому анализу принципа социальной справедливости в контексте выравнивания статуса субъектов Российской Федерации. Цель работы – обосновать невозможность сохранения единства народов России при сохранении формальных и фактических барьеров, препятствующих равному доступу граждан к социальным благам вне зависимости от территории проживания. В задачи исследования входит: анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ, раскрывающих недопустимость дискриминации по территориальному признаку; рассмотрение доктринальных подходов к сущности социального государства и конституционному статусу личности; выявление коллизий между федеральными гарантиями и региональной практикой предоставления мер поддержки многодетным семьям и иным категориям граждан; а также оценка исторического опыта СССР и уроков пандемии COVID-19 как экстремальной ситуации, обнажившей асимметрию регионального развития. Методологическую базу составляют системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также метод конституционного толкования. Основные результаты: аргументировано, что латентное сохранение института прописки через ценз оседлости и подмена нормативных актов центра рекомендательными размывают конституционную идентичность граждан России; предложено рассматривать выравнивание социального стандарта как юридическую обязанность государства, производную от ст. 7 и 19 Конституции РФ. Выводы ориентированы на необходимость перехода от децентрализованной модели социальной политики к единым государственным гарантиям минимального стандарта благосостояния для каждого гражданина страны.

Ключевые слова: *социальное государство, единство народов, равноправие граждан, регистрация, многодетные семьи, Конституционный Суд, федерализм, региональное неравенство, социальная справедливость.*

2026 год, объявленный в Российской Федерации Годом единства народов, совпадает с периодом острейшей турбулентности мировой политической и экономической системы. Перед государством как

 © Матвеев П.А., 2026

никогда остро стоит дилемма: каким образом обеспечить территориальную целостность и гражданскую солидарность при колоссальном разрыве в уровне и качестве жизни в различных субъектах федерации? Исторический опыт государственного строительства в СССР и постсоветский период показывают, что любые центробежные тенденции произрастали не столько из национально-культурных различий, сколько из чувства социально-экономической обделенности. Именно поэтому социальная справедливость рассматривается нами не как абстрактная этическая категория, а как фундаментальное условие сохранения единства народов России, требующее конкретного правового наполнения и механизмов выравнивания статуса субъектов РФ.

Анализ конституционно-правовой доктрины позволяет утверждать, что справедливость в федеративном государстве имманентно связана с проблемой равенства. Как подчеркивается в фундаментальных исследованиях по конституционному праву, социальное государство, провозглашенное ст. 7 Конституции РФ, предполагает не просто формальное провозглашение прав, а создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Однако практическая реализация этих положений сталкивается с серьезными препятствиями, коренящимися в самой структуре разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами.

Одним из центральных вопросов, требующих конституционно-правового анализа, является проблема, которую в научной литературе обозначают как «регионализация социальных прав». Федеральный центр, устанавливая рамочные гарантии, зачастую оставляет конкретику на откуп субъектам РФ. В тех случаях, когда региональный бюджет наполняем, гражданин получает широкий спектр услуг, а когда регион является дотационным – конституционная гарантия превращается в пустую декларацию. Это напрямую затрагивает принцип равноправия граждан, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ. Научная позиция, обосновывающая неразрывность правового статуса личности и территориального фактора, детально разрабатывалась в отечественной юриспруденции еще с советских времен. В частности, в трудах академика Н.В. Витрука, заложившего основы учения о правовом положении личности, красной нитью проходит мысль о том, что гарантированность прав не может ставиться в зависимость от административно-территориального деления, иначе разрушается единство правового пространства.

Эта теоретическая конструкция нашла свое развитие и в решениях Конституционного Суда РФ, который последовательно отстаивает принцип единства экономического и социального пространства. Правовые позиции Суда служат важнейшим ориентиром для законодателя, однако до сих пор существует значительный разрыв между

декларируемым верховенством Конституции и реальной практикой регионального нормотворчества.

Экстремальная ситуация, связанная с распространением COVID-19, стала жестким маркером реального состояния дел. Когда система здравоохранения столкнулась с беспрецедентной нагрузкой, выяснилось, что уровень развития регионов не позволяет обеспечить стабильность для существования семей в равной степени. Доступность медицинской помощи в Москве или Санкт-Петербурге и в отдаленных районах страны оказалась несопоставима, несмотря на формально единые федеральные рекомендации. Жители столкнулись не просто с разным качеством сервиса, но с реальной угрозой жизни. Это в очередной раз подтвердило, что отсутствие единых, императивных социальных стандартов, обеспеченных бюджетным выравниванием, равносильно отказу государства от своей социальной функции. В связи с этим нельзя не согласиться с позицией тех ученых-конституционалистов, в частности Г.А. Гаджиева, которые акцентируют внимание на экономической составляющей конституционных прав: без финансового обеспечения любое, даже самое красиво сформулированное, право остается фикцией [1, с. 145].

Особого внимания в контексте выравнивания статуса субъектов заслуживает правовой институт регистрации по месту жительства. Формально институт прописки ушел в прошлое вместе с СССР, уступив место уведомительному порядку регистрационного учета. Однако на практике мы наблюдаем латентное сохранение «ценза оседлости» при распределении значимых социальных благ. Получение многих жизненно важных услуг и выплат оказывается прямо связано с местом регистрации гражданина.

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался по этому поводу, вырабатывая правовые позиции, направленные на защиту прав граждан. Во-первых, в Постановлении от 04.04.1996 г. № 9-П по делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и других субъектов, касающихся порядка регистрации граждан, Суд указал, что право на свободу передвижения и выбор места жительства является личным правом, а регистрация не может носить разрешительный характер. Органы власти не вправе отказывать в реализации прав со ссылкой на отсутствие регистрации. Во-вторых, в Постановлении от 02.02.1998 г. № 4-П по делу о проверке отдельных положений законодательства о регистрационном учете Конституционный Суд подчеркнул недопустимость ограничения прав граждан в зависимости от наличия или отсутствия штампа в паспорте.

Однако, несмотря на столь однозначную позицию, законодательство субъектов федерации продолжает воспроизводить дискриминационные нормы через институт «ценза оседлости». Так, для получения регионального материнского капитала, предоставления земельного

участка многодетной семье, компенсаций на оплату жилищно-коммунальных услуг и многих других преференций требуется не просто проживание на территории субъекта, а длительный срок такой регистрации (как правило, от 3 до 10 лет). Это напрямую ущемляет права тех граждан, которые меняют место жительства в поисках работы или лучшей доли, превращая их в «нежелательных» претендентов на социальные блага. Как справедливо отмечал Б.С. Эбзеев, анализируя сущность конституционного строя, единство публичной власти несовместимо с ситуацией, при которой человек в одном субъекте федерации получает принципиально иной объем прав, нежели в другом, по сугубо формальным основаниям.

Проблема выравнивания статуса остро стоит на примере поддержки многодетных семей. Указ Президента РФ определил статус многодетной семьи как единый, однако детализация мер поддержки отдана на уровень субъектов. В результате житель одного региона может получить участок земли с подведенными коммуникациями и значительную денежную выплату, а в другом – лишь символическую скидку на транспортный налог. Конституционный Суд, в свою очередь, вырабатывая правовые позиции в социальной сфере, неоднократно указывал на недопустимость произвольного снижения уровня социальной защиты. В-третьих, в Постановлении от 15.05.2006 г. № 5-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» суд акцентировал, что законодатель обязан соблюдать принцип равенства при определении размеров пособий и не может вводить необоснованную дифференциацию. В-четвертых, в Постановлении от 27.11.2008 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений о пенсионном обеспечении Суд указал, что правовое регулирование социальных выплат должно гарантировать стабильность правового положения граждан и не может ставиться в зависимость от экономической конъюнктуры конкретного региона. В-пятых, в Постановлении от 19.01.2017 г. № 1-П, касающемся вопросов предоставления жилых помещений, Конституционный Суд вновь обратился к теме равенства, подчеркнув, что деление граждан на категории в зависимости от места жительства (и его длительности) без учета реальной нуждаемости противоречит конституционному принципу справедливости [5, с. 178].

Таким образом, конституционная юстиция сформировала устойчивый вектор на децентрализацию барьеров, однако политическая практика, ориентированная на экономию бюджетных средств субъектов, игнорирует эти посылы.

Еще одним фактором дезинтеграции становится рекомендательный, «диспозитивный» характер отношений федерального центра с регионами в наиболее чувствительных сферах. Центр подчас ограничивается

«методическими рекомендациями» и «модельными программами» по вопросам, прямо затрагивающим выживание людей. Это дает регионам с дотационной экономикой формальное основание не исполнять социальные обязательства в полном объеме, ссылаясь на необязательность федеральных предложений. Подобная практика создает питательную среду для социального недовольства.

В этой связи особое звучание приобретает социально-психологический аспект конституционного выравнивания. Значительная часть жителей России чувствует себя обделенной в сравнении с эталонными центрами, в первую очередь с Москвой. В столице уровень бюджетной обеспеченности на душу населения, качество социальной инфраструктуры и объем городских доплат создают совершенно иную среду обитания. Для жителей регионов такая разница воспринимается не как результат объективных экономических процессов, а как проявление государственной несправедливости. Данный перекос приводит к внутренней миграции, которая, в свою очередь, еще больше опустошает проблемные субъекты РФ и создает избыточное давление на инфраструктуру крупных агломераций [4, с. 59]. Исследователи социальной ответственности государства подчеркивают: если диспропорции не корректируются правовыми методами, они перерастают в отчуждение граждан от государственных институтов. Ответственность за это лежит не на регионах-лидерах, а на федеральной власти, не использующей в полной мере механизмы бюджетного выравнивания и конституционного контроля для исправления ситуации [3, с. 55].

Оценивая положительный опыт советского союзного государства, необходимо отметить, что единство многонациональной страны поддерживалось не только идеологией, но и жесткой унификацией социальных стандартов. Строительство промышленных гигантов в отдаленных республиках, перераспределение национального дохода через союзный бюджет, создание единой тарифной сетки и системы льгот – все это были элементы политики выравнивания. Ошибкой постсоветского периода стало ослабление роли государства как главного регулятора пространственного развития [1, с. 184]. Современные вызовы требуют грамотной долгосрочной политики, сочетающей рыночную саморегуляцию с активным государственным вмешательством.

Несомненно, ресурсы для немедленного полного выравнивания доходов всех субъектов отсутствуют. Однако конституционная обязанность государства заключается в создании правовых условий для этого выравнивания. Первым шагом должно стать очищение законодательства от скрытых форм «прописочного права». Права граждан, гарантированные Конституцией, должны предоставляться по факту проживания и нуждаемости, а не по штампу в паспорте. Вторым шагом должна стать конвергенция социального законодательства через

установление минимальных государственных социальных стандартов, ниже которых не может опускаться ни один субъект РФ, вне зависимости от состояния его бюджета.

В завершение необходимо подчеркнуть, что социальная справедливость в правовом измерении – это не только распределение благ, но и конституционная ответственность власти перед обществом. Единство народов России не может базироваться исключительно на исторической памяти и общекультурном коде, оно требует ежедневного подтверждения через справедливое государственное устройство. Пока житель условного дотационного региона будет видеть, что его статус гражданина России умален в сравнении с жителем столицы из-за отсутствия средств в региональном бюджете, конституционный принцип равноправия будет оставаться под угрозой. Долгосрочная правовая политика должна исходить из того, что выравнивание статуса субъектов – это императив сохранения суверенитета и территориальной целостности страны.

Список литературы

1. Акатова Н.С., Алексеева С.И., Архипов М.А. [и др.] Государство и общество: российская специфика. Тверь: ООО «СФК-офис», Российский государственный социальный университет, филиал в г. Клин, 2020. 184 с.

2. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Архипов М.И., Баранова Т.Л., Малышева О.С. [и др.] Социально-экономическая политика и современное государство. Тверь: Твер. гос. университет, 2018. 278 с.

3. Куксин И.Н. Ответственность: социальное и юридическое содержание // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2015. № 3 (19). С. 52–62.

4. Антонова Н.А., Барткова О.Г., Очагова В.С. [и др.] Проблемы современного российского процессуального и материального права (в поиске эффективных норм). Тверь: Тверской гос. университет, 2017. 180 с.

5. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления и определения (1996–2017) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

МАТВЕЕВ Павел Александрович – старший преподаватель кафедры экономики, управления и права Российского государственного социального университета, филиал в г. Клину Московской области (141607, Московская обл., г. Клин, Волоколамское шоссе, дом 20/1), SPIN-код: 7215-8943, AuthorID: 621301, e-mail: matveev.ur@mail.ru

Social justice as a condition for preserving the unity of the peoples of Russia: constitutional and legal analysis of equalizing the status of the subjects of the Russian Federation

P.A. Matveev

Russian State Social University, Klin

The article is devoted to a comprehensive constitutional and legal analysis of the principle of social justice in the context of equalizing the status of the constituent entities of the Russian Federation. The aim of the work is to substantiate the impossibility of preserving the unity of the peoples of Russia while maintaining formal and factual barriers that prevent equal access of citizens to social benefits regardless of the territory of residence. The research objectives include: analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation revealing the inadmissibility of discrimination on territorial grounds; consideration of doctrinal approaches to the essence of the social state and the constitutional status of the individual; identification of conflicts between federal guarantees and the regional practice of providing support measures to large families and other categories of citizens; as well as an assessment of the historical experience of the USSR and the lessons of the COVID-19 pandemic as an extreme situation that exposed the asymmetry of regional development. The methodological basis consists of systemic, formal-legal, comparative-legal methods, as well as the method of constitutional interpretation. Key results: it is argued that the latent preservation of the institute of propiska through residency qualification and the substitution of regulatory acts of the center with advisory ones erode the constitutional identity of Russian citizens; it is proposed to consider the equalization of the social standard as a legal obligation of the state, derived from Articles 7 and 19 of the Constitution of the Russian Federation. The findings are focused on the need for a transition from a decentralized model of social policy to unified state guarantees of a minimum standard of well-being for every citizen of the country.

Keywords: *social state, unity of peoples, equality of citizens, registration, large families, Constitutional Court, federalism, regional inequality, social justice.*

About author:

MATVEEV Pavel – Senior Lecturer, Department of Economics, Management and Law, Russian State Social University, branch in Klin (141607, Moscow region, Klin, Volokolamskoe shosse, 20/1), SPIN-code: 7215-8943, AuthorID: 621301, e-mail: matveev.ur@mail.ru

Матвеев П.А. Социальная справедливость как условие сохранения единства народов России: конституционно-правовой анализ выравнивания статуса субъектов Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 139–145.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.7 (510)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.146

Духовно-нравственные критерии в цифровом профиле служащих органов публичной власти[1]

Т.Н. Михеева

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола

Возрождение духовно-нравственных ценностей в российских реалиях должно начаться с расстановки аксиологических ориентиров в облике и деятельности служащих органов публичной власти как проводников государственной политики. В данном контексте представлен краткий анализ зарождения и развития государственной службы Китая, в основу которой изначально были положены конфуцианские идеи о морали и нравственности. Рассмотрен процесс адаптации их под условия меняющегося государства. Проанализировано влияние цифровых технологий на рассматриваемый институт, повышение уровня требований к госслужащим. Выявлено, что одной из особенностей современной китайской модели государственной службы продолжают оставаться высокие морально-деловые качества управленцев и их готовность к нравственному служению. В завершение статьи высказаны некоторые выводы по совершенствованию критериев профиля служащего органов публичной власти России.

Ключевые слова: *служба в органах публичной власти, духовно-нравственные ценности, государственный служащий Китая, моральные качества служащего.*

Духовно-нравственные ценности сегодня представляются одной из наиболее востребованных исследовательских тематик. В доктрине их рассматривают как основания культурного кода российской государственности [5], поскольку «во все времена каждая цивилизация стремится к определенной конкретности оценивания своего духовного и культурного начала» [9, с. 88]. Ценности называют основой единения Российского государства и его национальной безопасности [6]. Обсуждаются их содержание и пути воплощения в российской правовой системе [3].

Одной из ценностей, провозглашенных на высоком государственном уровне [1], является служение Отечеству, традиции которого были заложены еще Петром I и сохранялись в последующие периоды монархической России.

Предпринятые шаги к возрождению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в современный период

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-02922, https://rscf.ru/project/25-28-02922/ («Правовые основы единого цифрового профиля служащего в органах публичной власти»).

 © Михеева Т.Н., 2026

актуализировали вектор исследований института государственной и муниципальной службы (службы в органах публичной власти) в дискурсе расстановки аксиологических акцентов. Следует признать обоснованным мнение ученых о необходимости «интеграции ценностных подходов в систему государственного управления, совершенствования модели государственной службы на основе принципов служения, соборности и ответственности, соответствующих цивилизационной специфике Российской Федерации» [5, с. 79].

Повышенное внимание приковано не только к укреплению смыслового содержания института службы в названных органах ключевым ценностным компонентом служения Отечеству, но и дополнению обязательных требований к служащим в органах публичной власти нравственными категориями наряду с профессионализмом и компетентностью.

В этой связи представляются интересными критерии отбора на государственную службу в Китае, традиции которой уходят вглубь веков. Еще в древнекитайском государстве в (206 г. до н. э.) формирование профессионального аппарата государственных служащих опиралось на идеи конфуцианства с их нравственным идеалом. Именно отсюда берет начало ценностная основа облика чиновников.

Необходимыми качествами, безусловно, считались знания, уровень которых выявлялся посредством жесткого экзамена. От будущего чиновника требовался также высочайший уровень исполнительской дисциплины, а беззаветное служение императору и государству должны были ставиться выше личных интересов. Не менее важным признавалось соблюдение традиционных норм морали, правил поведения.

На протяжении всей последующей службы чиновник должен поддерживать в соответствии с конфуцианской традицией «здоровую жажду знаний» – от него требовалось постоянное самосовершенствование, чему способствовал контроль в виде ежегодных аттестаций. Аттестация включала не только проверку выполнения должностных обязанностей, степени усердия и добросовестности, но и соблюдения моральных требований и отсутствия поведенческих нарушений. Все показатели сводились в рейтинг, где определялось место каждого чиновника, от чего зависело дальнейшее продвижение по карьерной лестнице.

Духовно-нравственные основания организации государственной службы, равно как и сама служба, не оставались неизменными в разные исторические эпохи. Например, после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики (далее – КНР) к управлению государством пришли революционно настроенные назначенцы из рядов народно-освободительной армии во главе с Мао Цзэдуном. Следствием их «управления» стало полное разрушение государственной службы, а ее богатые традиции были надолго забыты. Лишь в 1976 г. после смерти

«Великого кормчего» началось возрождение данного института, вновь стали востребованными наработанные за долгое время идейно-нравственные постулаты, отформатированные под новые задачи модернизирующегося государства.

Представляет интерес в контексте настоящего исследования современный период, который связывается с принятием Закона КНР «О государственной службе от 28.04.2005 г. [2]. Его заслуга – в систематизации и правовом упорядочении данного института, поскольку до этого времени не было единого нормативного акта, регулирующего отношения в сфере государственной службы.

Однако бурное развитие Китая во втором десятилетии XXI в. потребовало перестройки государственного аппарата под новые глобальные задачи, что отчетливо проявилось в обновленном Законе КНР от 29.12.2018 г. «О государственной службе» (далее – Закон 2018 г.).

По мнению китайских авторов, «институт управления государственной службой с соответствующей нормативно-правовой базой является важной составляющей социалистического строя с китайской спецификой и современной системы государственного управления, способствуя стремительному социально-экономическому развитию Китая посредством организационной и кадровой поддержки» [7, с. 35].

Китайская специфика в данной сфере обусловлена тем, что правящая Коммунистическая Партия Китая (далее – КПК) играет решающую роль в системе управления государственной службой и партийные правила наряду с Законом от 2018 г. являются обязательными. Более того, фундаментальным принципом системы государственной службы стал – «партия отвечает за кадры». Любопытно, что в соответствии со ст. 3 Закона 2018 г. все сотрудники органов КПК, от центральных до местных, являются госслужащими наряду с традиционными служащими органов исполнительной власти, от центрального правительства до местных народных правительств. К слову сказать, под действие Закона 2018 года подпадают также все судьи и прокуроры, а также работники аппаратов данных систем.

Кроме того, предусматривается структурное единство государственной службы по вертикали, включая национальный, провинциальный, местный уровни. Муниципальная служба отсутствует как таковая, а все сотрудники органов местного уровня считаются государственными служащими.

Следует остановиться на нормативных требованиях к государственным служащим. В ст. 7 Закона о государственной службе 2005 г. закреплялось, что «назначение государственного служащего осуществляется, прежде всего, с учетом его личных качеств, деловых и моральных, с учетом результатов предыдущей служебной деятельности». В редакции Закона 2018 г. поведенческий профиль был

значительно конкретизирован. Теперь «при назначении на должность следует решительно придерживаться сочетания моральных и деловых качеств, приоритета нравственности, назначения только по личным качествам, принципа «работа превыше всего», справедливости и правильности, выявления политических стандартов, обращения первостепенного внимания на практическую результативность работы» (ст. 7 Закона 2018 г.).

Как уточняет Ван Сяомин, один из преподавателей Пудунской академии подготовки руководящих кадров Китая: «Кандидаты, которые окажутся не соответствующими требованиям по политическим взглядам, нравственности, поведению, … не принимаются в штат государственных служащих, какие бы ни были у них высокие баллы на экзамене» [7, с. 76].

Отстаиванию критериев морали большое значение придается Главой КПК и государства Си Цзиньпином, заявляющим, что партия «ставит нравственность и способности кадров на первое место, а приоритетом считает нравственность, которая включает в себя политические качества, трудовую этику, социальную добродетель и семейное согласие» [7, с. 66].

Исследователи китайского феномена государственной службы констатируют, что при Си Цзиньпине кадровый контроль партией стал «требовательнее и жестче особенно в оценке эффективности управления и моральных оснований всей работы. … Выявление и учет морально-деловых качеств и готовность кандидатов к нравственному служению в ходе конкурсных процедур – одна из важных особенностей китайской модели формирования управленческого класса» [10, с. 29].

Проверка и подтверждение этих качеств осуществляются через ежегодные аттестации государственных служащих по нескольким параметрам, сгруппированным в пять критериев: «нравственность», «работоспособность», «отношение к работе», «успехи в работе», «неподкупность». Первый критерий – «нравственность», если опустить некоторый партийный налет, сводится к культивированию основных социалистических ценностей, которыми признаются профессиональная и социальная этика, семейные и личные добродетели [10, с. 37]. В целом система аттестации в соответствии с древнекитайской традицией подтверждает приоритет высокой морали в деятельности управленцев.

Огромное влияние на состояние государственной службы в Китае оказала цифровизация. Все основные этапы кадровой работы были переведены в цифровой формат: экзаменационная система, аттестация служащих, ведение документооборота. На замену бумажному пришло цифровое досье, управленческие процессы упростились и динамизировались, стала отмечаться невероятная кадровая мобильность в стране. Применение цифровых технологий привнесло в кадровую работу большую объективность, поскольку при принятии кадровых решений с использованием анализа больших данных исключается

субъективный фактор. Государственное управление в целом вышло на новый уровень.

Что же касается цифрового профиля государственного служащего, то на сегодня в открытых источниках о нем не упоминается, что позволяет говорить об отсутствии какой-то единой «карточки государственного служащего», помещенной на специальную платформу. Однако, учитывая внедрение с недавних пор в китайскую действительность системы социального кредита (цифрового профиля гражданина), информация о государственном служащем, также как и любом китайском гражданине, присутствует во множестве государственных баз данных и платформ обмена информацией между ведомствами (банковская система, налоговые, судебные, правоохранительные и иные органы). Нужная информация может быть получена из социальных сетей или по оставленным «следам» в Интернете, которые довольно красноречиво свидетельствуют о взглядах, пристрастиях, истинных моральных и нравственных качествах, вследствие чего нетрудно составить истинный цифровой портрет государственного служащего.

Возвращаясь к началу нашего исследования об аксиологических основаниях облика служащих в органах публичной власти России, представляется необходимым высказать следующее.

Государственный, муниципальный служащий по роду профессиональной деятельности связывает себя со служением государству. Будучи проводником государственной политики в той или иной сфере, служащий сам должен обладать высокими нравственными качествами и иметь ценностные ориентиры. «Его деятельность находится под постоянным вниманием общества, а любые отклонения от нормативного поведения воспринимаются не только как характеристика личности, но и как отражение состояния государственного аппарата в целом» [4, с. 343].

Поэтому показатели облика служащего должны обязательно включать критерии нравственного порядка, которые в недалеком времени получат отражение и в профиле россиянина, матрицу которого уже сегодня обсуждают [8]. Это первое приближение к будущему цифровому профилю служащего.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Закон Китайской Народной Республики «О государственной службе», принятый на 15-м заседании Постоянного Комитета ВСНП 10-го созыва

28.04.2005 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ozlib.com (дата обращения: 10.03.2026).

3. Алексеенко А.П., Архипов В.В., Белов С.А., Кондуров В.Е. Реализация традиционных российских духовно-нравственных ценностей в правовой системе // Правоведение. 2024. Т. 68, № 3. С. 332–359 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.302 (дата обращения: 19.03.2026).

4. Беристова А.В. Имидж государственного служащего: структура, функции и значимость в системе государственного управления // Ученые заметки ТОГУ. 2026. Т. 17, № 1. С. 341–345 [Электронный ресурс]. URL: http://togudu.ru/media/ejournal/articles-2026/TGU_17_1.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

5. Воронов А.С., Юхно А.С., Ульянова Л.В. О ценностных основаниях культурного кода российской государственности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 4. С. 61–85.

6. Корнев В.Н. Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие. 2023. Т. 5, № 1. С. 8–15.

7. Опыт лучших практик государственной службы России и Китая / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Чжао Шимин. М.: ИД «Юриспруденция», 2020. 396 с. [Электронный ресурс]. URL: htths://izak.ru/upload/iblock/271/Opyt-luchshikh-praktik-gosudarstvennoy-sluzhby-Rossii-i-Kitaya_Blok_v_pechat-_1_/pdf (дата обращения: 12.03.2026).

8. Петров А.А. Российская матрица цифрового профиля россиянина // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 52. С. 39–52.

9. Рязанова Е.А. Духовно-нравственные ценности России как объект внимания Государственного Совета Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 88–94.

10. Сяо Лу, Сельцер Д.Г. Система аттестации руководящих кадров Китая // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 27–55 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.2 (дата обращения: 12.03.2026).

Об авторе:

МИХЕЕВА Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Заслуженный юрист Российской Федерации (424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1), ORCID: 0000-0002-6060-0257, SPIN-код: 1737-2482, e-mail: tnmiheeva14@mail.ru

Spiritual and moral criteria in the digital profile of employees of public authorities

T.N. Mikheeva

Mari State University, Yoshkar-Ola

The revival of spiritual and moral values in Russian realities should begin with the establishment of axiological guidelines in the appearance and activities of public officials as agents of state policy. In this context, a brief analysis of the origin and development of the Chinese civil service is presented, which was

initially based on Confucian ideas about morality and morality. The process of their adaptation to the conditions of a changing state is considered. The impact of digital technologies on the institution under consideration, increasing the level of requirements for civil servants, is analyzed. It is revealed that one of the features of the modern Chinese model of public service continues to be the high moral and business qualities of managers and their willingness to moral service. At the end of the article, some conclusions are made on improving the criteria for the profile of an employee of public authorities in Russia.
Keywords: *service in public authorities, spiritual and moral values, Chinese civil servant, moral qualities of an employee.*

About author:

MIKHEEVA Tatiana – Doctor of the Legal Sciences, Professor of the Department of Public Law in Russia and Foreign Countries of the Mari State University, Honored Lawyer of the Russian Federation (424001, Yoshkar-Ola,Lenin sq., 1), ORCID: 0000-0002-6060-0257, SPIN-code: 1737-2482, e-mail: tnmiheeva14@mail.ru

Михеева Т.Н. Духовно-нравственные критерии в цифровом профиле служащих органов публичной власти // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 146–152.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342 (470)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.153

Категория «единство народов Российской Федерации» в системе «правовых координат»

В.С. Очагова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Идея укрепления народного сознания является одной из приоритетных задач для государства на сегодняшний день. Данная стратегия может быть осуществлена через понимание общности и единства многонационального народа России. Правовая регламентация этих вопросов и реализация тематических проектов подтверждает тот вектор развития, который избрало для себя российское государство. В статье отмечены разные мнения относительно вариативности возможного укрепления единства народов Российской Федерации.

Ключевые слова: *единство, народ, национальность, общество, гражданин, ценности, нравственность.*

Как известно, 2026 год объявлен Годом единства народов России [3]. Целью подобного установления является упрочение согласия и взаимопонимания между народами, а также национального единства народов Российской Федерации.

Значимость данного единства проявляет себя, прежде всего, в положениях Конституции Российской Федерации. Так, с самых первых строк в тексте преамбулы закреплено: «мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле … исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов … принимаем Конституцию Российской Федерации» [1]. В данном правовом контексте именно народ представляется главным субъектом существующих правоотношений, той незыблемой правотворящей силой, которая правомочна на разработку и принятие главного действующего нормативно-правового акта государства – Конституции. Кроме того, преамбула, подчеркивая принципы равноправия и самоопределения народов, определяет самостоятельность и равный статус народов. Исходя из сказанного, ни одна этническая общность не может считаться приоритетной или превалирующей над какой-либо иной. Данная позиция, находя отражение уже даже в вводной части Основного закона страны, предопределяет дух и букву всего последующего текста Конституции.

В первых статьях Конституции Российской Федерации устанавливается, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (ст. 3). Конституция Российской Федерации

 © Очагова В.С., 2026

не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, как отмечается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» [12].

Далее подчеркивается, что равноправие и самоопределение народов лежит в основе федеративного устройства Российской Федерации (ст. 5). Все народы, проживающие на территории нашего государства, обладают равным конституционно-правовым статусом вне зависимости от того, какой именно из субъектов является их малой родиной и какой этнос они представляют. Стоит отметить, что положения, затрагивающие место и роль народа в системе конституционных ориентиров, претерпели существенные изменения в 2020 г. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» детализировал имеющуюся правовую конструкцию, уточнив соотношение внутри субъектного состава [2]. Данный закон акцентировал внимание на равноправности народов в условиях многонационального союза. Несмотря на то что государственным языком на всей территории Российской Федерации является русский язык, республики имеют возможность учреждать свои государственные языки. Благодаря этому гарантируется право на сохранение родного языка, создаются условия для его изучения и развития. Надо подчеркнуть, что это право закреплено за всеми народностями.

С 2020 г. особое внимание уделено культуре, которая понимается как наследие многонационального народа. Государство охраняет и поддерживает культуру, поскольку через эти ценности может быть понято разнообразие и уникальность народов, населяющих Россию. Именно через культуру появляется возможность себя проявлять и раскрывать, тем самым знакомя общество с особенностями и обычаями разнообразных этнических групп и общностей. Законодатель определяет защищенность всех народов посредством их культурной самобытности, «гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» [1].

Конечно, Российская Федерация является многонациональным государством, поэтому намеренно подчеркнутое равенство народов имеет особое значение. Согласно последней переписи населения Российской Федерации, проходившей в 2020 г., в России проживает более 190 этнических групп. Численность пяти этнических групп превышает 1 млн человек, а 47 народов на законодательном уровне признаны малочисленными – их представителей насчитывается менее 50 тыс. человек. Самая многочисленная группа – это русские (более 105 млн

чел.). Далее к самым многочисленным относят татар, чеченцев, башкир, чуваш и аварцев. К менее многочисленным, но также составляющим существенную долю, относятся армяне, украинцы, даргинцы, казахи, кумыки, кабардинцы, ингуши, лезгины, осетины, мордва, якуты, буряты, крымские татары, белорусы. Более 20 лет в России ежегодно отмечается День народного единства и проводятся всевозможные мероприятия, направленные на сплочение, объединение народов. Начиная с 2026 г. установлены два новых тематических праздника – День коренных малочисленных народов Российской Федерации (30 апреля) [6] и День языков народов Российской Федерации (8 сентября) [5].

На данном этапе исследования может возникнуть вопрос, почему же государство так детально регламентирует правовое положение народов, уделяя этому последовательно столько внимания? Конечно, ответ очевиден. В условиях единого, но в то же время многонационального государства, возможен риск возникновения различного рода сложных, противоречивых межэтнических коллизий, которые нередко сложно преодолеть. «Компактное проживание большого числа народов на одной территории в том числе приводит к возникновению противоречий и конфликтам, что находит свое выражение не только в открытом противостоянии как в случае Чеченских войн, но и на уровне бытовой ксенофобии», – отмечает С.А. Айвазян [8].

Возможным достичь единства и устойчивого национального субстрата представляется возможными тремя способами. Первый способ связан с развитием национальных и межнациональных отношений, последовательной работой государственных институтов по созданию единства и согласия народов между собой. Второй способ связан с предоставлением особых прав именно русскому народу как государствообразующему. Третий способ представляет собой трансформацию многонационального народа России в «многонародную российскую нацию» [10]. Эта позиция обоснована исследованиями ученых-этнографов, объясняющих наличие у российского народа признаков единой нации [11]. В настоящий момент можно предположить, что государство избрало первый указанный путь развития. И по нашей оценке на сегодняшний день он является единственно верным, поскольку в альтернативных позициях кроется дух противоречий и имеется потенциал для роста межрасовых конфликтов и недовольства со стороны общественности. Эти разнообразные предложения поступали на фоне обсуждения и положительной оценки со стороны Президента Российской Федерации В.В. Путина возможности принятия профильного нормативно-правового акта «О российской нации». Спустя 10 лет закон так и не был принят. Высказываются предположения, что принятие такого правового акта могло бы породить рост социальной и межкультурной напряженности [9]. Кроме того, во многом это объясняется отсутствием должной необходимости и достаточности

существующей в тот или иной период Стратегии государственной национальной политики. Так, на сегодняшний день действует Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» [4]. По оценке данного документа современное состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации является стабильным. Абсолютное большинство граждан положительно оценивает взаимодействие между собой различных национальностей. При этом отношения между народами в регионах страны определяются под воздействием экономических, политических, социальных, исторических факторов. Но несмотря на все имеющиеся особенности субъектов Российской Федерации объединяющим началом может выступать общий ориентир в виде традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определил, что к традиционным ценностям относится, среди прочего и единство народов России [7]. Традиционные ценности понимаются как некий базис, фундаментальная основа российского общества, обеспечивающая единство многонациональной и многоконфессиональной страны и «сбережение народа России» [7]. Каждая из ценностей, выступая морально-нравственным ориентиром (например, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение), в совокупности предопределяет и поддерживает идею единства разных народов, населяющих Российскую Федерацию.

Очевидно, что, стремясь к развитию духовности и приобщению граждан к общим идеалам, ограничиться лишь правовой регламентацией этого вопроса невозможно. Государственная политика в этом направлении осуществляется посредством деятельности органов публичной власти. В данном контексте особенная роль, на наш взгляд, отводится органам местного самоуправления, поскольку именно они наиболее приближены к населению и могут выстроить с населением конструктивный диалог. Год единства народов России – это возможность для разного рода организаций и учреждений подчеркнуть многонациональный характер страны, укрепить межкультурный диалог. Органам власти рекомендуется интегрировать тему года в плановые «активности»: от выставок и концертов до образовательных программ и онлайн-проектов. Уже к началу 2026 г. на муниципальном уровне в различных субъектах нашей страны были определены и частично реализованы некоторые мероприятия в рамках тематического года. В основном формат мероприятий связан с культурно-просветительской миссией. Надо отметить, что запланированные мероприятия преимущественно являются центром притяжения для воспитанников и

обучающихся соответствующих учреждений, т. е. основная целевая аудитория – это дети и подростки.

Небезосновательно можно высказать опасения о недостаточном охвате населения в данном виде культурно-массового досуга. Можно предположить, что молодежь, взрослое население и старшее поколение не будут вовлечены в подобного рода деятельность, связанную с идеей укрепления единства народов Российской Федерации. Подтверждением недостаточности работы в этом направлении могут служить результаты прокурорских проверок в муниципалитетах. Так, по результатам проверки в адрес главы Нелидовского муниципального округа Тверской области внесено представление, в котором указано, что муниципальные программы, предусматривающие предупреждение межнациональных (межэтнических) конфликтов на территории муниципального образования «Нелидовский муниципальный округ» Тверской области, отсутствуют. Постановлением администрации Нелидовского муниципального округа Тверской области от 09.01.2025 г. ранее была утверждена муниципальная программа «Обеспечение правопорядка и безопасности населения Нелидовского муниципального округа Тверской области на 2025–2029 годы» с подпрограммой «Повышение безопасности населения от угроз терроризма и экстремизма». Объем средств, предусмотренных на реализацию мероприятий подпрограммы, составил 0 руб. Как отмечает прокурор, мероприятия, предусмотренные вышеуказанной подпрограммой, носят формальный характер, какие-либо мероприятия, направленные на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов подпрограммой не предусмотрены [13]. В связи с этим целесообразно проводить более масштабную, массовую работу со стороны муниципальных властей по приобщению граждан и разъяснению значимости принципа единства многонационального государства.

Таким образом, государство старается вести активную планомерную работу по укреплению единства многонационального народа, которая выражается как в правовой регламентации и детализации имеющихся общественных отношений, так и в реализации мероприятий, направленных на укрепление межнациональных общественных связей, налаживании контакта и в случае необходимости поиске компромиссов. При этом государство не должно искусственно создавать общий нарратив для разговора между народами, насаждая и диктуя что-либо сверху, а должно искать близкие, сходные ориентиры и ценности, которые изнутри будут располагать друг к другу и соединять уникальные и разнообразные народности под общим началом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «Гарант».

3. Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2025 г. № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2025 г. № 798 «О Дне языков народов Российской Федерации» // СПС «Гарант».

6. Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2025 г. № 799 «О Дне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СПС «Гарант».

7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Гарант».

8. Айвазян С.А. Народы России в конституционных правоотношениях: проблемы и перспективы // Актуальные вопросы публичного права: материалы XXII Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 09–10 ноября 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. С. 7–12

9. Закону о нации провели нулевые чтение [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3161932 (дата обращения: 03.02.2026).

10. Скуратов Ю.И. Категория «народ» в конституционном праве России (евразийские традиции и современность) // Исследование российской государственности. 2017. № 10 (131). С. 21–22.

11. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et contra. 2007. № 3. С. 21–41.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Решение Нелидовского городского суда Тверской области от 14.01.2026 г. по делу № 2а-49/2026 (УИД 69RS0021-01-2025-001321-38) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ОЧАГОВА Валерия Станиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (170100, г. Тверь, ул. Желябова,

33), SPIN-код: 6686-2358, AuthorID: 1290298, e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

The category «unity of the peoples of the Russian Federation» in the system of «legal coordinates»

V.S. Ochagova

Tver State University, Tver

The idea of strengthening the people's consciousness is one of the state's priority tasks today. This strategy can be implemented through an understanding of the commonality and unity of the multinational people of Russia. The legal regulation of these issues and the implementation of thematic projects confirm the development vector chosen by the Russian state. The article highlights different opinions regarding the possible ways to strengthen the unity of the peoples of the Russian Federation.

Keywords: *unity, people, nationality, society, citizen, values, morality.*

About author:

OCHAGOVA Valeria – PhD in Law, associate professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6686-2358, AuthorID: 1290298, e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

Очагова В.С. Категория «единство народов Российской Федерации» в системе «правовых координат» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 153–159.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 321.01
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.160

Русский мир как самобытная цивилизация

Н.В. Селихов

ФГАОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина», г. Москва

Русский мир – самобытная цивилизация, пребывающая в историческом противостоянии с Западным миром в попытках сохранить собственную культуру и традиционную государственность. В противовес западноевропейским народам, стремящимся к установлению всемирного господства и покорению иных культур, Русский мир предлагает мировому сообществу идеи исторического самосохранения, восстановления традиционного общества и государства, обустройства всемирного общежития народов на принципах всеобщего равенства и справедливости во взаимных отношениях. Семья, вера, национальная государственность, патриотизм и общинность противополагается им западному меркантильному материализму, глобализму и парламентаризму. При этом единственным условием выживания Русского мира было и остается сохранение им собственного культурно-исторического кода. В этом качестве он проявляет себя достойным примером для всех народов Земли, оберегающих свою культурную идентичность.

Ключевые слова: *Русский мир, культурно-исторический код, самобытная государственность, традиционное общество, всеединство и всеобщее служение, цивилизационная война.*

Четыре года мир существует в новой реальности, в которой многое для нас изменилось безвозвратно, отдалившись от некогда привычных форм. За внешней размеренностью мирной городской жизни не сразу чувствуется жесткий ритм военного времени, который ленинградским метрономом мобилизует сознание большинства российских граждан при встрече с двадцатилетними ветеранами и стихийными народными мемориалами, то и дело возникающими по всей стране. Все ощущают накал исторического момента, постепенно осознавая причины, вследствие которых Россия оказалась в столь суровых испытаниях войны с Западом. Между тем они вполне отчетливы и объективны в своем историческом развитии. Главная из них заключается в том, что Россия и Запад представляются разными культурными пространствами со своими идеями и материальными формами, политическим и экономическим укладом, ценностными приоритетами общественного и индивидуального сознания. Это война двух разных цивилизаций (Русского и Западного миров) за будущее всего человечества. Она есть объективная реальность,

© Селихов Н.В., 2026

понижать реальную планку понимания которой – значит заведомо впадать в самообман.

Признать столь очевидный факт помогает философское осмысление истории Европы и России в поиске истинных мотивов, которыми существуют их народы более тысячи лет. Все это время возникшее на развалинах Западной Римской Империи европейское общество живет исключительно идеями всемирного господства, расширения собственного жизненного пространства и культурной экспансии, стремясь искоренить вокруг самобытные формы, превратить соседей в придаток Западного мира [5, с. 38, 41, 224]. Дух завоевателя столетиями генерирует в западном сознании универсальные идеи человеческого общежития, которые оно пытается навязать всему миру. Ультрамонтантство, капитализм и социализм [5, с. 47] материализовались в воинствующем фанатизме католической церкви, Средневековой инквизиции и религиозной конверсии неевропейских народов, в повсеместном засилье западных капиталов и корпораций, в безудержном обогащении и потреблении, в отрицании христианства и попытках выстроить справедливое общество и государство, довольствуясь рамками материалистической доктрины. Либеральный глобализм стал очередной и в высшей степени опасной для всего человечества европейской идеей, явленной миру для уничтожения его традиционных основ. И в этом направлении Запад действительно преуспел.

Либеральные лозунги о природном равенстве, инклюзивности, космополитизме и гипертрофированной ценности прав индивида извратили сознание людей нашего времени. Западная рациональность устроения человеческого общества, отказ от духовно-религиозных устоев и насаждение атеизма окончательно развели индивида и общество (часть и целое) в социальном пространстве, атомизировав некогда единый социальный организм до состояния совокупности самодовлеющих личностей. Для западного сообщества эти эксперименты закончились саморазрушением. Традиционная Европа исчезла, ее слагаемые – церковь, семья и национальное государство – давно превратились для рядовых европейцев в пустой звук, в атавизмы прошлого, с которыми они справляются посредством либеральных идеологических форм и социально-экономических конструктов. Эта «болезнь» саморазрушения искривила нормальное человеческое общежитие, лишив его консервативной устойчивости. На столь «благодатной» почве проросли все пороки «цивилизованной» Европы. В империализме, колониализме, расизме, нацизме, геноциде и меркантильном протекционизме материализовался главенствующий принцип ее сознания: «Quod licet Jovi, non licet bovi» («что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»). По этой причине бессмысленно искать в отношениях с Западом справедливости и равенства. В надежде

присоединиться к миру «сильных» можно принять навязанные им правила человеческого общежития, объявить себя апологетом либеральных ценностей, но при этом следует ждать неминуемых последствий предательства самобытных традиций. Оно неизменно приводит народы к историческому забвению собственных культурных корней. Этот закон неумолим. Принятие чужого культурно-исторического (цивилизационного) кода неотвратимо редактирует общественное сознание, прилепляя его к тем ценностям, которые вполне могут оказаться для него губительными.

На собственном примере Россия не раз испытала последствия болезни «европейничанья» (бездумного преклонения перед Западом) [1, с. 283]. Петровские реформы сокрушили русскую соборность, породили непримиримые сословные антагонизмы и в конечном счете к 1917 г. привели Российскую империю к распаду. Колоссальным напряжением сил и великой жертвой Советского народа придавался на практике человеческий облик европейскому социализму (марксизму). Историческая духовность России помогла преодолеть его крайний материализм в идее интернационализма, в стремлении советских людей к всеобщей свободе и равенству всех народов мира. «Европейничанье» конца 80-х – начала 90-х гг. XX столетия, уничтожившее советский строй, мы изживаем поныне, пытаясь отгородиться от последствий либерального капитализма, проникшего в сознание нашего общества вместе с мечтой о красивой жизни.

Пелена европейского очарования спала с духовных очей российского народа лишь в тот момент, когда Запад ультимативно потребовал от нас отречься от цивилизационной идентичности, от традиционного общества, веками представлявшего надежную опору самобытной государственности. Беспринципный материализм мировой экономики, партийно-представительной демократии западного типа (парламентаризма) и мультикультурализм, превращенный в таран традиционных ценностей, десятилетиями подтачивали единство нашего народа, ослабляя его историческую память и превращая в безвольное сообщество потребителей. Собственность, деньги, акции, валютные курсы, стоимость нефти и уровень товарооборота превратили постсоветские поколения в послушный материал западных скульпторов человеческой жизни. О них трубят все отечественные СМИ, чиновники разных уровней и представители деловых кругов, ими упивается наша наука, подкрепляя своим общественным авторитетом то, что никогда не пользовалось искренним уважением российского народа, не являлось его общественным идеалом.

Действительно, наш народ отродясь не ставил материальное выше духовного. Попытки отыскать причины его государственного развития в рецепции экономических укладов Европы всегда вызывали здоровый скепсис. Во все времена Россия уступала Западу в материальной мощи,

однако ему, столь грозному и совершенному, так и не удалось уничтожить ее при всем желании. В этом плане всегда битому нами Западу гордиться нечем. Напротив, российский народ оказался велик не только своими военными победами над Западом, исторической пассионарностью (жизненной потенцией), но и своим главным достижением – тысячелетней государственностью, развивающейся в условиях постоянной борьбы за существование. Ни валовый продукт, ни передовые технологии и уровень личного благосостояния российских людей, но вера, врожденное чувство патриотизма и общинность, помогли нам выстоять против силы европейской материи. Потому Русский мир можно понять лишь в его отношении к Западу и Востоку и только через призму христианства [2, с. 15, 18]. Русский народ – единственный сохранившийся крупный этнос, чей духовный и государственный строй изначально кроился по православным лекалам. Со времен Ивана Грозного вокруг него собирались народы иных культур и этнических корней, признавшие правила великорусского общежития достоянием собственной жизни. Межнациональная и религиозная терпимость, миролюбие, равенство в общении с соседями при сохранении культурной самобытности и всеобщее служение своему государству представляются тем выражением справедливого мироустройства, нравственным идеалом единого российского общества, на котором выстроен Русский мир. Каждый народ и всякий человек, признающий этот идеал, сопричастен Русскому миру, является не только его материальной (внешней) частью, но и духовной частицей.

Именно это всеединство Русского мира, поступательно оформленное идеями вселенского православия, имперского общежития народов и Мировой Советской Социалистической Республики (Раздел первый Конституции СССР 1924 г.), так возмущало Запад во все времена, мешало его всемирному господству. Потому современный конфликт Русского и Западного мира есть логичное и предначертанное самой историей цивилизационное противостояние. С нашим возвращением к ценностям традиционного общества и государства, по сути своей, этот конфликт перерос в Третью мировую войну – войну цивилизационную, целью которой заявлено не просто покорение России, но физическое уничтожение ее самобытной государственности. Ликвидация стержня Русского мира превратилась в навязчивую идею современной Европы, США и их сателлитов. С воплощением такой задумки в мире не останется силы, способной противостоять западной экспансии. Ни один крупный этнос планеты, ни одна самая мощная экономика мира, ни Китай и Индия вместе взятые с их многомиллиардным населением неспособны выстоять против давления воинствующей европейской культуры. Как и большинство народов мира, они «крещены» европейским культурным кодом, в них не осталось того самобытного исторического духа, той способности к коллективной жертве, которые тысячелетие спасали

Россию и прибившиеся к ней народы от внешних угроз. Под вывеской китайского социализма скрывается восточный капитализм европейского типа, а политическая и экономическая культура Индии привычно следует британским традициям. Для них материальные потери страшнее цивилизационной кабалы. «Ибо где сокровище ваше, там и будет сердце ваше» (Матф. 6:21). Сердца двух крупнейших народов упокоились среди земных сокровищ и бьются в унисон сердцу Запада.

Сегодня Русский мир предложил человечеству осмысленную в конкретных формах цивилизационную альтернативу либеральному глобализму: выстраивать традиционное общество и самобытное государство, сохраняя собственную культуру в рамках всемирного общежития народов, разделяющих принципы всеобщей свободы и равенства. Ясность и историческая практичность конструкта человеческого общения, сформулированного Россией, не предполагает искоренения испытанных социальных форм. Напротив, главным из них – церкви, семье и национальному государству – он придает второе дыхание. В условиях крайнего разобщения современного общества, окончательно преодолевшего сословно-классовую структуру, нет более форм социального единства, способных сохранить традиционную человеческую культуру. Между тем в сознании людей она по-прежнему представлена религией, политикой, правом, моралью, наукой, философией и искусством [4], не ограничивается абсолютом личности и признает ценность общества, его коллективного мнения и воли. Лишь в системе всех перечисленных элементов культура, опираясь на богатый исторический опыт и пассионарность народа, способна развиться до высшего уровня – цивилизации. Ее главной отличительной чертой является способность генерировать смыслы человеческого общежития, меняющие жизненные формы окружающих народов. В этом качестве российская культура уравновесила культуру Запада, предлагая миру формы общения, нейтрализующие европейскую экспансию. Вселенское православие в христианской концепции «Москва – Третий Рим» показало Россию представителем и защитником всех православных христиан мира от нападок католицизма и магометанства. Имперское общежитие народов превратило ее в «плавильный котел» многочисленных и разнообразных культурных этносов, объединенных в единый Русский мир. Мировая Советская Социалистическая Республика пробудила антиколониальное движение во всем мире, превратившись в символ российского интернационализма. Именно многовековой международный авторитет России преобразил ее в самобытную и самодостаточную цивилизацию, культурный код которой зашифрован в общечеловеческом служении. Противопоставляя себя Западу, она отстаивает не только свой внутренний мир, но и интересы всего человечества, спасая его от «цивилизованной» Европы.

В чем же состоит суть традиционной государственности – идеи, официально предлагаемой Россией всему человечеству? Представляется ли она апробированной исторической формой или устроением будущего? Ни то и не другое. Она заключается в культурно-исторической преемственности государственно организованного общежития народа, в его обустройстве на почве собственных идейных и материальных форм, близких общественному сознанию конкретного народа и непротиворечащих его сложившемуся укладу. Эти традиционные идеалы и формы жизненной практики формируют его ценностную матрицу, всегда выражаются в том государственном строе, который общество считает приемлемым в определенный исторический момент своего бытия. Навязывать народу ценности помимо его воли – значит ограничивать свободу его общественного сознания, лишать способности самоопределяться в социальной структуре, выбирать способ политической и духовной самоорганизации. Потому каждый народ вправе строить свое традиционное (национальное) государство, наполняя его самобытным культурным содержанием.

Для российского народа таковыми были и остаются семья и вера, всеобщая свобода и равенство граждан, авторитет общественного мнения и самоуправление масс, культурное многообразие и межнациональное единство. На этом фундаменте построено многонародное общежитие российской нации. В нем нет ни одного элемента, который смог бы заместить либеральный глобализм. Наоборот, они вступают с ним в мировоззренческий конфликт, обличая его антироссийский характер. Оказалось, что в духовной сфере Западная цивилизация так и осталась глубоко невежественным источником законов земного блаженства, радикальной всепошлости [3, с. 22], которую мы упорно копируем с начала 1990-х гг., декларируем в первых главах собственной конституции в качестве основы общественного строя. Мы строим мир, противный нашим внутренним убеждениям. В этом противоречии заключается весь трагизм диссонанса нашего сознания, разрешить который можно лишь одним способом – вернуть российское общество к традиционным ценностям, признать невозможность его полной культурной унификации с Европой. На месте кривого каркаса представительной демократии нам надлежит возвести новую государственность – народную демократию, существующую политической волей большинства граждан. Только в этом случае возможно слияние интересов российского базиса и его надстройки, утверждения между ними конструктивных отношений.

Именно принцип внутреннего и внешнего политического согласия народов должен лечь в основу постлиберального мироустройства, всемирного союза самобытных государств, существующих собственным историческим опытом и интересами. Эта идея ясна и чрезвычайно востребована. Предложив ее всему человечеству, Россия вновь показала

себя цивилизацией всемирного масштаба. Осталось придать ей практическую форму, показать ее идейное и материальное превосходство над либеральным глобализмом на собственном примере. Как только решится эта задача, мир изменится необратимо. Национальное государство обретет второе дыхание в государстве традиционном, превратится в действительно независимый от Запада механизм, способный удержать человечество от набирающего силу либерального хаоса.

Впрочем, у нас нет иного выбора. Крах идеи традиционной государственности вернет Россию к либеральному капитализму. Тогда, как верно подметил О. Шпенглер, великое вначале к концу закончится трагедией или комедией [5, с. 48]. Представить бунт России против Запада невинной комедией никому не удастся. На экзистенциальном кону стоит весь Русский мир, потому мы либо выполним свою историческую миссию и свершим великое Благо для всего человечества, либо исчезнем, превратившись в печальное назидание всем непослушным народам.

Список литературы

1. Данилевскій Н.Я. Россія и Европа: взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра к Германо-романскому. Изданіе пятое. С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типографія брат. Пантелевыхъ, 1895. 629 с.

2. Карсавин Л.П. Восток, Запад и Русская идея. ПЕТЕРБУРГ: «ACADEMIA», 1922. 80 с.

3. Леонтьевъ К.Н. Византизмъ и славянство. М.: Университетская типографія, 1876. 133 с.

4. Общественное сознание и его формы. М.: Издательство политической литературы, 1986. 376 с.

5. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002. 240 с.

Об авторе:

СЕЛИХОВ Николай Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина (119991, Москва, Ленинский проспект, д. 65), ORCID: 0009-0009-4423-7206, SPIN-код: 9727-8786, e-mail: selihovnv@mail.ru

The Russian world as an original civilization

N.V. Selikhov

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow

The Russian world is an original civilization that is in historical confrontation with the Western world in an attempt to preserve its own culture and traditional statehood. In contrast to Western European peoples striving to establish world domination and conquer other cultures, the Russian world offers the world

community ideas of historical self-preservation, restoration of traditional society and the state, and the establishment of a global community of peoples based on the principles of universal equality and justice in mutual relations. Family, faith, national statehood, patriotism, and community are opposed to Western mercantile materialism, globalism, and parliamentarism. At the same time, the only condition for the survival of the Russian world was and remains the preservation of its own cultural and historical code. In this capacity, he proves himself to be a worthy example for all the peoples of the Earth who protect their cultural identity.

Keywords: *Russian world, cultural and historical code, original statehood, traditional society, unity and universal service, civilizational war.*

About author:

SELIKHOV Nikolay – PhD in Law, Associate Professor, Department of Public and International Law for National Security, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU) (119991, Moscow, Leninsky Prospekt, 65), ORCID: 0009-0009-4423-7206, SPIN-code: 9727-8786, e-mail: selihovnv@mail.ru

Селихов Н.В. Русский мир как самобытная цивилизация // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 160–167.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 352:316.752 (470)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.168

Учет исторических и иных местных традиций при проведении муниципальной реформы как механизм обеспечения конституционной ценности единства народов России

А.И. Соколова

ФГАОУ ВО «Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
г. Оренбург

На основе конституционно-правового анализа и оценки текущей муниципальной реформы обосновывается тезис о том, что учет исторических и иных местных традиций при территориальной организации местного самоуправления выступает правовым механизмом обеспечения конституционной, традиционной и духовно-нравственной ценности единства народов России. В исторической ретроспективе развитие местного самоуправления описывается как маятниковое движение между реформами и контрреформами – от общинно-поселенческих форм и земских учреждений к советской модели местной государственной власти и постсоветского установления муниципальной автономии, завершившейся поселенческой реформой 2003–2014 гг. Современная одноуровневая модель территориальной организации местного самоуправления и тенденция к укрупнению муниципальных образований определяются как новая контрреформа, ведущая к централизации местного уровня и размыванию общинно-поселенческой основы, на которой в современной правовой действительности также формируются практики межэтнического согласия, участия населения и доверия к публичной власти. Делается вывод о том, что сохранение и развитие поселенческого уровня местного самоуправления с учетом исторических и иных местных традиций является необходимым условием реального, а не декларативного обеспечения единства многонационального народа России и баланса между традиционными, духовно-нравственными и конституционными ценностями.

Ключевые слова: *местное самоуправление, единство народов России, конституционные ценности, традиционные духовно-нравственные ценности, исторические и местные традиции, поселенческий уровень, муниципальная реформа, контрреформа, единая система публичной власти, централизация, укрупнение муниципальных образований, пространственная справедливость.*

Единство народов России как правовая конструкция непосредственно не входит в текст Конституции Российской Федерации. При этом государственное единство, основанное на тысячелетней истории и преемственности в развитии, а также многонациональность

 © Соколова А.И., 2026

народа, равноправие, самоопределение, культурная самобытность народов и иные положения Основного закона в совокупности позволяют определить его конституционную ценностью.

Данный вывод соответствует и правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, в которых подчеркивалось особое значение для правовой системы и общества исторически сложившегося государственного единства.

При этом единство народов России является устойчивой правовой категорией с 2022 г., когда Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей было признано таковым, а также ориентиром общественного развития, предопределенным особым историческим путем развития России: «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению… нашедшие… проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [2].

Таким образом, исторические традиции лежат в основе единства народов России как конституционной, так и традиционной, и духовно-нравственной ценности.

Исторические и иные местные традиции при этом являются конституционным принципом определения территории муниципальных образований. И если в момент разработки и принятия Федерального закона от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Новый закон) [1] создавалось устойчивое впечатление, что каждый субъект Российской Федерации откажется от исторически обусловленной поселенческой основы территориальной организации местного самоуправления в рамках прямой нормы закона или законодательной политики в целом, то сегодня такой вывод уже не является однозначным.

Многие положения Нового закона не получили одобрения экспертного и местного сообществ, и именно нормы о территориальной организации представляются первыми на пути формирования «реакции» конституционной юстиции на измененное федеральное регулирование наиболее близкого к населению уровня публичной власти.

В то же время тенденция к укрупнению муниципальных образований заметно ослабла и в настоящее время стабильным остается число одноуровневых регионов – 34, которое по оценкам экспертов может увеличиться еще на 5–6 субъектов до 1 января 2027 г., т. е. даты приведения в соответствии с Новым законом региональных нормативных правовых актов о местном самоуправлении.

И, в целом, происходящее развитие правового регулирования местного самоуправления подтверждает историческое маятниковое движение от одной модели к другой – от реформы и контрреформе.

Таким образом, современную муниципальную реформу или точнее контрреформу [7] можно оценить очередным звеном в длинной исторической цепи.

Истоки отечественного местного самоуправления в рамках мягкой и естественной реформы восходят к допетровскому периоду, когда сельская община и волость выступали институтами самоорганизации населения, обеспечивавшими коллективное распоряжение землей, поддержание внутреннего порядка и разрешение повседневных конфликтов на основе обычая и решений мирских и волостных сходов в рамках общей фискально-военной организации государства.

Петровские и екатерининские преобразования XVIII в., связанные с учреждением городовых магистратов, ратуш и городских дум, стали первым уверенным шагом к институционализации городского самоуправления в рамках государственной теории: органы были встроены в сословно-бюрократическую иерархию и подчинены губернаторской администрации. Что может быть определено первой контрреформой местного самоуправления, даже с учетом того, что общинное самоуправление в деревне сохраняло значение автономной, но и контролируемой, формы организации повседневной жизни.

Как и в правовом регулировании множества общественных отношений фундаментальные и положительные изменения произошли в эпоху Великих реформ Александра II: земская реформа 1864 г. и городская реформа 1870 г., разработанные под заметным влиянием концепции общественного самоуправления, создали систему земств и городских общественных управлений, ориентированную на самостоятельное решение вопросов местного хозяйства, благоустройства, народного образования, здравоохранения и общественного призрения; при этом сельская община и волость сохранили роль базовой формы самоуправления крестьянского населения, что придало всей системе выраженный общинно-поселенческий характер.

Историческая специфика Оренбуржья, которая является нетипичным, но показательным подтверждением общегосударственной «маятниковой» модели развития местного самоуправления, проявилась в деятельности Оренбургского городского общественного управления конца XIX – начала XX вв. После распространения действия Городового положения 1870 г. на Оренбург в 1871 г. в городе сложилась классическая структура городского общественного управления, включавшая избирательные собрания, городскую думу как представительный орган и городскую управу как исполнительный орган, ведавших широким кругом вопросов местного значения: благоустройством, народным образованием, здравоохранением, общественным призрением, пожарной и санитарной безопасностью, поддержкой местной промышленности и торговли. Тем самым городская община Оренбурга получила

институционально оформленный механизм совместного решения повседневных задач многонационального городского сообщества, что укоренило в региональной правовой культуре представление о местном самоуправлении как о самостоятельной ценности.

При Александре III началась последовательная контрреформа: были пересмотрены Положение о земских учреждениях 1890 г. и Городовое положение 1892 г., введен институт земских начальников, перераспределивший влияние в пользу дворянства и губернаторской администрации. Причины таких шагов усматривались в острых противоречиях, выявившихся при столкновении новых концептуальных идей общественного самоуправления с реалиями устоявшейся российской жизни, и в распространенном среди консервативной бюрократии представлении о земстве как о «чем-то особом» по отношению к государству и его потребностям, что выражалось в чрезмерной, с точки зрения центра, самостоятельности земств в сфере местного хозяйства и благоустройства. Для «поправки дел» было предложено признать «земское дело» государственным, в результате чего органы самоуправления фактически подпали под контроль государственных должностных лиц не только в части законности, но и целесообразности своих действий. Тем самым при формальном сохранении земских и общинных структур статус их постепенно смещался в сторону низового звена государственной администрации, а общественно-самоуправленческое начало было умалено.

Революция 1917 г. и установление советской системы Советов привели к радикальной контрреформе: дореволюционные институты местного самоуправления были ликвидированы, а Советы закреплены конституционно как органы единой государственной власти на местах. В советский период «самоуправление» превратилось в формальную правовую конструкцию, которая на практика была «реализована» посредством централизованной партийно-государственной вертикали; местные Советы выступали первичным звеном единой системы органов власти, реализующей планово-административные решения центра, тогда как традиционное общинно-поселенческое начало сохранялось в концепте неформальной солидарности местного сообщества.

Практика Оренбурга рубежа XIX–XX вв. демонстрирует, как поселенческое местное самоуправление превращалось в реальный механизм повседневного единства многонационального городского населения. Многонациональное население Оренбурга и Оренбургской губернии, включавшее русских и оренбургских казаков, башкир и мещеряков, татар, мордву, чувашей, калмыков, казахов (киргиз-кайсаков), а также иные этнические группы – от украинцев и немцев до представителей иных конфессий и иностранных подданств, формировало сложное культурно-конфессиональное пространство, в котором местное самоуправление становилось одним из ключевых институтов

повседневного согласия. Городское общественное управление не только обеспечивало содержание мостовых, набережных, общественных садов и освещение улиц, но и активно развивало народное образование и просвещение: к началу XX в. в ведении города находились десятки начальных училищ, женская прогимназия, ремесленное училище, общественная библиотека, которыми ежегодно пользовались тысячи горожан разных сословий и конфессий. Существенный рост бюджетных расходов на образование и стипендиальную поддержку одаренных учащихся, в том числе направляемых для обучения в другие города, формировал общегородскую образовательную среду, в рамках которой представители различных национальных и религиозных общин осваивали общие культурные коды и практики взаимодействия.

Позднесоветский закон 1990 г. о местном самоуправлении в СССР, а затем Закон РФ 1991 г. № 1550-I «О местном самоуправлении в Российской Федерации» и Федеральный закон 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» обозначили новую маятниковую волну от децентрализации к некоторой централизации, однако постепенно самостоятельность местного сообщества в решении вопросов местного значения была возвышена до правового принципа, местное самоуправление стало направлено на реализацию интересов населения и получило правовое закрепление своей обусловленности историческими, национально-этническими и иными особенностями. Конституционная модель местного самоуправления была учреждена как самостоятельная, не входящая в систему органов государственной власти форма народовластия.

Муниципальная реформа 2003–2009 гг., основанная на Федеральном законе № 131-ФЗ, закрепила поселенческий принцип и двухуровневую систему местного самоуправления, детализировав вопросы местного значения, источники экономической основы и формы участия населения, тем самым доведя до институциональной завершенности реформаторский курс 1990-х годов и придав общинно-поселенческой традиции современное правовое выражение. Вместе с тем последовавшие с конца 2000-х годов изменения – перераспределение полномочий и доходов в пользу субъектов Федерации и Российской Федерации в целом, массовое укрупнение муниципальных образований, особенно начиная с 2014 г., переход к моделям городских и муниципальных округов и отказ от прямых выборов глав в пользу конкурсных процедур – сформировали устойчивую контрреформенную тенденцию централизации и унификации местного уровня, при которой формально сохраняемая конституционная конструкция местного самоуправления фактически наполняется содержанием низового звена единой вертикали публичной власти.

Пиком современной контрреформы можно определить принятие и вступление в силу большинства положений Нового закона. Измененные федеральные принципы организации местного самоуправления ориентировали регионы на переход к одноуровневой территориальной организации и интеграции местного самоуправления в вертикаль единой системы публичной власти.

В условиях высокой скорости принятия решений о территориальных преобразованиях, отказа от системного учета экспертных и доктринальных оценок данная практика породила риски для конституционно закрепленной ценности местного самоуправления и, как следствие, для обеспечения единства многонационального народа России именно как живой и гарантированной, а не лишь формально провозглашенной конституционной и традиционной ценности.

Сопоставление дореволюционной практики Оренбургского городского общественного управления с современными тенденциями укрупнения муниципальных образований и перехода к одноуровневой системе наглядно демонстрирует содержание политических и правовых угроз, связанных с отказом от поселенческой основы. Оренбургская городская дума и управа конца XIX – начала XX вв. решали вопросы освещения, водоснабжения, санитарного состояния, пожарной безопасности, общественного призрения и народного образования в масштабах города, что позволяло учитывать территориальную специфику районов, сосредоточение промышленных и торговых объектов, особенности расселения разных групп населения. В условиях же укрупненных округов и удаления центра принятия решений от повседневной жизни конкретного жителя подобная степень чувствительности к локальным запросам и ответственности перед «видимым» сообществом объективно снижается, что подрывает тот самый механизм участия и доверия, через который обеспечивается единство многонационального населения в повседневной плоскости.

Рассмотренные демократические практики укоренились в правосознании местного сообщества как «естественный» способ решать общие дела и поддерживать порядок в сложном многонациональном пространстве каждого региона России. Таким образом, включение исторически сложившихся поселений и развитие различных форм народовластия в современной муниципальной реформе не просто отвечает конституционно обусловленному принципу учета исторических и иных местных традиций, но и обеспечивает преемственность механизмов повседневного согласия.

Более того единство многонационального народа и укрепление общероссийской гражданской идентичности определяются целями государственной национальной политики, достичь которые, по мнению научного сообщества, возможно именно через демократические права на участие и коммуникацию [6, с. 214], т. е. участие в управлении делами

общества и государства в рамках конституционного строя. Местное самоуправление, особенно на поселенческом уровне, исторически является пространством формирования конституционной ценности единства народов России «снизу», через практики совместного решения вопросов местного значения многонациональными общинами. И в контексте «территориального» подхода [4, с. 146] единство народов рассматривается в качестве задачи и приоритета реализации национальной политики в субъектах Российской Федерации.

Сельские и городские поселения выступают «малой автономией»: здесь исторически решались вопросы образования, здравоохранения, благоустройства, торговли, социальной поддержки, регулировались конфликты между группами населения; именно в таких локальных практиках, не только хозяйственных, но и культурно-ценностных центрах, вырабатывались устойчивые формы сосуществования и взаимодействия многонационального населения и тем самым укрепляя его единство на уровне повседневной жизни.

Сохранение поселений как самостоятельных муниципальных образований – это, таким образом, не просто защита «удобного уровня осуществления власти», а сохранение институционального пространства, где реализуется внутреннее самоопределение общин, формируется доверие к власти и закрепляются практики межэтнического согласия.

Унификация же муниципальных образований нивелирует исторически сложившиеся формы сосуществования, локальные идентичности и горизонтальные связи, через которые в повседневности реализуются ценности взаимопомощи, солидарности и уважения к многообразию. Отказ от поселенческого уровня означает распределение экономических и функциональных ресурсов в пользу отдаленного от большей части местного сообщества центра, округа, что усилит ощущение несправедливости у жителей малонаселенных территорий и тем самым ослабит чувство общероссийского единства. В итоге формируются значительные риски подрыва той традиционной ценности единства народов России, на укрепление которой ориентированы конституционная и государственная политика.

Кроме того, устойчивости поселениям и, следовательно, государству по независимым международным оценкам и стандартам придают именно традиционные знания, местный потенциал и ресурсы [5], они опосредуют формирование представителями гражданского общества, которые дорожат указанными ценностями, сильного местного сообщества. При этом нужно отметить, что традиционный образ жизни народов Российской Федерации может быть сохранен не только в сельских поселениях, но посредством развития в городских поселениях и малых округах экологичных пространств, поддержка местной флоры и фауны, сохранение исконных способов производства материальных и нематериальных благ [3, с. 45] и иных элементов исторических традиций.

Более того ряд сельских и городских поселений являются сегодня не только исторической основой, но и культурным наследием России.

Таким образом, предлагается вновь обратить внимание на то, что учет исторических и иных местных традиций при проведении муниципальной реформы – это правовой механизм, который позволяет сохранить и развить исторические устойчивые практики сосуществования и взаимодействия многонационального населения, а значит обеспечивает реальное единство народов России в новых институциональных формах. Местное самоуправление на поселенческой основе и с учетом местных традиций становится связующим звеном: через него одновременно реализуются традиционные ценности, такие как коллективизм и историческая память, а также конституционные – через участие населения в осуществлении власти, ответственность последней и ее конституционно обусловленная самостоятельность. И напротив игнорирование местных традиций, унификация моделей и укрупнение муниципалитетов без учета региональной специфики ведут к тому, что реформа превращается в контрреформу – в смысле ослабления демократических и общинных начал, на которых строится народное единство.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

3. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.

4. Заметина Т. В. Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России как традиционной духовно-нравственной ценности // Россия: общество, политика, история. 2023. № 3 (8). С. 136–154.

5. Повышение устойчивости городов к бедствиям. Справочник для руководителей местных органов власти. Разработан в рамках Всемирной кампании на 2010–2015 гг. «Обеспечение устойчивости городов: мой город готовится!», Женева, январь 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unisdr.org/files/26462_ ahandbookforlocalgovernmentleadersr.pdf (дата обращения: 04.04.2026).

6. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции и интервью / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Ками; Academia, 1995. 244 с.

7. Швецов А. Н. Реформы и контрреформы местного самоуправления: марафон длиною в полтора столетия // Федерализм. 2016. № 1 (81). С. 77–90.

Об авторе:

СОКОЛОВА Анна Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, доцент

кафедры публично-правовых наук, ФГАОУ ВО «Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – Оренбургский институт (филиал), (460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50), SPIN-код: 3618-2254, AuthorID: 655468, e-mail: norma_m@inbox.ru

Accounting for historical and other local traditions in the course of municipal reform as a mechanism for securing the constitutional value of the unity of the peoples of Russia

A.I. Sokolova

The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

On the basis of a constitutional and legal analysis and an assessment of the ongoing municipal reform, the article substantiates the thesis that taking into account historical and other local traditions in the territorial organization of local self-government functions as a legal mechanism for ensuring the constitutional and traditional spiritual and moral value of the unity of the peoples of Russia. From a historical perspective, the development of local self-government is described as a pendulum-like movement between reforms and counter-reforms – from communal and settlement-based forms and zemstvo institutions to the Soviet model of local state power and the post-Soviet establishment of municipal autonomy, which culminated in the settlement reform of 2003–2014. The contemporary single-tier model and the trend towards enlarging municipal entities are interpreted as a new counter-reform leading to the centralization of the local level and the erosion of the communal and settlement-based foundation on which everyday practices of interethnic concord, public participation and trust in public authority are formed. It is concluded that the preservation and development of the settlement level of local self-government, with due regard to historical and other local traditions, is a necessary precondition for the genuine, rather than merely declarative, safeguarding of the unity of the multi-ethnic people of Russia and for maintaining a balance between traditional spiritual and moral and liberal-democratic constitutional values.

Keywords: *local self-government, unity of the peoples of Russia, constitutional values, traditional spiritual and moral values, historical and local traditions, settlement level, municipal reform, counter-reform, unified system of public authority, centralization, enlargement of municipal entities, spatial justice.*

About author:

SOKOLOVA Anna – PHD in Law, associate professor, associate professor of the Department of constitutional and international public law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (50 Komsomolskaya St., Orenburg, 460000, Russia), SPIN-code: 3618-2254, AuthorID: 655468, e-mail: norma_m@inbox.ru

Соколова А.И. Учет исторических и иных местных традиций при проведении муниципальной реформы как механизм обеспечения конституционной ценности единства народов России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 168–176.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.71 (470)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.177

Институт гражданства в обеспечении единства многонационального народа России: исторический опыт и новые вызовы

Н.Е. Таева

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Объектом исследования выступают правоотношения гражданства в контексте конституционно-правового обеспечения единства многонационального народа России. Предметом исследования стали нормы конституционного права, регулирующие отношения гражданства, доктринальные положения, а также практика Конституционного Суда РФ. Цель исследования – выявить, каким образом государство на различных исторических этапах адаптировало институт гражданства для достижения цели обеспечения единства народа, формирования общегражданской идентичности, а также определить тенденции развития института гражданства в контексте новых стратегических ориентиров национальной политики России. Методологическая база исследования включает историко-правовой и формально-юридический анализ, компаративный метод. Особое значение имеет институциональный анализ, позволяющий проследить наполнение одного и того же правового института разным содержанием. Результаты исследования показали, что в советский период объединяющим фактором выступала не формально-юридическая принадлежность к гражданству, а приверженность единой цели (коммунистическому строительству); в постсоветский период такому единству способствовало понимание категории «многонациональный народ» как совокупности граждан России и основы их единства; современный этап характеризуется переходом от формального понимания гражданства к фактическому, где центральное значение приобретает категория «устойчивость» гражданства как характеристика, оцениваемая через реальную интеграцию личности в жизнь государства. Обосновано, что российская правовая система движется от статичного понимания гражданства как приобретенного статуса к динамичному – как длящемуся процессу поддержания политико-правовой связи с государством, степень устойчивости которой может варьироваться в зависимости от фактических обстоятельств.

Ключевые слова: *институт гражданства, гражданство, конституция, конституционно-правовое единство, многонациональный народ РФ, общероссийская гражданская идентичность, интернационализм, единое гражданство, стратегия государственной национальной политики 2025.*

Актуальность настоящего исследования обусловлена сменой стратегических ориентиров российского государства. В утвержденной Указом Президента РФ от 25.11.2025 г. № 858 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации закреплена двуединая цель: с одной стороны, укрепление единства

© Таева Н.Е., 2026

многонационального народа Российской Федерации и общероссийской гражданской идентичности; с другой – сохранение этнокультурного и языкового многообразия [2]. Достижение этой цели требует нового взгляда на устоявшиеся теоретические конструкции, среди которых институт гражданства занимает центральное место. Помимо этого, на современном этапе государственной национальной политики России, отраженной в Стратегии, стоит конкретная практическая задача: к 2036 г. достичь показателя 95 % граждан, обладающих устойчивой общероссийской гражданской идентичностью. Решение этой задачи невозможно без учета предшествующего исторического опыта и понимания тенденций развития института гражданства, поскольку именно ретроспективный анализ позволяет выявить наиболее эффективные юридические механизмы, которые могут быть использованы в достижении новых стратегических показателей.

Степень разработанности поставленной проблемы в отечественной науке конституционного права характеризуется наличием фундаментальных трудов советских ученых, посвященных проблематике гражданства (А.А. Головко, С.С. Кравчук, В.М. Чхиквадзе, В.С. Шевцов,), а также современными исследованиями института гражданства (С.А. Авакьян, Л.В. Андриченко, М.В. Варлен, О.Е. Кутафин, Ж.И. Овсепян, Т.Я. Хабриева). Однако, несмотря на обращение современных ученых к советскому опыту регулирования отношений гражданства, в их трудах преобладает подход, фиксирующий «разрыв» между советской и постсоветской моделями. Научная проблема, как представляется, заключается в отсутствии телеологического анализа, который бы рассматривал эти различия не как простую смену парадигм, а как разные ответы государства на один и тот же вопрос: как через институт гражданства обеспечить единство народа и сформировать общегражданскую идентичность в конкретно-исторических условиях.

Достижение стратегической цели укрепления единства в условиях этнокультурного многообразия всегда являлось имманентным вызовом для российского государства в силу его территориальной протяженности и многонационального состава. В разные исторические периоды наше государство использовало формально схожие конституционно-правовые институты (единое и равное гражданство, гражданство как устойчивая связь), но их содержательное и идейное обоснование кардинально различалось.

В советский период единство многонационального народа обосновывалось через концепцию интернационализма, концентрированно выраженную в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Интернационализм понимался как классовая солидарность – единство пролетариата всех стран, что стирало национальные, конфессиональные и иные различия. Как писал В.И. Ленин в работе «Итоги дискуссии о самоопределении» (1916 г.),

борьба с «мелконациональной узостью» требовала подчинения интересов отдельной нации интересам международного пролетариата [11, с. 44]. Профессор А.А. Головко справедливо отмечал, что в этих тезисах выражена суть социалистического интернационализма, который исходит из глубокого сочетания национальных и интернациональных задач трудящихся разных наций, из подчинения национальных интересов интернациональным [6, с. 323].

На идейной основе интернационализма в советский период сформировалась специфическая модель единого гражданства**.** Ее юридическое оформление начинается с образования СССР. Договор об образовании СССР [14, с. 18] впервые вводит понятие единого союзного гражданства, которое затем последовательно закрепляется в Конституциях СССР 1924, 1936 и 1977 гг. При этом наряду с союзным гражданством сохранялось гражданство союзных республик. Как отмечали советские ученые, законодательство о гражданстве в многонациональном государстве строилось на принципе свободного и добровольного объединения национальностей, что и было призвано обеспечить прочность государства [8, с. 13]. А.Я. Вышинский, анализируя содержание Конституции СССР 1936 г., констатировал отсутствие в советском государстве национальных антагонизмов, отчуждения и недоверия, обосновывал господство братства и содружества народов, объединенных общей целью построения коммунизма [13, с. 275–276].

Таким образом, объединяющим фактором в советский период выступала не формально-юридическая принадлежность к гражданству СССР, а приверженность единой цели – коммунистическому строительству, что может быть интерпретировано как прототип «гражданской идентичности» в ее ценностном, а не только правовом измерении.

В конце 80-х – нач. 90-х гг. XX в. возникает правовой и аксиологический вакуум. В разных направлениях государством предпринимается поиск новых факторов, призванных способствовать формированию гражданской идентичности. Сложившаяся ситуация была детерминирована прежде всего отказом от классового подхода и от концепции интернационализма. Кроме того, распад СССР, обернувшийся возникновением независимых государств, привел к необходимости формирования «единой гражданской нации» на новой основе. Такой основой, как представляется, становится, во-первых, конституционное закрепление категории «многонациональный народ Российской Федерации» и, во-вторых, новое содержательное наполнение института гражданства как объединяющего фактора многонационального народа.

Обстоятельный компаративный анализ переходного периода (советский/постсоветский) дается в диссертации Е.А. Дрогавцевой [7, с.

109–113]. Ученый сравнивает Россию со странами Восточной Европы, оказавшимися в сходных исторических условиях – условиях распада государств. Прежде всего, такое сравнение проводится со странами бывшей Югославии. Из исследования Е.А. Дрогавцевой видно, что практически во всех конституциях государств, возникших в связи с распадом Югославии (СФРЮ), было акцентировано внимание на титульных нациях. Так, в Боснии и Герцеговине установлено, что Конституцию приняли «боснийцы, сербы и хорваты» (преамбула); Республика Сербия – государство «сербского народа и всех граждан, проживающих в нем» (ст. 1 Конституции); в Хорватии закреплен приоритет «хорватского народа» в образовании государства (преамбула); в Словении – «исходя из воли словенского народа» (преамбула) и пр. Из данного анализа следует, что Россия избрала принципиально иной путь, нежели ряд постсоциалистических государств. Е.А. Дрогавцева справедливо отмечает, что Российская Конституция закрепляет понятие «многонациональный народ», не использует наименования отдельных этнических или конфессиональных групп и юридически закрепляет преемственность через формулу «почтительного отношения к памяти предков» при отсутствии какой-либо негативной оценки советского прошлого, что контрастирует, например, с Конституцией Словении, где СФРЮ характеризуется как государство, не являющееся правовым и допускающее грубые нарушения прав человека [7, с. 113]. Именно такой подход и становится основой принципа единства и равноправия граждан РФ, независимо от этнической принадлежности**.** Таким образом, институт гражданства в постсоветской России начинает работать не на различие «титульных» и «нетитульных» групп, а на интеграцию в рамках единой политической нации.

Абстрактная категория «многонациональный народ Российской Федерации», закрепленная в преамбуле Конституции РФ, обретает свое реальное юридическое бытие именно через институт гражданства. Посредством гражданства эта категория наполняется совокупностью конкретных носителей прав и обязанностей – лиц, обладающих гражданством Российской Федерации. Иными словами, гражданство начинает рассматриваться как юридическое выражение принадлежности к единому многонациональному народу. О.Е. Кутафин писал, что с юридической точки зрения «народ» необходимо отождествлять с понятием «граждане» и понимать под народом ассоциированную в рамках государства совокупность людей, принадлежащих к данному государству [10, с. 320].

Такое понимание влечет за собой существенную трансформацию содержания института гражданства, которая раскрывается через несколько ключевых моментов.

Прежде всего, в постсоветской России сформировалось новое понимание принципа единого гражданства, отличное как от советского

(единое союзное гражданство + гражданство республик), так и от моделей ряда федеративных государств, допускающих субфедеральное гражданство (т. е. наличие у граждан наряду с единым федеральным гражданством также гражданства субъекта федерации – штата, кантона, земли). Наиболее ярким примером субфедерального гражданства является Швейцария, где гражданство фактически имеет трехуровневую структуру: федерация – кантон – коммуна. Конституция РФ 1993 г. не признает гражданства субъектов Российской Федерации. Как известно, такой подход складывался постепенно. Закон о гражданстве РСФСР 1991 года еще содержал нормы о гражданстве республик в составе Российской Федерации, да и гражданство республик сохранялось весьма продолжительное время. Даже после принятия в 2002 г. Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», четко закрепившем принцип единого гражданства, в ряде республик продолжали действовать нормы, регулирующие республиканское гражданство и фактически противоречащие как действующей Конституции, так и федеральному закону [15, с. 51–52]. К настоящему времени, как отмечают исследователи, в России утвердилась «монистическая модель», при этом процесс гармонизации занял более 20 лет (2000–2023 гг.), что демонстрирует сложность исследуемой сферы отношений [15, с. 51].

Социальные, этнические, конфессиональные и иные различия граждан Российской Федерации на сегодняшний день нивелирует не общая цель построения коммунизма, как это было в советский период, а реализация принципа единого гражданства, предполагающего равный правовой статус всех граждан независимо от их принадлежности к тому или иному региону, этносу или религии. Единое гражданство становится тем юридическим инструментом, который переводит декларативное единство «многонационального народа» в плоскость фактического равноправия.

Вторым значимым элементом нового содержательного наполнения гражданства выступает институт его признания**,** который эволюционировал до юридического основания приобретения гражданства. Именно такое содержание имеет институт признания в действующем Федеральном законе от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Закон о гражданстве 2023 г.) [1]. Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 29.04.2025 г. № 18-П в связи с жалобой А.С. Карпунина: «Признание российскими гражданами в установленном порядке граждан бывшего СССР, так или иначе связанных с Российской Федерацией, позволяло сохранить общность граждан при преобразовании РСФСР из союзной республики в составе СССР в независимую Российскую Федерацию и обеспечить ее правопреемство СССР» [4]. Институт признания гражданства выполняет две взаимосвязанные функции: во-первых, обеспечивает устойчивость отношений гражданства в условиях

государственно-правовых и территориальных трансформаций (например, как было при принятии в состав России новых субъектов федерации); во-вторых, сохраняет общность граждан при преобразовании продолжающего свое существование государства (правопреемстве). Как подчеркивает Конституционный Суд РФ, использование института признания гражданства в наибольшей степени согласуется с принципами демократического правового государства, народного суверенитета, взаимного доверия государства и общества, а также соответствует положению Российской Федерации как правопреемника (правопродолжателя) СССР (ст. 1, 2, 3, 6, 67.1 и 75.1 Конституции Российской Федерации). В-третьих, российская правовая система движется в направлении от формального подхода к институту гражданства (где гражданство сводится к наличию/отсутствию штампа в паспорте) к фактическому (где гражданство понимается как реальная интеграция личности в жизнь общества и участие в делах государства).

В этой связи все большее значение приобретает категория «устойчивость» гражданства. В традиционном понимании в конституционно-правовой науке устойчивость рассматривается как один из признаков гражданства, проявляющийся в двух параметрах: бессрочность отношений гражданства и их экстерриториальность [5, с. 47]. С формально-юридических позиций, если гражданство приобретено, то по определению возникла устойчивая правовая связь. Однако современное правовое регулирование, правоприменительная практика и доктрина ставят вопрос шире: можно ли говорить о степени такой устойчивости? Можно ли утверждать, что связь между государством и гражданином бывает менее устойчивой или более устойчивой? Положительный ответ на эти вопросы предполагает, что устойчивость гражданства рассматривается с точки зрения фактически сложившихся отношений между государством и гражданином. В ситуации учета фактических отношений значение начинают приобретать различные обстоятельства, подлежащие оценке в каждом конкретном спорном случае. Такой вывод следует, во-первых, из практики Конституционного Суда РФ (в частности, из Постановления от 29.04.2025 г. № 18-П). Во-вторых, к такой трактовке склонялись и ведущие ученые-конституционалисты. Как писал О.Е. Кутафин, «гражданин – это личность в ее отношении к государству и праву, власти и закону, хотя далеко не всякое отношение человека к государству дает основание считать его гражданином данного государства» [9, с. 89]. Между формально-юридическим и фактическим аспектами должно существовать равновесие, которое может быть оценено только с учетом конкретных обстоятельств дела. При решении вопроса о прекращении гражданства или установлении его наличия, могут подлежать учету такие обстоятельства, как конкретно-историческая обстановка приобретения гражданства (к примеру, приобретение гражданства в период распада

СССР), длительность признания лица гражданином, отсутствие противоправных деяний со стороны гражданина, длительность проживания лица за пределами РФ, государственная или военная служба в иностранном государстве. Так, при принятии решения о прекращении гражданства Российской Федерации по ст. 25 Закона о гражданстве 2023 г. (вследствие установления факта представления заявителем поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заявителем заведомо ложных сведений) имеется отсылочная норма (ч. 4 ст. 25), согласно которой должны учитываться обстоятельства, предусмотренные Положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 22.11.2023 г. № 889 [3], и свидетельствующие о характере правовой связи лица с Российской Федерацией и ее устойчивости. К таким обстоятельствам отнесены время, прошедшее со дня приобретения гражданства Российской Федерации, семейное положение лица, наличие у лица проживающих в России близких родственников – граждан Российской Федерации, срок пребывания в качестве налогового резидента Российской Федерации, исполнение обязанностей по уплате установленных в Российской Федерации налогов и сборов, штрафов, наличие на территории Российской Федерации источников дохода и находящегося в собственности жилья, род деятельности и профессия, исполнение лицом воинской обязанности, его отношение к государственной и муниципальной службе. При этом в Положении перечень таких обстоятельств является открытым и дает право суду учесть и иные обстоятельства, свидетельствующие об устойчивости сложившейся связи. Такое регулирование позволяет не только рассматривать отношения гражданства с формально-юридических позиций, но и оценивать реальную связь лица с государством.

О таком подходе государства свидетельствует и то, что прекращение гражданства РФ по ст. 24 Закона о гражданстве 2023 г. – в случае совершения лицом преступления, создания угрозы безопасности либо неисполнения обязанности по постановке на воинский учет – имеет безусловный характер. Закон не содержит никаких оговорок об учете конкретных обстоятельств, об оценке устойчивости сложившейся связи, не закрепляет исключений либо отсылочных норм. Гражданство РФ по этому основанию прекращается, независимо от времени совершения преступления, от даты приема лица в гражданство РФ. Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ, в данном случае не предписывает при принятии решения о прекращении гражданства выявлять характер правовой связи лица с Российской Федерацией и степень ее устойчивости.

Обозначенный дифференцированный подход законодателя не свидетельствует о его непоследовательности или противоречивости. Напротив, он демонстрирует единую позицию со стороны государства: в обоих случаях основанием для прекращения гражданства выступает утрата лицом фактической политико-правовой связи с государством. Различие заключается лишь в способе установления данной утраты. При предоставлении заведомо ложных сведений или подложных документов требуется индивидуальная оценка обстоятельств, подтверждающих или опровергающих наличие устойчивой связи, поскольку сам по себе факт нарушения не безусловно свидетельствует о разрыве отношений лица с государством. В случае же совершения преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 24 Закона о гражданстве 2023 г. (преступления против общественного порядка и общественной безопасности, против государственной власти, против порядка управления, против мира и безопасности человечества, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также ряд иных составов), законодатель исходит из презумпции отсутствия реальной связи лица с Российской Федерацией. Данная презумпция имеет неопровержимый характер: если факт совершения преступления либо создания угрозы национальной безопасности установлен вступившим в законную силу приговором суда, то политико-правовая связь между государством и данным лицом презюмируется утраченной *ipso facto*. Соответственно, решение о прекращении гражданства Российской Федерации в указанных случаях приобретает императивный характер и не требует дополнительной оценки обстоятельств, свидетельствующих об устойчивости связи [12, с. 30]. Следовательно, дифференциация юридических механизмов прекращения гражданства предопределена характером и степенью общественной опасности деяния, а не произвольным усмотрением законодателя.

Таким образом, приобретение российского гражданства, состояние в правовой связи с государством становится не просто соблюдением установленных законом условий и выполнения лицом гражданских обязанностей. Новое содержательное наполнение института гражданства заключается в переходе от статичного и формально-юридического понимания (гражданство как приобретенный статус, как «набор» юридических прав и обязанностей) к фактическому и динамичному (гражданство как процесс фактической интеграции, поддержание устойчивой связи, степень которой может варьироваться). Это создает как новые возможности для обеспечения единства народа (через учет реальной включенности личности в жизнь государства), так и новые риски, связанные с необходимостью выработки четких критериев оценки «степени устойчивости». Полученные результаты проведенного исследования имеют значение для дальнейшего совершенствования законодательства о гражданстве в контексте достижения стратегического

показателя 95 % граждан с устойчивой общероссийской идентичностью к 2036 г., поскольку позволяют выявить те механизмы института гражданства, которые способствуют (или, напротив, препятствуют) реальной интеграции личности в российское общество и государство.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.06.2026 г.) «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 889 (ред. от 01.06.2026 г.) «Вопросы гражданства Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации», «Положением о порядке принесения Присяги гражданина Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.04.2025 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации", части 2 статьи 64 и части 1 статьи 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой А.С. Карпунина» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Варлен М.В. Гражданство: Россия и СНГ. М.: Проспект, 2010. 328 с.

6. Головко А. А. Избранные труды. Минск: ЮрСпектр, 2018. 496 с.

7. Дрогавцева Е.А. Право на гражданство: конституционный проблемы и гарантии реализации: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2023. 273 с.

8. Жукова Т.И. Советское гражданство: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: Ин-т права Акад. Наук СССР, 1950. 29 с.

9. Кутафин О.Е. Российское гражданство. Москва, Юристъ, 2004. 589 с.

10. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юристъ, 2001. 443 с.

11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 30. М.: издательство политической литературы, 1973. 5-е изд. 560 с.

12. Мельникова Е.А. Проблемные вопросы прекращения гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступления // Миграционное право. 2024. № 4. С. 28–31

13. Советское государственное право: учебник для юрид. ин-тов / под общей ред. А.Я. Вышинского. М.: Юриздат, 1938. 652 с.

14. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. 1917–1936 гг.: в 3 т. Т. 3 / под ред. М.П. Георгадзе. М.: Госюриздат, 1960. 614 с.

15. Таваралиев Х.Д., Бондарева Е.А. Институт гражданства в федеративных государствах на примере Российской Федерации // Российско-азиатский правовой журнал. 2026. № 1. С. 49–54.

Об авторе:

ТАЕВА Наталья Евгеньевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

(125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9), SPIN-код: 9678-5781, AuthorID: 447501, e-mail: netaeva@msal.ru

The institute of citizenship in ensuring the unity of the multinational people of Russia: historical experience and new challenges

N.E. Taeva

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow

The object of the research is the legal relations of citizenship in the context of the constitutional and legal support of the unity of the multinational people of Russia. The subject of the research is the norms of constitutional law regulating citizenship relations, doctrinal provisions, as well as the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify how the state at various historical stages adapted the institution of citizenship to achieve the goal of ensuring the unity of the people, the formation of a common civic identity, and to determine the trends in the development of the institution of citizenship in the context of new strategic guidelines of the national policy of Russia. The methodological base of the study includes historical-legal and formal-legal analysis, a comparative method. Of particular importance is institutional analysis, which allows tracing the filling of the same legal institution with different content. The results of the study showed that in the Soviet period, the unifying factor was not formal and legal affiliation with citizenship, but commitment to a common goal (communist construction); in the post-Soviet period, such unity was facilitated by understanding the category of "multinational people" as a collection of citizens of Russia and the basis of their unity; The current stage is characterized by a transition from a formal understanding of citizenship to a factual one, where the category of "stability" of citizenship assumes central importance as a characteristic assessed through the individual's actual integration into the life of the state. It is substantiated that the Russian legal system is moving from a static understanding of citizenship as an acquired status to a dynamic one—as an ongoing process of maintaining a political and legal connection with the state, the degree of stability of which may vary depending on actual circumstances.

Keywords: *institution of citizenship, citizenship, constitution, constitutional and legal unity, multinational people of the Russian Federation, pan-Russian civic identity, internationalism, unified citizenship, state nationalities policy strategy 2025.*

About author:

TAEVA Natalya – Doctor of Law, Associate Professor, Professor in the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993), SPIN-code: 9678-5781, AuthorID: 447501, email: netaeva@msal.ru

Таева Н.Е. Институт гражданства в обеспечении единства многонационального народа России: исторический опыт и новые вызовы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 177–186.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 340:316.75 (470)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.187

Духовно-нравственные ценности как ментальность российской цивилизации

Н.С. Тимофеев

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва

В статье на основе сопоставления существенных элементов духовно-нравственных ценностей предпринимается попытка их возможностного влияния на развитие правовых отношений в системе органов публичного представительства. Особое внимание придается необходимости их воздействия на персоналистское формирование государственной и муниципальной бюрократии.

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности, историческая преемственность, трансляция от поколения к поколению.*

*У*же в преамбуле Конституции Российской Федерации говорится о значимых для российского общества духовно-нравственных ценностях: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость ...». В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации защита нравственности является одним из оснований для ограничения прав и свобод личности: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Немаловажными для защиты духовно-нравственных ценностей являются положения, закрепленные в ч. 4 ст. 67.1, а также в п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ [1].

В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809), нормативно закрепляется определение традиционных ценностей, перечисляются угрозы и риски, от которых в современных условиях государство должно защищать духовно-нравственные ценности, формулируются цели и задачи государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей российского общества, а также описываются инструменты и ожидаемые результаты осуществления указанных целей и задач [2].

© Тимофеев Н.С., 2026

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти рассматривается в Российской Федерации в качестве национального интереса и стратегического национального приоритета, что подтверждается ст. 11, 21, 22, п. 7 ст. 25, п. 8 ст. 26, ст. 28 названной стратегии [3].

Анализ действующих правовых актов, прежде всего Указа № 809, показывает, что «определение целей и задач государственной политики…», «оценка ситуации, основные угрозы и риски…», «инструментов реализации…» в недостаточной мере раскрывают потенциал реализации духовно-нравственных ценностей.

Позитивный потенциал может быть реализован при условии системного и последовательного проведения политики по усилению защищенности российского общества от угроз и рисков «деятельности» публично-правовых образований, представляющих объективную угрозу национальным интересам Российской Федерации и дискредитирующих их.

Великий и сложный путь современных преобразований России требует доверия как к личности правителя, так и к государству в целом. Складывается впечатление, что народ ориентирован на президента, но в меньшей степени доверяет государственной и муниципальной бюрократии.

Представляется, что народное представительство должно формироваться за счет граждан, обладающих высокими морально-нравственными качествами. В этом отношении нравственные ориентиры приобретают охранительный гарантийный характер, укрепляющий гражданское единство, обеспечивающий сохранение российской цивилизации, традиционных ценностей и т. д.

Нельзя оставлять без внимания бюрократические и коррупционные проявления. Автор исходит из необходимости свободной оценки качественного характера всей предыдущей деятельности претендентов на публичную власть, прежде всего избираемых населением.

В настоящее время существуют аналитические группы, которые предлагают свои варианты национальной «идеи будущего». Например, предлагается такой вариант: «Россия как духовный центр и ориентир новой модели миростроительства», имея в виду, что суть этой модели будет состоять в «конвергенции цивилизации» [5, с. 184].

В определенном смысле государственная политика по сохранению и укреплению традиций духовно-нравственных ценностей носит характер, не только закрепленный в нормативном порядке позитивного или негативного характера, но и индивидуального усмотрения в этой сфере.

Индивидуальное усмотрение обращается к духовным ценностям, разноплановым, но совпадающим в разных временах. Чего стоит сравнение Морального кодекса строителя коммунизма и библейских заповедей (Нагорная проповедь), причем Путин и Зюганов говорят, что «они переписаны, но в Библии написано лучше».

Освальд Шпенглер, автор знаменитой книги «Закат Европы», в своей работе «Прусачество и социализм» говорит об особом русском пути. Вот, что он пишет: «Русские вообще не представляют собой народа, как немецкий или английский. В них заложены возможности многих народов будущего… Русский дух знаменует собой обещание грядущей культуры, между тем, вечерние тени на Западе становятся все длиннее и длиннее …» [22, с. 147].

Президент РФ В.В. Путин не раз призывал преодолеть последствия трагического раскола России на красных и белых, следы которого сохраняются до сих пор. Осенью 2000 г. президент посетил под Парижем знаменитое кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где покоятся останки многих известных русских эмигрантов. Президент долго стоял у могилы умершего во Франции писателя Ивана Бунина и памятного знака героини французского Сопротивления Веры Оболенской, задержался у могил балерины Ольги Преображенской, представителей донского казачества, у общего памятника генералам и офицерам белых армий, а затем сказал достаточно громко, чтобы все слышали: «Мы все дети одной матери – России и для нас пришло время примириться» [14].

Полагаю, что Путин не мог оставить без внимания скромный памятник князю Г.Е. Львову – первому председателю временного правительства постмонархической России. Тогда же Путин дал распоряжение привести в порядок те могилы эмигрантов, за которыми уже некому было ухаживать. Позднее, в 2005 г. в Россию из США были перевезены останки одного из руководителей белого движения Антона Деникина, торжественно погребенные в некрополе Донского монастыря в Москве. Там же перезахоронили останки известного философа-эмигранта Ивана Ильина и чуть позже белого генерала Владимира Каппеля. В 2009 г. на их могилах по инициативе Путина был возведен единый мемориал.

Россия находится в переходном периоде, обозначаемом пока весьма общими словами. В октябре 2021 г., выступая на заседании «Международного дискуссионного клуба “Валдай”», Президент РФ В.В. Путин заявил о наступлении эпохи перемен. «Все говорят о том, что существующая модель капитализма, а это сегодня основа устройства в подавляющем большинстве стран, исчерпала себя» [14]. По его словам, в ней нет больше выхода из клубка противоречий. Невольно возникает вопрос: надо ли России и дальше путаться в этом клубке? Выбор невелик. Философы и историки говорят, что стратегически есть два пути развития – формационный и цивилизационный.

Е.И. Колюшин выражает мнение о необходимости теоретического основания и конституализации, т. е. введения в конституционно-правовое поле, а также адекватной практики внутригосударственного развития глубины представлений в государстве (стране) – цивилизации и Русском мире [8, с. 4–9].

Современные проблемы российской государственности, их эволюционное разрешение в значительной степени зависит от духовно-нравственных ценностей. Знакомство с работами, посвященными духовно-нравственным ценностям [11, 18–20], свидетельствует, что их основное содержание направлено на их защиту. Полагаю, что правовой подход к духовно-нравственным ценностям связан не только с их правовой защитой. В значительной степени духовно-нравственные ценности могут и должны быть связаны с их проявлением и реализацией в конституционно-правовой сфере.

Очевидна связь категории Русский мир и Российской Федерации как страны-цивилизации с традиционными духовно-нравственными ценностями. О значимости духовно-нравственных ценностей свидетельствует тот факт, что уже в преамбуле Конституции Российской Федерации этому уделено особое внимание.

Несмотря на то, что анализ действующих нормативных актов дает довольно полное представление о доктринальном определении духовно-нравственных ценностей, выдвижение на первое место понятия «традиционные» вызывает определенные трудности. Объединяющие нравственные ориентиры затрагивают наше представление как современное восприятие и восприятие прошлого в лучшем случае как дуалистического характера, а иногда и более множественного. Для нас представляет особый интерес обращение к проблемам российских традиционных духовно-нравственных ценностей на различных этапах российской государственности. Прежде всего, следует найти допустимую возможностную преемственность. Несомненно, что традиции, в первую очередь, должны определяться по сопоставимым традиционным ценностям как нравственным ориентирам, формирующим как подданных, так и граждан.

Традиции складываются под влиянием окружающих условий, религиозных, мировоззренческих, исторических, экономических и т. д. Во внимание мы принимаем и национальную культуру, и национальный менталитет.

Следует учитывать и аномию как беззаконность, безнормативность, проявление конформизма, новаторство, ритуализацию, отступление и бунт.

Несомненно, что речь идет о способах восприятия, внутренних стремлений человека к осмысливанию вопросов бытия, способов восприятия и взаимодействия с реальностью. И все это связано системой смысловых регуляторов, определяющих жизнедеятельность,

стремящуюся к общечеловеческим ценностям – добру, справедливости, взаимопомощи и т. д.

Не вызывает сомнения, что на первое место при обеспечении общечеловеческих ценностей выходят отношения в системе действия государства, правителя, элит и народа. Не только косательно власти и подчинения, но и единых общеоблагораживающих ценностей духовного совершенства граждан.

Обращаясь к этим вопросам, великие мыслители исходят из духовного совершенствования людей и критики существующих порядков, препятствующих этому (П.Я. Чаадаев).

И.А. Ильина также прежде всего беспокоит духовное: «Люди все еще не усвоили основную аксиому всякой политики, согласно которой право и государство создаются для внутреннего мира и осуществляется именно через правосознание. И в науке, и жизни все еще господствует формальное понимание государства, извращающее его природу… Государство понимается как строй внешней жизни, а не внутренней» [7].

А. Дугин признает, что после краха коммунистического правления его противники сохраняют всю полноту идеократического, глубоко-национального пафоса большевизма, безошибочно распознанного как доминирующая национальная черта русского народа.

С.П. Овчинников и Ю.И. Скуратов правовой менталитет россиян в историческом плане характеризуют через следующие черты:

– отсутствие популярности и широкого распространения индивидуалистических учений о естественных правах человека и гражданина, преобладание идеалов, неразрывно связанных с обществом личностей, соучастие в общем деле;

– влияние общинного уклада жизни на становление и развитие российской государственности (государство как союз общин), соборная организация власти;

– отсутствие традиций понимания права частной собственности как абсолютного, абстрактного права (замена понятия «собственность» понятием «владение»; преобладание взгляда на собственность как конкретное отношение, связанное с соответствующим объектом и др.);

– отождествление понятий «право», «правда» и «справедливость», более органичное сочетание правовых и моральных начал;

– преобладание в отечественной правовой традиции обязанностей над правами личности;

– доминирование государства над церковью, сдержанные отношения православия к открытому участию церкви в политической деятельности;

– трактовка монархической власти не только как права, но и как обязанности по отношению к подданным, как служения им, имеющего религиозно-нравственную природу.

Все это дает основание для вывода, что на западе и в России существовали разные традиции права: одна базируется на приоритете

личного начала по отношению к идеалу общественному, другая ставит личность на службу государству, нивелирует личное начало, подчиняет его обществу [10, с. 256; 16].

Признание монархической власти не только как права, но и как обязанности по отношению к подданным, как служения им, имеющего религиозно-правовую природу, казалось бы, носящего персоналистский характер, может быть отнесено и к современности.

При этом особую значимость приобретают институты народного представительства. Появляются исследования, носящие спорный характер, но в определенной степени представляющие интерес.

Так, констатируется, что Конституция РФ 2020 г.:

– восстанавливает и провозглашает историческую преемственность и цивилизационную основу российского государства;

– провозглашает воспитание детей в духе гражданских добродетелей приоритетным способом дальнейшего поддержания этой преемственности и обозначает преимущественную роль семьи в этом;

– знаменует начало следующего этапа истории России в качестве единого и неделимого современного государства, способного и стремящегося играть активную роль в мире;

– обеспечивает реализацию монархического принципа как исторического основания верховной власти в России, конституирует Президента страны как выборного народного монарха;

– открывает новый этап модернизации народа – его превращение в гражданскую нацию: общность людей, ясно понимающих, в чем состоит баланс общенародных задач и частных интересов, солидарных в стремлении его достичь и готовых, если понадобится, противостоять стихийному эгоизму;

– восстанавливает прерванную в постсоветское время организационную связь государственной власти и местного самоуправления как частей единой публичной власти;

– повышает уровень социальной ответственности российского государства.

Последние три аспекта Конституции предопределяют важные шаги на пути утверждения (восстановления) подлинной народности нашего государства [15, с. 673].

Проблемы модернизации российского государства получают наиболее полное развитие в XIX в.

Преобразования, развернувшиеся с начала 60-х гг. XIX в., открыли новые обширные возможности для общественной деятельности. Русское общество, по словам Чичерина, «с жаром кинулось на новые задачи, всеобщее воодушевление поднимало общественный дух», но этот пыл ослабел по мере того, как общество свыклось с новыми учреждениями. Рутина и личные интриги заслонили собой стремление к общему благу.

Чичерин считал, что вывести общество «из низменной атмосферы, поднять его на новую умственную и нравственную высоту можно только поставив перед ним более широкие и возвышенные задачи, нежели те, которые занимают его в настоящее время» [21, с. 27–28]. Такие цели могли представить по убеждению Чичерина единственно органы народного представительства, привлекающие народ к участию в решении государственных дел. Но создание этих органов означало преобразование самодержавно-монархического правления в конституционно-монархическое.

Связывая конституционный вопрос с вопросом о народном представительстве, российские публицисты 60–70-х гг. XIX в. тем самым ставили его на почву реальности. Исторический опыт показывает, что введение конституционного управления в той или иной стране возможно лишь при условии, если там созданы органы общественного представительства.

Введение в России конституции и создание общероссийского представительства неизбежно повлекло бы за собой перемену государственного строя: самодержавно-монархическое государство превратилось бы в конституционную монархию. Между тем за столетия своего существования в России самодержавная власть настолько срослась с судьбой страны и русского народа, что малейшее изменение государственного строя в направлении ослабления самодержавия не могло бы восприниматься в обществе в качестве движения с проторенного и потому безопасного исторического пути на историческое бездорожье, т. е. на рискованный путь, способный не только возвести Россию на вершину могущества и процветания, но и низвергнуть ее в пропасть государственной катастрофы, привести к разрушению и гибели.

По этой причине конституционный вопрос не мог рассматриваться русскими интеллектуалами в качестве вопроса о судьбе России.

Особый интерес представляет обращение к проекту М.Т. Лорис-Меликова о введении в России общественного представительства. Общепризнано, что не сама по себе реформа считалась в данном случае опасной для России, но те последствия, которые могли появиться в результате ее осуществления. Лорис-Меликов смотрел на предложенную реформу как на меру, которая должна была ознаменовать только первый шаг к сближению государственной власти с представителями от земства.

Обращая внимание на это важное обстоятельство, современник К.П. Победоносцева русский общественный деятель и мыслитель Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) писал: «Не трудно понять, что действительно дальнейшие шаги неизбежны и быстро должны были последовать по созвании этих выборных земцев. Они явились бы поголовно из того слоя политиков, который вел в то время земскую агитацию. Они выставили бы себя “представителями воли народа” и, имея графа Лорис-Меликова около государя, стали бы фактически выше

Государственного совета, завоевывая себе значение настоящего парламента. Мы, очевидно, готовились войти в такую полосу внутренней смуты, исход которой при данных условиях трудно даже было предсказать» [17, с. 73].

Победоносцев подчеркивал, что забота об общественно благе, под знаменем которого вершится политика в условиях парламентского правления, является на самом деле лишь прикрытием вовсе чуждых ему побуждений и инстинктов. Люди обманывают себя, думая, что парламентское правление служит обеспечению свободы. «Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с той разницей, что в лице монарха можно себе представить единство разумной воли, а в парламенте нет его, ибо все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством; но как скоро при большинстве, составленном под влиянием игры в партию, есть меньшинство, воля большинства не есть воля целого парламента: тем еще менее можно признать ее волею народа, здоровая масса коего не принимает никакого участия в игре партий и даже уклоняется от нее» [13, с. 65–66].

Негативное отношение К.П. Победоносцева имело более глубокую подоплеку. Оно проистекало не из консервативных взглядов обер-прокурора Святейшего синода, не из боязни каких-либо перемен в государственном строе Российской империи, но отчетливого понимания того, что российское государство имело более персоналистский характер, нежели институциональный характер, опиралось в значительной мере не на институты, а на людей. Такое понимание особенности российской государственности приводило Победоносцева к выводу о том, что любые проекты преобразования государственного строя сами по себе ничтожны, бессмысленны, что никакие отдельные меры не приведут к улучшению государственного правления, если на высших должностях не будет достойных людей, способных эффективно действовать в интересах своего народа. «Народ ищет наверху у власти, – отмечал он, – защиты от неправды и насилия, – стремится найти там нравственный авторитет в лице лучших людей, представителей правды, разума и нравственности. Благо народу, когда есть у него такие люди – в числе его правителей, судей, духовных пастырей и учителей возрастающего поколения. Горе народу, когда в верхних властных слоях общества не находится нравственного примера и руководства: тогда народ поникает духом и развращается» [12, с. 315].

Какими же качествами должны были обладать, с точки зрения Победоносцева, люди, занимающие государственные должности? «В социальном и экономическом быте прошлого времени, – писал он, отвечая на этот вопрос, – история показывает нам – благородное сословие людей, из рода в род, признано быть не только носителями власти, но и попечителями о нуждах народных и хранителями добрых преданий и

обычаев. Если суждено такому сословию возродиться в нашем веке, – вот в чем должны состоять основы бытия его и сущность его призвания:

– служить государству лицом своим и достоянием;

– быть в слове и деле хранителем добрых народных преданий и обычаев;

– быть ходатаем и попечителем народа в его нуждах и защитником от обиды и насилий;

– советом и примером поддерживать добрые нравы в семье и обществе;

– не увлекаться господствующей в обществе страстью к приобретению и обогащению и чуждаться предприятий, обычных для удовлетворения этой страсти» [12, с. 316].

Победоносцев усматривал в государстве не только политическое, но и духовное образование, причем именно духовное содержание он считал определяющим сущность государства.

Российский правовой менталитет дополняется духовно-нравственными ценностями. Известный американский ученый далеко не левых взглядов Г.Дж. Берман справедливо подчеркивал принципиальное отличие советской правовой идеологии от западной. Советская система активно подчеркивала воспитательную роль закона и всенародное участие в юридических процедурах и наблюдении за исполнением законов. «Правовые постулаты социализма, хотя они и отличаются во многом от либерально-демократических, имеют с ними общего предка в мире христианства. Дополнительные пункты Морального кодекса строителя коммунизма “кто не работает, тот не ест”; «забота каждого о сохранении и приумножении общественного богатства”; «коллективизм и товарищеская взаимопомощь – один за всех и все за одного”; «честность и правдивость, моральная чистота, скромность”; «бескомпромиссное отношение к несправедливости, паразитизму, нечестности, карьеризму, стяжательству”…» [6, с. 47].

Думается, что утопичность этой концепции отнюдь не нулифицирует большую часть провозглашенных названным кодексом ценностей, которые оказывают и будут оказывать влияние на развитие страны и цивилизации, и ее права. Формула «человек человеку друг, товарищ и брат» неизвестна действующему праву, но ее социальный потенциал, думается, в настоящее время безосновательно игнорируется [8].

Трудно не согласиться с данными выводами. Если обратиться к духовно-нравственным ценностям, носящим традиционный характер, то становится ясно, что наше представление о российском государстве как Русском мире носит объединительный характер как во времени, так и в общественно-идеологическом восприятии.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Гарант».

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Антропова О. Духовно-нравственные ценности и их соотношение с христианскими ценностями // Духовно-нравственное воспитание. 2018. № 1. С. 16–29.

5. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Превосходство, присвоение, неравенство. М., 2013. 344 с.

6. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. 592 с.

7. Ильин И.А. О сущности правосознания [Электронный ресурс]. URL: https://kant.narod.ru/ilyin.htm (дата обращения: 04.04.2026).

8. Колюшин Е.И. Страна-цивилизация и Русский мир: конституционно-правовые вопросы // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 9. С. 4–9.

9. Медведев Р. Двадцатый век глазами Президента // Историк. 2020. № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/5934 (дата обращения: 04.04.2026).

10. Овчинникова С.П. Российская правовая государственность; евразийский проект Н.Н. Алексеева: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-н-Дону, 2001. 156 с.

11. Осавелюк А.М. Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации // Избранные труды. М.: Проспект, 2024. 496 с.

12. Победоносцев К.П. Власть и начальство // Московский сборник. Издание К.П. Победоносцева, 5-ое дополненное. М.: Синодальная типография. 1901. С. 315.

13. Победоносцев К.П. Суд присяжных//Московский сборник. Издание К.П. Победоносцева, 5-ое дополненное. М.: Синодальная типография, 1901. С. 65–66

14. Путин заявил, что существующая модель капитализма исчерпала себя [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/12727815 (дата обращения: 04.04.2026).

15. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. 2-ое изд. СПб.: Питер, 2024. 846 с.

16. Скуратов Ю.И. Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития. М.: Проспект, 2021. 416 с.

17. Тихомиров Л.А. Конституалисты в пору 1881 года. 3-е пересмотренное издание. М., 1895. 112 с.

18. Устиленцев К.А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20. № 1 (70). С. 44–51.

19. Цырендоржиева Д.Ш., Ринчинова Т.М. Современное китайское общество: специфика духовно-нравственных ценностей // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). Вып. 20. С. 241–245.

20. Чирков Ф.В. Духовно-нравственные ценности и приоритеты уголовной политики // Уголовно-правовая защита традиционных ценностей: материалы межвузовского круглого стола (Екатеринбург, 10 октября 2023 года). Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2023. С. 83-91.

21. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. Рукопись 1878 г. Спб., 1906. 34 с.

22. Шпенглер О. Прусачество и социализм. М., Праксис, 2002. 240 с.

Об авторе:

ТИМОФЕЕВ Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, SPIN-код: 6240-2540, AuthorID: 822344, e-mail: nikolay_timofeev@mail.ru

Spiritual and moral values as the mentality of russian civilization

N.S. Timofeev

Lomonosov Moscow State University, Moscow

This article, based on a comparison of essential elements of spiritual and moral values, attempts to explore their potential influence on the development of legal relations within the system of public representative bodies. Particular attention is given to the need for their influence on the personalistic formation of state and municipal bureaucracies.

Keywords: *spiritual and moral values, historical continuity, transmission from generation to generation.*

About author:

TIMOFEEV Nikolai – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, SPIN-code: 6240-2540, AuthorID: 822344, e-mail: nikolay_timofeev@mail.ru

Тимофеев Н.С. Духовно-нравственные ценности как ментальность российской цивилизации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 187–197.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.55:316.75 (470)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.198

Традиционные российские духовно-нравственные ценности как аксиологическая основа понятийного аппарата муниципального права

Ю.В. Тороп

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с сохранением и укреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей посредством развития аксиологической составляющей понятийного аппарата муниципального права как отрасли российского законодательства. В статье раскрываются конституционные основы фундаментальных понятий муниципального права, значение Конституции Российской Федерации как базовой ценностной основы российского государства и общества, ее роль в формировании ценностного содержания понятий и категорий науки муниципального права. Определены такие характеристики понятийного аппарата муниципального права, как системность и целостность, установлена взаимосвязь с предметом муниципального права, определено значение с учетом комплексного характера муниципального права. Обосновано, что в условиях максимального приближения публичных институтов к населению реальное воплощение в жизнь получают такие духовно-нравственные ценности, как гражданственность, служение Отечеству, патриотизм, единство народов России. Сделаны выводы о необходимости совершенствования нормативно-правовой базы организации и осуществления местного самоуправления в России в целях реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовных ценностей с использованием потенциала понятийного аппарата муниципального права.

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности, аксиология, Конституция РФ, многонациональный народ России, местное самоуправление, понятийный аппарат, правовые понятия, термины, юридическая техника, патриотизм, единство народов России, российское общество, муниципальное право.*

Традиционные российские духовно-нравственные ценности – жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, единство народов России – выступают духовной основой жизни российского государства и общества, объединяют его на основе общечеловеческих нравственных категорий и сегодня формируют самосознание многонационального народа России на уровне конституционной идентичности [11]. В этой связи они должны определять нормативное содержание и направление практического применения всех конституционных институтов, и в том числе местного самоуправления. Сегодня понимание российских

© Тороп Ю.В., 2026

духовно-нравственных идеалов и культурно-исторических ценностей многонационального народа России как основы государственности и дальнейшего развития страны положено в основу обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, реализацию которой призваны осуществлять все органы публичной власти, организации и институты гражданского общества под руководством Президента РФ (п. 28, 103 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 [4]). Особая роль принадлежит органам местного самоуправления, выступающим в качестве первичного уровня публичной власти и предопределяющим устойчивость всей системы публичных властных институтов. В отмеченной связи понятийная система муниципального права должна отобразить, наполнить аксиологическим содержанием понятия и категории как муниципального законодательства, так и науки муниципального права, с тем чтобы на местном уровне публичной власти ценностные духовно-нравственные ориентиры многонационального народа Российской Федерации получили сохранение и развитие в рамках функционирования местных сообществ, в деятельности органов местного самоуправления.

Муниципальному праву России как отрасли законодательства, правовой науке присуща собственная понятийная система, выраженная понятийно-категориальным аппаратом. Содержание и системные взаимосвязи понятийной системы муниципального права объективируют особенности существа и функционирования муниципального права как политико-социального явления и регулятора соответствующих общественных отношений, составляющих предмет муниципального права, а трансформация понятийной системы отражает логику его становления и развития. Понятийная система муниципального права – это логическая форма (понятие – термин формальной логики) отражения правовой действительности, которая позволяет логически воссоздать систему внутренних взаимосвязей его предмета, а также воспроизвести и отразить правовыми средствами реальные отношения, процессы и направления развития муниципального права России.

Особое значение исследование этого вопроса приобретает для муниципального права России как комплексной отрасли законодательства, формирование понятийного аппарата которой происходит с присущей ей спецификой. Для муниципального права как комплексной отрасли законодательства понятийная система обеспечивает упорядочение внутренних связей, создает «каркас» для норм применительно к разнородным объектам правового регулирования, обеспечивая тем самым соединение норм разных отраслей в единый общеотраслевой комплексный регулятор для их согласованного взаимодействия, а также формирования комплексного муниципального законодательства.

Определяя понятийный аппарат права как иерархически организованную целостную систему, включающую в себя логически взаимосвязанные и структурно упорядоченные элементы, известные ученые подчеркивают его особую роль в обеспечении организованности системы права, придании ей согласованности и единства, а также отмечают существование понятийного аппарата в качестве самостоятельного компонента права [16, с. 141]. Исследуя категориальную систему правовой науки, А.М. Васильев писал, что «…создается как бы понятийная сеть, имеющая узлы переходов, совпадений и различий, характеризующие основное, наиболее существенное в праве на разных уровнях» [9, с. 132]. Вопрос о соотношении понятийной системы и системы муниципального права, а также о взаимосвязи понятий и норм муниципального права, очевидно, заслуживает отдельного исследования. Так, А.Ф. Черданцев, определяя понятия, термины и определения в юриспруденции как логико-языковые феномены [15, с. 5], подчеркивал их сложность как объекта исследования и неоднозначность решения вопроса о соотношении с нормами права.

Ключевой характеристикой понятийно-категориального аппарата муниципального права России в этой связи является его системность, которая в то же время выступает и важнейшим качеством составляющих его понятий и категорий. Исследуя системность категорий применительно к конституционному праву, А.В. Автономов выделял в ней, наряду с иными, такие качества, как целостность, признаком которой является наличие у системы некоей внешней границы (отделяющей ее от среды), обусловленной функциональной выделенностью системы из среды, а также фрактальность, т. е. запечатленность в элементах системы свойств, присущих данной системе как целостности, составляющих ее качественную специфику [5, с. 41].

Целостность понятийно-категориальной системы муниципального права России будет предопределяться предметом муниципального права как совокупность разнообразных общественных отношений, соизмеряясь с которым «сеть» правовых понятий и категорий и ее «узлы» как устойчивые, однородные образования (конгломераты), с одной стороны, будут придавать устойчивость и самостоятельность тем или иным правовым институтам, выступать одним из факторов, структурирующих правовой институт в рамках отрасли, а с другой – воплощать, «запечатлевать» в себе аксиологическую основу отрасли в целом.

Остановимся на последнем аспекте подробнее.

Научные исследования понятийного аппарата той или иной отрасли законодательства (и муниципальное законодательство здесь не исключение) ведутся прежде всего в рамках анализа юридической техники как совокупности приемов и способов формулирования и оформления понятий, отбора и выбора терминов, систематизации нормативных правовых актов. При этом, очевидно, понятийная система

муниципального права не сводится к набору терминов и понятий, правилам их выработки и формирования. Как верно отмечает А.С. Шабуров, важной чертой юридических терминов является их тесная связь с идеологией [16, с. 135]. Смысл конструирования идеальной модели системы права, пишет Н.А. Власенко, характеризуя системность права как ценность, состоит не только в том, чтобы отразить реальность. Особенность правового сознания, а тем более правовой идеологии заключается в том, чтобы создать, воспроизвести модель такой, какой она должна быть в настоящее время, исходя из социальных потребностей [10, с. 76–77, 83]. Для достижения указанных целей важное значение приобретает наличие в системе права соответствующих понятий и дефиниций.

В этой связи возникает вопрос о поиске фундаментальной системной категории науки муниципального права, обнаружение которой позволит выявить важнейшие свойства, предопределяющие аксиологическую основу понятийного аппарата муниципального законодательства. Как видится, такой категорией является воля многонационального народа Российской Федерации, принявшего Конституцию Российской Федерации. Для муниципального права как отрасли законодательства она будет реализовываться в определении понятия местного самоуправления, признаваемого и гарантируемого в Российской Федерации согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации [1]. Понятийный аппарат науки муниципального права и понятийный аппарат отрасли муниципального законодательства представляют собой самостоятельные целостные системные образования, не совпадающие, но частично пересекающиеся по содержанию, а также комплексно влияющие на аксиологическую составляющую друг друга, прежде всего вследствие ценностного содержания фундаментальной категории, лежащей в их основе, – воле многонационального народа России.

Преамбула Конституции Российской Федерации выступает базисом мировоззренческих установок российского государства и общества, комплексом духовно-нравственных ценностей, присущих и разделяемых большинством граждан России. В их числе – соединенность общей судьбой на своей земле, исторически сложившееся государственное единство, память предков, утверждение гражданского мира и согласия, сохранение исторически сложившегося государственного единства, общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов. Идеи единства и преемственности получили развитие в ходе конституционной реформы в новой ст. 67.1 Конституции РФ о признании исторически сложившегося государственного единства Российской Федерации, и далее – в иных конституционно-правовых актах, прежде всего в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 (далее –

Основы) [3]. Эти категории, справедливо отмечает профессор Н.А. Антонова, рассматриваются как конституционно-правовые ценности, лежащие в основе построения государства, формирования государственной политики, развития не только федерального и регионального уровней власти, но и власти муниципальной [6, с. 8]. Именно в условиях максимального приближения публичных институтов к населению реальное воплощение в жизнь получают такие духовно-нравственные ценности, как гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, справедливость, патриотизм, единство народов России.

Патриотизм, как определяет В.И. Лутовинов, это одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам жизни общества и государства, важнейшее духовное достояние личности, характеризующее высший уровень ее развития, проявляющееся в ее активно-деятельностной самореализации на благо Отечества [12, с. 19]. Указанное определение видится очень важным для развития патриотизма на уровне местных сообществ. Оно отражает в себе две важнейшие составляющие патриотизма как национальной идеи России – духовно-нравственную (ценностную), характеризующую высший уровень развития личности, и деятельную (поведенческую), характеризующую проявления этих качеств во вне, в объективной реальности в виде действий на благо Отчизны, на благо «Малой Родины» в местном сообществе, в своем муниципальном образовании. Патриотизм, пишет И.В. Бабичев, как свойство личности в ее любви к Родине – а значит, к Богу, к народу, к его Традиции, к месту, где родился и рос, к семье, к Космосу, к всечеловечеству – есть объемлющая традиционная ценность и сущностная характеристика личности [7, с. 74]. Патриотическая духовная составляющая многонационального народа России чрезвычайно сильна. Ярким примером является акция-шествие «Бессмертный полк», объединяющая представителей всех национальностей и религий в едином духовном порыве сохранить и защитить историческую память, почтить подвиг народа-победителя, свидетельствующая о невозможности разорвать наши духовные связи, изолировать российских граждан от объединяющих их нравственных начал. И уже сегодня в зоне специальной военной операции российские граждане всех национальностей проявляют героизм, достойный подвига своих предков, а волонтеры, рискуя жизнью, осуществляют гуманитарные миссии на территориях Курской, Белгородской областей, Донецкой и Луганской Народных Республик.

Единство народов России как конституционно-значимая ценность, основы которой заложены в преамбуле Конституции РФ, реализуется и обеспечивается посредством ряда конституционно-правовых положений: принятием Конституции РФ по воле многонационального народа, прямым действием и верховенством ее норм на всей территории

Российской Федерации (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 15 Конституции РФ), принципом равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации (ч. 3 ст. 5), принципом равноправия прав и свобод человека и гражданина независимо от национальности (ч. 2 ст. 19), принципом единого и равного гражданства Российской Федерации (ч. 1 ст. 6), единой федеральной судебной системой и осуществлением правосудия только судом на основе равноправия сторон, равенства всех перед законом и судом (ст. 118, 123), определением статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации – языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ч. 1 ст. 68), гарантией прав коренных малочисленных народов, а также защитой государством культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, сохранением этнокультурного и языкового многообразия (ст. 69), определением традиционных ценностей как основы российского общества, обеспечивающей единство России как многонациональной и многоконфессиональной страны (п. 7 Основ).

Анализируя категорию «многонациональный народ Российской Федерации», М.П. Фомиченко отмечает, что несмотря на содержание в ней различных содержательных характеристик понятий: «народ» как население государства и «нация» как этнос, – в ней обозначается перспектива формирования единой гражданской нации страны, основополагающим условием достижения которой является наличие общей мировоззренческой матрицы, общего воззрения на мир. В связи с этим необходимо добиваться последовательного и целенаправленного проведения линии на единение народов России, где все граждане идентифицируют себя с единым государством [14, с. 35]. Поэтому категория «традиционные ценности» в конституционно-правовом смысле определяется как нравственные ориентиры, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии всего многонационального народа России, а реализация государственной политики России предполагает отражение их потенциала при правовом регулировании общественных отношений на уровне местных сообществ.

Насколько понятийно-категориальная система муниципального законодательства воплощает в себе совокупность традиционных российских духовно-нравственных ценностей? Можно ли говорить о наличии у понятийной системы муниципального права соответствующей аксиологической основы?

Ключевые конституционные категории понятийно-категориального муниципального права, такие как местное самоуправление, муниципальное образование, население муниципального образования (местное сообщество), должны определяться как общественно-правовые явления на основе усвоения широкого комплекса ценностных

конституционных установок, и в силу своей онтологии отражать систему основных ценностей общественного сознания. Так, понимание местного самоуправления как основы конституционного строя (ст. 12 Конституции РФ), формы самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти (ст. 1 ФЗ от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ № 33) [2]), права граждан на осуществление местного самоуправления (ст. 2 ФЗ № 33), очевидно, основывается на таких духовно-нравственных ценностях, как права и свободы человека, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, коллективизм, единство народов России. Ценностные установки выступают как нравственные основания конституционно-правового регулирования местного самоуправления, которое отображает не просто систему соответствующих общественных отношений, но и систему базовых духовных ориентиров, исходя из сложившихся исторических, национально- культурных традиций российского государства и общества. Государственное строение, национальный организм, писал В.И. Фадеев, в своей основе имеют духовную природу, этические начала культурно-исторического типа российского народа, которые требуют своего учета при реформировании институтов общественно-государственной жизни. Деятельность всех органов должна осуществляться в системе нравственных координат, которая основывается не на партийных воззрениях и принципах, а на духовно-культурных, национальных традициях [13, с. 815].

Полагаем, немаловажную роль в этой связи должно сыграть нормативное закрепление нравственных ориентиров также посредством понятийной системы муниципального законодательства, прежде всего применительно к организационным основам местного самоуправления. Если в отношении общерегулятивных конституционно-правовых норм, посвященных местному самоуправлению, их аксиологическая основа несомненна, то в понятийном аппарате муниципального законодательства ценностные ориентиры нормативно должны быть отражены более полно. К сожалению, сегодня на практике встречаются ситуации, когда представители гражданского общества, волонтеры, обращаясь к органам местного самоуправления за содействием и информационной поддержкой в проведении мероприятий, посвященных Году единства народов России, сохранению и укреплению традиционных российских ценностей, развитию гражданственности, патриотизма, встречают с их стороны незаинтересованность и отказ в содействии. При этом аргументами выступают, к примеру, доводы о том, что Указами Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» какие-либо обязанности на органы местного самоуправления в сфере добровольческой (волонтерской) деятельности не возложены, что участие органов

местного самоуправления в соответствующих мероприятиях является их правом, а не обязанностью, что проведение мероприятий, посвященных Году защитника Отечества, в 2026 году является не актуальным, т. к. 2026 г. объявлен Годом единства народов России, что указанные задачи органы местного самоуправления в силе решить самостоятельно и др. (Решение Печенгского районного суда Мурманской области от 30.03.2026 г. по делу № 2а-266/2026, решение Дзержинского районного суда Красноярского края от 04.05.2026 г. по делу № 2а-176/2026, решение Новоспасского районного суда Ульяновской области от 10.04.2026 г. по делу № 2а-1-91/2026, решение Чудовского районного суда города Чудово от 24.03.2026 г. по делу № 2а-216/2026, Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 05.05.2026 г. № 33а-3123/2026).

Между тем при верном использовании аксиологического потенциала правового регулирования организационной основы местного самоуправления подобных споров в сфере реализации стратегического национального приоритета по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей между органами местного самоуправления и институтами гражданского общества возникать не должно. Ведь важнейшей задачей публичных органов местного самоуправления является поддержание единства общества, укрепление его нравственных основ, поддержание гармонии между публичными целями и нравственными основами воспитания личности, жизни народа, местного сообщества, которая должна реализовываться прежде всего с опорой на институты гражданского общества, на представителей местных сообществ с активной гражданской позицией.

Одним из правовых инструментов усиления аксиологической составляющей нормативного регулирования организационной основы местного самоуправления могла бы стать трансформация соответствующих элементов понятийного аппарата муниципального законодательства, например, таких базовых легальных понятий, как местное самоуправление (ст. 1 ФЗ № 33), орган местного самоуправления (ст. 13 ФЗ № 33) в плане отражения значения этих институтов в решении общенациональной задачи по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Также возможно включение в структуру ФЗ № 33 преамбулы, закрепляющей традиционные ценности как основу местного сообщества, обеспечивающую на местном уровне единство многонациональной страны, осуществляющую сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Как верно отмечает В.М. Баранов, именно преамбулы нормативных правовых актов призваны нормативно отразить систему ценностных оснований [8, с. 130]. Безусловно, проблема выбора эффективной юридической техники для реализации задачи по усилению аксиологической составляющей понятийно-категориального аппарата муниципального права заслуживает отдельного исследования.

Как видится, работа по совершенствованию нормативно-правовой базы организации и осуществления местного самоуправления в России в целях реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей должна быть продолжена с использованием потенциала понятийного аппарата муниципального права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Гарант».
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Автономов А.С. Системность категорий конституционного права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1999. 361 с.
6. Антонова Н.А. Гражданственность как основа функционирования муниципального сообщества // Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти в современном конституционном праве: сборник научных работ. Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2025. 205 с.
7. Бабичев И.В. Традиционные основы мировоззрения // Местное право. 2024. № 2. С. 73–80.
8. Баранов В.М. Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. М.: Проспект, 2021. 648 с.
9. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 264 с.
10. Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. М.: Норма : ИНФРА-М, 2024. 200 с.
11. Кабышев С.В. Об идентичности национальной системы образования в ценностных координатах российской государственности // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 2. С. 11–21.
12. Лутовинов В.И. Патриотизм и проблемы его формирования у российской молодежи в современных условиях (социально-философский анализ): дис. … д-ра философ. наук. М., 1998. 489 с.
13. Фадеев В.И. О духовно-нравственных основах народного представительства в России // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. Том 1. М.: Проспект, 2015. 992 с.
14. Фомиченко М.П. О единстве многонационального народа Российской Федерации // Административное право и процесс. 2015. № 10. С. 34–37.

15. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 320 с.

16. Шабуров А.С. Юридическая терминология и юридические понятия как юридико-технические средства и научно-теоретические категории // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4 (62), часть 1. С. 131–145.

Об авторе:

ТОРОП Юлия Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2), SPIN-код: 4307-4809, AuthorID: 453304, e-mail: uvtorop@msal.ru

Traditional Russian spiritual and moral values as the axiological basis of the conceptual apparatus of municipal law

Yu.V. Torop

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA), Moscow

The object of the research is social relations related to the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values through the development of the axiological component of the conceptual apparatus of municipal law as a branch of Russian legislation. The article reveals the constitutional foundations of the fundamental concepts of municipal law, the importance of the Constitution of the Russian Federation as the basic value basis of the Russian state and society, and its role in shaping the value content of concepts and categories of the science of municipal law. Such characteristics of the conceptual apparatus of municipal law as consistency and integrity are determined, the relationship with the subject of municipal law is established, and the meaning is determined taking into account the complex nature of municipal law. It is proved that in conditions of maximum proximity of public institutions to the population, such spiritual and moral values as citizenship, service to the Fatherland, patriotism, and the unity of the peoples of Russia receive real realization. Conclusions are drawn about the need to improve the regulatory framework for the organization and implementation of local self-government in Russia in order to implement state policy to preserve and strengthen traditional spiritual values using the potential of the conceptual apparatus of municipal law.

Keywords: *spiritual and moral values, axiology, constitution, multinational people of Russia, local self-government, conceptual framework, legal concepts, terms, legal technique, patriotism, unity of the peoples of Russia, Russian society, municipal law.*

About author:

TOROP Yulia – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, p. 2), SPIN-code: 4307-4809, AuthorID: 453304, e-mail: uvtorop@msal.ru

Тороп Ю.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как аксиологическая основа понятийного аппарата муниципального права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 198–207

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342.4
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.208

Духовно-нравственные начала идентичности российского народа в системе конституционных ценностей

Л.А. Тхабисимова

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск

Статья подготовлена по материалам доклада автора в Тверском государственном университете на Всероссийской научно-практической конференции «Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России как традиционной духовно-нравственной ценности», состоявшейся 25.04.2026 г. Подчеркивается, что определение содержания конституционной аксиологии, выявление ее структуры в виде системы ценностей современного правового государства, центральное место среди которых отведено семье, является одной из ключевых задач юридической науки. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что духовно-нравственная идентичность – это не паспорт с пропиской, а ощущение «я свой здесь». И закон тут играет роль не надзирателя, а садовника.

Ключевые слова: *государственная идеология, конституционные ценности, права и свободы, идеологическое многообразие, государствообразующий народ, конституционные поправки, достоинство, патриотизм, служение Отечеству.*

Для ученых юристов не ново, что Конституция 1993 г. рождалась в состоянии неприятия всего советского, включая и государственную идеологию. Отсюда и жестко императивный запрет ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Казалось бы, точка поставлена навсегда.

Однако жизнь сложнее догм. Уже в конце 1990-х, а особенно после 2000-х, стало очевидно, что вакуум ценностей заполняется либо западными либеральными установками (чуждыми большинству в части релятивизма идеалов и ценностей), либо нездоровым национализмом, либо откровенным цинизмом «социально-успешных» слоев населения.

Государство пыталось сопротивляться, но в рамках строгой буквы ст. 13 Конституции РФ это было похоже на игру в одни ворота. Как справедливо отмечают современные исследователи, «определение содержания конституционной аксиологии, выявления ее структуры в виде системы ценностей современного правового государства, центральное место среди которых отведено семье» [3], является одной из ключевых задач юридической науки. И вот, спустя годы, мы получили и Конституционные поправки 2020 г., и Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ

 © Тхабисимова Л.А., 2026

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2].

Здесь и кроется главный полемический узел. Правоведы либеральных взглядов, взглядов в том изводе российского либерализма, который сформировался в 90-е гг. XX в., бьют тревогу – это, мол, обход ст. 13 Конституции РФ, введение «тихой» цензуры и обязательного мировоззрения. Более консервативно, государственнически настроенные правоведы (например, С.Н. Бабурин) дают существенно более комплиментарные оценки.

Автор исходит из того, что ценности и идеология – это не одно и то же. Идеология – это всегда политическая программа, обслуживающая власть конкретной социально-политической группы, а что касается ценности – это своего рода антропологическая константа, выстраданная народом.

И если мы, следуя заветам выдающегося российского правоведа Олега Емельяновича Кутафина, признаем, что знаменательным шагом в истории российского конституционализма явилось признание высшей ценности человека, его прав и свобод, то конфликт со ст. 13 Конституции РФ снимается.

Государство не навязывает новое «учение Маркса–Энгельса–Ленина» (это идеология), государство говорит: «Вот то, что нас, русских, татар, чеченцев, объединяло веками – семья, память, справедливость. Это не обсуждается, это наша данность». Но вот вопрос: может ли государство, пусть даже с благими намерениями, регулировать «данность»?

Думается, пределы признания и тем более регулирования государством ценностных основ общественной жизни необходимо выстраивать предельно аккуратно, пытаясь в наибольшей степени достичь общественного консенсуса. Отметим, что идеологическое многообразие не исключает формирования в государстве идеологии, в том числе и такой, чьи основные идеи разделяются большинством общества.

Но провозглашение идеологии в качестве государственной смещает диалог общества и государства об объединяющих идеях и образе будущего в пространстве деятельности, условно говоря, государственных идеологических чиновников, которые с присущим бюрократам рвением быстро сформируют в обществе неприятие вмешательства государства в эту сферу общественной жизни.

Как верно то, что государство не может развиваться без идеологии, так верно и то, что эта идеология должна формироваться гражданским обществом в диалоге с государственными институтами, а не многочисленными идеологическими работниками.

И поэтому необходимо не выстраивать общеобязательную государственную идеологию, а фиксировать в положениях

конституционного текста конституционные ценности, уточнять их и развивать как результат определенного этапа диалога между обществом и государством.

Многие мои коллеги уделили немалое внимание Конституционным поправкам 2020 г. Норма ст. 67.1 Конституции РФ о «вере в Бога, переданной предками» вызвала тревогу навязываемой «религиозности» у одних и своего рода удовлетворение открывающейся перспективой «религиозности» у других. В настоящее время стало очевидно, что правы были третьи – кто воспринял это положение как необходимую для Конституции РФ ценностную основу, причем в первую очередь – как основу для исторической памяти и признания, безусловно, уважения чувств верующих.

Конституционный Суд РФ в своем Заключении от 16.03.2020 г. № 1-З [1] очень аккуратно разъяснил: это не введение теократии. Как указано в заключении, «включение в текст Конституции РФ указания на веру в Бога, переданную народу России предками, не означает отказа от светского характера Российского государства и от свободы совести». Иными словами, это дань уважения к истории, а не новое «молитвенное правило» для чиновника.

Но вот что действительно меняет дело – это ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ о защите исторической правды. Обратите внимание: «умаление подвига народа при защите Отечества не допускается». Это уже не просто аксиология, а норма с негативной санкцией. Это прямой запрет на определенные действия. Именно здесь критики видят нарушение свободы мнений.

Но, простите, свобода мнений не означает свободу клеветы на собственную историю. Другое дело – как эту норму применять. Пока практика идет по пути в большей степени «мягкой силы» – воспитания, а не наказания. Достаточно редко речь идет об административной, и тем более уголовной ответственности.

Что касается ст. 68 Конституции РФ о русском языке как языке «государствообразующего народа», мне эта формулировка кажется выстраданной и верной. Мы десятилетиями боялись слова «государствообразующий», словно это оскорбляет другие народы. Не оскорбляет. Русский язык – это матрица нашей цивилизации. Утрать мы его – и культура народов России останется без А.С. Пушкина? Нет, она лишится воздушной среды. Поэтому баланс, заложенный в Конституции РФ (русский язык – государственный, но «гарантируется право на сохранение родного языка»), – это хрупкое, но единственно верное равновесие.

Перейдем к Указу Президента РФ от 09.11.2022 г. [2]. Это не философский трактат, как его иногда пытаются представить. Это – операционализация ценностей. В п. 5 Указа Президента РФ дан перечень: жизнь, достоинство, патриотизм, служение Отечеству, крепкая семья,

приоритет духовного над материальным... Это выглядит как «каталог добродетелей», над которым иронизируют скептики. Считаем, что это больше похоже на инструмент для правоприменителя.

Возьмем, к примеру, судебную практику. Эксперты Санкт-Петербургского государственного университета провели мониторинг и выяснили: после выхода Указа Президента РФ № 809 суды стали гораздо увереннее ссылаться на «традиционные ценности» в спорах о защите семьи, об оскорблении чувств верующих и даже о границах искусства [5].

Как верно отмечается в их исследовании, «применение такой категории, как традиционные ценности в судебной практике представляет большой интерес для изучения» [5]. И это правильно! Теперь у суда есть легальное определение из подзаконного акта, имеющего статус стратегического планирования в сфере национальной безопасности. Это не просто «мнение», это ориентир. При этом механизмы защиты ценностей не должны превращаться в инструмент охоты на ведьм.

С другой стороны, я вижу и иную крайность. Некоторые авторы (например, А.Н. Медушевский [4]) утверждают, что акцент на традиционных ценностях – это «реанимация советской морали». Вот здесь позвольте возразить. Советская мораль была классовой («кто не с нами, тот против нас»). Наша – цивилизационная, включает и православного священника, и мусульманского муллу, и атеиста, который чтит «Слово о полку Игореве» и подвиг солдат Великой Победы. Это совсем другое качество.

Завершая, сформулируем главный вывод. Духовно-нравственная идентичность – это не паспорт с пропиской, это ощущение: «я свой здесь». И закон тут играет роль не надзирателя, а садовника.

Идентичность строится на языке, на семье, на школе. Обновленная Конституция РФ и Указ Президента РФ № 809 дали нам теплицу. Теперь задача юристов, педагогов, общественников – не замуровать семена в бетон запретов, а вырастить дерево, под тенью которого захочется стоять всем.

Убеждены, что нам не нужна «государственная идеология» с партбилетами. Нам нужна конституционная аксиология, где ценности – это маяки, а не цепи. Если мы переступим эту грань, то вместо единства получим официоз, который народ возненавидит. Если не сделаем ничего – нас размоет болото релятивизма. Наш путь – это постоянный, иногда болезненный, диалог.

Список литературы

1. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования

отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 (ред. от 04.03.2026 г.) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Агеева А.В., Банщикова С.Л. Семья как конституционная ценность в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 15 (1). С. 29–34.

4. Медушевский А.Н. Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций / ред. И.А. Семенова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 513 с. [Электронный ресурс]. URL: https: //biblioclub.ru/index.php?page=book&id=724116 (дата обращения: 20.04.2026).

5. Мониторинг правоприменения: «Традиционные ценности в судебной практике» // Санкт-Петербургский государственный университет. 2025 [Электронный ресурс]. URL: https: //pravoprim.spbu.ru (дата обращения: 20.04.2026).

Об авторе:

ТХАБИСИМОВА Людмила Аслановна – академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея, доктор юридических наук, профессор, директор Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет (357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9), SPIN-код: 8759-1400, AuthorID: 456064, e-mail: thabisimovala@mail.ru

Spiritual and moral principles of the identity of the russian people in the system of constitutional values

L.A. Tkhabisimova

Pyatigorsk State University, , Pyatigorsk

This article is based on the author's presentation at the All-Russian Scientific and Practical Conference "Constitutional and Legal Foundations for Ensuring the Unity of the Peoples of Russia as a Traditional Spiritual and Moral Value" held at Tver State University on April 25, 2026. It is emphasized that defining the content of constitutional axiology and identifying its structure as a system of values for a modern constitutional state, with the family at its core, is one of the key tasks of legal science. As a result of this research, the author concludes that spiritual and moral identity is not a passport with a residence permit, but a feeling of "I belong here." Here, the law plays the role of a gardener, not a warden.

Keywords: *state ideology, constitutional values, rights and freedoms, ideological diversity, state-forming people, constitutional amendments, dignity, patriotism, service to the Fatherland.*

About author:

THABISIMOVA Lyudmila – Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea, Doctor of Law, Professor, Director of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» (357532, Stavropol Krai, Pyatigorsk, Kalinina Ave., 9), SPIN-code: 8759-1400, AuthorID: 456064, e-mail: thabisimovala@mail.ru

Тхабисимова Л.А. Духовно-нравственные начала идентичности российского народа в системе конституционных ценностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 208–213.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 347.9
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.214

Применение духовно-нравственных ценностей при рассмотрении гражданских дел

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена изучению вопросов применения духовно-нравственных ценностей в практике судов по гражданским делам. Автор отмечает, что использование духовно-нравственных ценностей в правосудии позволяет восполнять пробелы в законодательстве. В гражданском процессе духовно-нравственные ценности предстают как новый источник права наряду с правовыми нормами (процессуальными и регулятивными (ст. 1, 11 ГПК РФ)). Важная роль в определении того, какими духовно-нравственных ценностями следует руководствоваться при рассмотрении гражданских дел, принадлежит судьям. Первой точкой соприкосновения правовых и моральных регуляторов выступает использование оценочных категорий в праве (добросовестность, разумность и др.). В практике судов духовно-нравственная категория «добросовестность» служит средством выявления злоупотребления правом. Принцип языка гражданского судопроизводства выступает проводником духовно-нравственных ценностей, таких как: права и свободы человека и гражданина, единство народов России, культура межнационального общения, русский язык и др. Использование духовно-нравственных ценностей российского общества, в том числе «гуманизма», «разумности» и др., дает возможность суду принять правильное решение по делу, отвечающее требованиям законности и обоснованности. О значении использования духовно-нравственных ценностей в гражданском процессе даны разъяснения в многочисленных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, в том числе используемых при написании данной статьи.

Ключевые слова: *гражданский процесс, суд, ценности, гуманизм, добросовестность, принципы, суд.*

Укрепление и защита традиционных российских духовно-культурных ценностей, культуры и исторической памяти, а также сохранение культурного и исторического наследия народа России относятся к национальным интересам современной России [6].

В стратегических документах предложено различать духовно-культурные ценности первой группы и второй группы. Ценности первой группы определены на нормативном уровне [6]: жизнь, достоинство, права и свободы человека и гражданина, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Ценности второй группы напрямую в нормативных правовых актах не названы, они выводятся, исходя из анализа документов стратегического планирования: историческое наследие и чувство гордости за историю

© Федина А.С., 2026

России, преемственность исторических традиций России, в том числе таких как солидарность и взаимопомощь, культурное наследие, культура межнационального общения, русский язык, здоровье, уважение к старшим, забота о родителях и др.

Для укрепления и защиты духовно-культурных ценностей, таких как права и свободы человека и гражданина, гуманизм, справедливость, единство народов России и др., недостаточно лишь их обозначение в качестве таковых в преамбуле стратегического документа, необходима большая работа по их претворению в жизнь.

Правоприменительная практика, в первую очередь судебная, приобретает важное значение по «претворению в жизнь» духовно-культурных ценностей. Правильно отметил В.В. Лазарев, что именно «суд является творцом права, субъектом толкования и разрешения конфликтов, правоприменителем, гарантом правовой системы и институтом, ее гармонизирующим» [8, с. 18].

Прежде всего духовно-культурные ценности, как прямо поименованные, так и абстрагируемые из стратегического документа, используются судами в правоприменительной практике по гражданским делам в качестве принципов права, его источников (ст. 1, 11 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)).

Судьи играют важную роль в определении того, какими принципами следует руководствоваться при рассмотрении гражданских дел. Потому что у судей, осуществляющих правосудие на основе принципа независимости и подчинения их только Конституции РФ и закону, есть задача рассмотреть гражданское дело правильно и своевременно в целях защиты нарушенных прав и свобод, охраняемых законом интересов граждан и организаций (ст. 2 ГПК РФ).

Показательным в этом плане является мнение Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.А. Туманова. Отметив явный пробел Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в части отсутствия в нем каких-либо принципов, исходя из которых Суд должен осуществлять прямое толкование Конституции, он приходит к выводу о том, что к числу указанных принципов следует отнести обеспечение прав и свобод человека и гражданина и приоритет основ конституционного строя по отношению к другим положениям Основного Закона. В данном случае перед нами один из примеров проявления законодательно не закрепленных, но получивших фактическое признание в деятельности Конституционного Суда принципов официального толкования Конституции РФ.

Таким образом, применение духовно-нравственных ценностей в практике судов позволяет восполнять пробелы в законодательстве. Необходимость применения духовно-нравственных ценностей в

практике судов возникает при соприкосновении между правовыми и иными социальными системами.

Первой точкой соприкосновения выступает использование оценочных категорий в праве, процессуальном и материальном. В частности, в ГПК РФ [2], как и в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее – АПК РФ) [3] и Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) [4], встречаются ссылки на «разумность», «справедливость» и «добросовестность».

В науке гражданского процессуального права данному вопросу посвящены труды многих исследователи, автор настоящей статьи также не является исключением [14, 15].

Использование законодателем при создании норм права таких оценочных понятий, как «добросовестность», «справедливость», «разумность», «равенство» и т. д., предполагает, что суд неизбежно вынужден обращаться к внеправовым нормативным системам, чтобы прояснить оценочную категорию для ее дальнейшего использования в частных случаях. Здесь обнаруживается известная связь между правовыми и другими социальными системами, особенно моралью.

Так, категория «разумность» используется в законодательстве о гражданском судопроизводстве для характеристики разумного срока судебного разбирательства и разумного срока исполнения судебного постановления (ст. 6.1 ГПК РФ), а также оценки взыскиваемых с проигравшей стороны расходов на оплату услуг представителя – в разумных пределах (ч. 1 ст. 100 ГПК РФ).

Дополнительные разъяснения о значении категории «разумность» в применении институтов «Процессуальные сроки» и «Судебные расходы» даны в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [16, 17].

Использование оценочных категорий нельзя объяснить небрежностью или некомпетентностью при создании законодательства. В существовании оценочных категорий в праве выражается структурная связь между правом и другими нормативными системами, направленная на то, чтобы устранить как пробелы в праве, так и чрезмерное правовое регулирование. В обоснование данного тезиса можем сослаться на высказывание Р.О. Опалева об оценочных понятиях права, а именно: «В большинстве случаев оценочные понятия права не столько создают неопределенность, сколько служат ее преодолению. Отказываясь от нормативного закрепления исчерпывающего перечня обстоятельств (например, смягчающих вину) и формулируя норму с использованием оценочных понятий, законодатель придает юридическое значение неограниченному кругу обстоятельств, возникающих или могущих возникнуть в реальной жизни. Это позволяет избежать правовых пробелов и обеспечить определенность правового регулирования» [10, с. 72].

Идеального законодательства не существует. В законодательстве невозможно предвидеть всё и регламентировать каждый частный случай, чтобы как можно меньшую сферу оставить для индивидуальных решений судей. Современный судья является краеугольным камнем правовой системы. Законодатель доверяет суду, позволяя ему выбирать и адаптировать моральные нормы и переводить их в юридические правила.

В некотором роде это можно рассматривать как перевод моральных категорий в разряд правовых, когда того требует правовая система. Получается, что эти морально-нравственные нормы общества, многие из которых обозначены как духовно-нравственные ценности в стратегических документах, суды имеют возможность назвать правовыми, когда потребуется.

Этот эффективный метод толкования, восполнения пробелов в законодательстве (посредством применения духовно-нравственных ценностей) делает отечественную правовую систему полной, закрытой от проникновения чужеродных ценностей, не свойственных российскому обществу.

Второй и более показательный пример использования духовно-нравственных ценностей в практике раскрывается применительно к трактовке понятия «злоупотребление правами», представленного в законодательстве, в правоприменительной практике и правовой доктрине России и многих стран.

Категория «злоупотребление правом» не только отсылает нас к нормам морали, но и сводит сферу действия правовых правил к моральным основаниям.

Судья, столкнувшийся со злоупотреблением правом, использует внеправовую ценность «добросовестность», тем самым незаметно вводя моральный дискурс в правовую систему до тех пор, пока вдруг не окажется, что именно моральный дискурс (а не правовая система) определяет, что есть право. Так, понятие «злоупотребление правом» по чисто нравственным соображениям делает «незаконным» то, что является «законным» в соответствии с правилами данной правовой системы [9, с. 73].

Судья, выбирая духовно-нравственные ценности, моральные нормы, использует свое положение судьи, чтобы ввести в право внеправовые элементы. Он может перейти, например, к моральному дискурсу и адаптировать его технически в такой мере, чтобы стало возможным называть его итог «правовым».

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (п. 27) разъяснено, что «при установлении судом факта злоупотребления работником правом суд может отказать в удовлетворении его иска о восстановлении на работе (изменив при этом

по просьбе работника, уволенного в период временной нетрудоспособности, дату увольнения), поскольку в указанном случае работодатель не должен отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий со стороны работника» [20].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 г. № 21 разъяснено, что в случае установления нарушения условиями трудового договора требований законодательства и иных нормативных правовых актов, в том числе общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом, законных интересов организации, других работников, иных лиц (например, собственника имущества организации), суд вправе отказать в удовлетворении иска о взыскании с работодателя выплат в связи с прекращением трудового договора или уменьшить их размер [19].

Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 (п. 1), в случае, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения, суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (ст. 56 ГПК РФ) [18].

В науке гражданского процессуального права неоднократно подчеркивалось наличие принципа добросовестности, имеющего процессуальное содержание [13]. Составляющей принципа добросовестности выступает обязанность всех участников судебного процесса добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (п. 1 ст. 35 ГПК РФ, п. 2 ст. 41 АПК РФ, п. 6 ст. 45 КАС РФ).

Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» вследствие особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства при представлении в суд общей юрисдикции доказательств, документов и возражений лица, участвующие в деле, должны действовать, исходя из принципов состязательности, равноправия и добросовестности.

Злоупотребление процессуальным правом – это одна из форм нарушения принципа процессуальной добросовестности [12]. Суд должен активно реагировать на все случаи проявления злоупотребления гражданскими процессуальными правами посредством принятия частных определений в адрес профессиональных участников гражданского процесса (адвоката прокурора и др.). Взыскание компенсации за потерю времени является средством борьбы со

злоупотреблениями стороны, которая предъявляет неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействует правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела (ст. 99 ГПК РФ).

Таким образом, один из самых ярких примеров использования морально-нравственных категорий в гражданском процессе – принцип добросовестности, запрещающий «злоупотребление» правами. Моральная ценность предстает здесь как новый источник права, ограничивающий реализацию правовых норм (процессуальных и регулятивных (ст. 1, 11 ГПК РФ)).

Следующей значимой духовно-нравственной ценностью, используемой в гражданском процессе, является «гуманизм» как мировоззрение, основанное на заботе о благе человека и его правах на свободу, равенство, счастье, развитии и проявлении всех сторон его личности, уважении его собственного достоинства [7].

Принцип гуманизма неоднократно упоминается судами при разрешении трудовых споров. Как разъяснено в п. 53 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел об оспаривании дисциплинарного взыскания или о восстановлении на работе и подлежащим доказыванию работодателем, является соблюдение им при применении к работнику дисциплинарного взыскания, вытекающего из ст. 1, 2, 15, 17, 18, 19, 54 и 55 Конституции Российской Федерации, и признаваемых Российской Федерацией как правовым государством общих принципов юридической, а следовательно и дисциплинарной, ответственности, таких как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм [20]. В этих целях работодателю необходимо представить доказательства, свидетельствующие не только о том, что работник совершил дисциплинарный проступок, но и о том, что при наложении взыскания учитывались тяжесть этого проступка и обстоятельства, при которых он был совершен (ч. 5 ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации), а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду.

Так, при рассмотрении требования о пересмотре судебных актов в кассационном порядке о взыскании убытков, причиненных директором обществу, судебная коллегия по гражданским делам руководствовалась не только правовыми нормами, но и принципами юридической и дисциплинарной ответственности (справедливости, соразмерности, законности, вины и гуманизма) [21].

В другом деле, о восстановлении на работе, применение принципов дисциплинарной ответственности, к которым относится в числе прочего и принцип гуманизма, послужило защите прав работника. Суд правильно

посчитал, что составление приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности без описания дисциплинарного проступка, времени и места его совершения (объективной, субъективной стороны проступка) нарушает общие принципы дисциплинарной ответственности, такие как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм, поскольку такой приказ не обеспечивает право работника знать, за какой дисциплинарный проступок на него наложено дисциплинарное взыскание [22].

Среди опубликованной судебной практики встречаются и иные судебные акты, основой для принятия которых послужили принципы гуманизма, соразмерности. Использование данных категорий, которые в полной мере являются духовно-нравственными ценностями российского общества, дает возможность суду принять правильное решение по делу, отвечающее требованиям законности и обоснованности, причем не только по трудовым делам, но и при рассмотрении других гражданских дел, а также гражданских исков в уголовном процессе.

Гуманизм в гражданском процессе используется не только в контексте ст. 11 ГПК РФ как основа для принятия судебных решений, но и имеет иные формы своего проявления. Так, гл. 7 ГПК РФ «Судебные расходы» содержит положения, согласно которым заинтересованным лицам предоставляются льготы по уплате государственный пошлины, решаются вопросы о ее отсрочке и рассрочке в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах (ст. 89, 90). Данное правило в гражданском процессе представляет собой не только гарантию обеспечения доступа к правосудию для всех заинтересованных лиц, независимо от имущественного положения, но и проявление принципа гуманизма.

Первоначальная редакция ГПК РФ устанавливала порядок, по которому вопросы по освобождению от уплаты государственной пошлины, уменьшения ее размера, предоставления отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины разрешались судом. Изменения ст. 90 ГПК РФ в последующие годы отнесли решение этих вопросов к компетенции налоговых органов. В этой части принцип гуманизма утратил свое значение в гражданском процессе, поскольку разрешение вопросов, связанных с освобождением от уплаты государственной пошлины, отсрочкой или рассрочкой ее уплаты, в судебном порядке отличалось индивидуальным и взвешенным подходом, чего, к сожалению, не всегда удается достичь в рамках деятельности органов исполнительной власти. Данная проблема представляется особенно актуальной в связи с повышением размера государственной пошлины, уплачиваемой при обращении в суд [5], вследствие чего можно прогнозировать рост количества обращений заинтересованных лиц с заявлением об отсрочке, рассрочке от ее уплаты, которые должны быть правильно разрешены, в том числе на основе принципа гуманизма.

Принцип языка гражданского судопроизводства является проводником таких духовно-нравственных ценностей, как права и свободы человека и гражданина, единство народов России, культура межнационального общения, русский язык и др. Конституция РФ (ст. 26, 68) предоставляет субъектам гражданского процесса широкие возможности для активного участия в судопроизводстве независимо от степени владения языком судопроизводства: «Каждый имеет право на пользование родным языком» [1]. Это право распространяется не только на граждан Российской Федерации, но и на лиц без гражданства и иностранцев.

Лицам, участвующим в деле и не владеющим языком, на котором ведется гражданское судопроизводство, разъясняется и обеспечивается право давать объяснения, заключения, выступать и заявлять ходатайства, подавать жалобы на родном языке или на любом свободно выбранном языке общения (которым лицо владеет). Требование справедливого судебного разбирательства предусматривает обязательное предоставление услуг переводчика участнику процесса, который не понимает языка гражданского судопроизводства.

Реализация принципа гражданского судопроизводства осуществляется не без проблем. Так, следует учесть замечание Л.В. Тумановой о том, что ГПК РФ необоснованно обходит его действие на стадии возбуждения гражданского дела в части доступа к судьям [11].

Нарушение принципа государственного языка гражданского судопроизводства является существенным нарушением закона, влекущим безусловную отмену решения (п. 3 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ).

В завершение настоящего исследования стоит отметить, что правила гражданского судопроизводства несвободны от морально-нравственных ценностей. Духовно-нравственные ценности определяют содержание правил гражданского судопроизводства.

Посредством толкования правовых норм духовно-нравственные ценности используются судебной властью в качестве новых источников правового регулирования общественных отношений, влияющих на содержание юридических правил.

Применение в гражданском процессе духовно-нравственных понятий обусловлено идеологией, в которой моральные ценности обладают бóльшим весом, чем правовые нормы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351.

7. Гуманизм [Электронный ресурс]. URL: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B3%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC&mode=slovari (дата обращения: 10.06.2026).

8. Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 17–30.

9. Марк ван Хук. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.

10. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М.: Волтерс Клувер, 2008. 248 с.

11. Туманова Л.В. Транспарентность гражданского судопроизводства // Заметки о гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2004.

12. Федина А.С. Влияние практики Верховного Суда РФ на формирование принципов гражданского процессуального права // В кн.: Судебная защита: новеллы и традиции в теории, законодательстве и правоприменении. М., 2021. С. 37–46.

13. Федина А.С. Внедрение принципа добросовестности в законодательство о гражданском судопроизводстве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 133–144.

14. Федина А.С. Международно-правовые предпосылки принципа справедливости в административном судопроизводстве // В сб.: Проблемы административного судопроизводства. Международная научно-практическая конференция. Тверской государственный университет, Юридический факультет. 2017. С. 113–121.

15. Федина А.С. Справедливость в гражданском процессе: современные реалии // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2006. № 6 (23). С. 139–151.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2016/04/06/kompens-dok.html (дата обращения: 10.06.2026).

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // СПС «Гарант»

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»» // РГ. 2015. 30 июня.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 г. № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» // РГ. 2015. 10 июня.

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // РГ. 2004. 8 апр.; ППВС от 2 июня 2015 г.

21. Определение Верховного Суда РФ от 08.12.2023 г. № 308-ЭС23-24256 по делу № А53-44467/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.08.2025 г. № 88-11434/2025 (УИД 42RS0009-01-2024-004634-27) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

Application of spiritual and moral values in civil cases

A.S. Fedina

Tver State University, Tver

This article examines the application of spiritual and moral values in civil court practice. The author notes that the use of spiritual and moral values in justice allows for the filling of gaps in legislation. In civil proceedings, spiritual and moral values emerge as a new source of law alongside legal norms (procedural and regulatory (Articles 1 and 11 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation)). Judges play an important role in determining which spiritual and moral values should be followed when considering civil cases. The first point of contact between legal and moral regulators is the use of evaluative categories in law (good faith, reasonableness, etc.). In judicial practice, the spiritual and moral category of "good faith" serves as a means of identifying abuses of law. The language of civil proceedings serves as a vehicle for spiritual and moral values such as human and civil rights and freedoms, the unity of the peoples of Russia, the culture of interethnic communication, the Russian language, and others. The use of spiritual and moral values of Russian society, including "humanism," "reasonableness," and others, enables the court to make the right decision in a case that meets the requirements of legality and validity. The importance of using spiritual and moral values in civil proceedings is explained in numerous resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, including those used in writing this article.

Keywords: *civil proceedings, court, values, humanism, good faith, principles, court.*

About author:

FEDINA, Anzhelika – PhD in Law, Associate Professor, Department of Judicial Authority and Law Enforcement, Tver State University (33 Zhelyabova St., Tver, 170100), SPIN-code: 6641-7075, Author ID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

Федина А.С. Применение духовно-нравственных ценностей при рассмотрении гражданских дел // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 214–223.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.
Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 342:316.722(470+476)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.224

Общность духовно-нравственных традиционных ценностей как основа единства народов России и Беларуси

О.Н. Шупицкая
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена анализу духовно-нравственных традиционных ценностей народов России и Беларуси. Автор использовал научные труды исследователей, а также нормы законодательных актов Российской Федерации и Республики Беларусь, закрепляющие духовно-нравственные традиционные ценности и регламентирующие их защиту. Целью работы является сравнение духовно-нравственных традиционных ценностей народов России и Беларуси, установление их общности и различий. Задачами исследования выступают: анализ факторов, способствовавших формированию традиционных ценностей народов Беларуси и России; установление системы духовно-нравственных традиционных ценностей народов России и Беларуси; изучение нормативного оформления традиционных ценностей в Российской Федерации и Республике Беларусь; выявление общих для двух стран ценностей, а также тенденций, связанных с их закреплением и защитой. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами. Государство, гуманизм, права и свободы человека, историческая память, семья, патриотизм, справедливость являются общими для россиян и белорусов духовно-нравственными традиционными ценностями. Они составляют основу для сотрудничества, взаимопомощи, иных форм мирного взаимодействия между государствами. В условиях современного мира духовно-нравственные традиционные ценности России и Беларуси сталкиваются с определенными вызовами, к числу которых относятся угрозы национальной самобытности со стороны других государств, ценностный кризис, демографически проблемы, политизация духовно-нравственных ценностей. Перспективы, связанные с духовно-нравственными традиционными ценностями – это государственная поддержка духовно-нравственных традиционных ценностей, расширение их продвижения и защиты.

Ключевые слова: *духовно-нравственные традиционные ценности, общность, единство, народ России, народ Беларуси, нормативное оформление, защита духовно-нравственных традиционных ценностей, государственная поддержка.*

Духовно-нравственные традиционные ценности народа – проблема, рассмотрение которой предполагает анализ факторов, способствовавших их формированию, исследование их системы и закрепления, в т. ч. законодательными актами государства.

На формирование духовно-нравственных традиционных ценностей народов России и Беларуси влияли различные факторы: географический, климатический, геополитический, религиозный.

© Шупицкая О.Н., 2026

Территория России – это территория Восточной Европы и Северной Азии, характеризующаяся большой площадью, протяженностью, разнообразием рельефа. Говоря словами О.Л. Фишмана, Россия – это «симбиоз “Европа – Азия”» [20, с. 13]. Территория современной Республики Беларусь расположена в восточной части Европы, на пересечении путей с запада на восток и с севера на юг. Белорусские земли не имеют выхода к морю, но они всегда представляли интерес для проживавших на соседних с ними территориях народов с геополитической точки зрения.

Территория России охватывает четыре климатических пояса: от арктического и субарктического до субконтинентального. Белорусские земли расположены в умеренном континентальном климате. Климат влияет на основные виды хозяйственной деятельности и особенности их ведения. Земледелие на белорусских землях было подсечно-огневое и требовало применения коллективного труда.

Если Россия – страна, богатая природными ресурсами, то Беларусь имеет незначительное количество полезных ископаемых, среди которых торф, каменный и бурый уголь, залежи кухонной и калийной соли, мел, глина, известняк, кварцевый песок.

Различны размеры территории и численности населения Российской Федерации и Беларуси: 17 125 191 кв. км (1-е место в мире) против 207 600 кв. км (84-е место в мире); более 140 000 000 человек и 9 056 080 человек [16, 18].

Духовно-нравственные традиционные ценности белорусов формировались на протяжении веков не только под влиянием названных выше факторов, но и в условиях специфического исторического развития белорусского народа. Предки современных белорусов издавна проживали в составе сложных государственных образований вместе с другими народами. Культура белорусов всегда испытывала на себе влияние ближайших соседей: Польского и Российского государств. Белорусская конституционная культура подвергалась значительному влиянию законодательных режимов названных государств.

На формирование духовно-нравственных традиционных ценностей народов России и Беларуси значительное влияние (если не сказать определяющее) оказала религия. Особенностью религиозного развития российского народа явилось распространение православия [17, с. 313]. Для белорусов же было характерно длительное сосуществование «двух версий христианства: православно-византийской и римско-католической» [14]. Следует также отметить, что на белорусских землях издавна мирно уживались представители различных религий: иудаизма, ислама, индуизма, протестантства и ряда других. Представленность религиозных учений в Российской Федерации также всегда была широкой.

Православные духовные ценности россиян и белорусов – человеколюбие, честь, достоинство, справедливость – в своей основе имеют Десять заповедей, данных Богом Моисею согласно Пятикнижию.

Духовно-нравственные традиционные ценности россиян в условиях современного государства законодательно определяются в России такими нормативными правовыми актами, как Основы государственной культурной политики [5]; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [3]; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [6]; Стратегия развития информационного общества [4].

Особое значение в нормативном закреплении духовно-нравственных традиционных ценностей в России играет Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809) [2]. Согласно п. 5 Указа № 809 к духовно-нравственным традиционным ценностям в Российской Федерации отнесены «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Как указывается исследователями, 11 из 17 традиционных российских духовно-нравственных ценностей закреплены в преамбуле или статьях действующей российской Конституции [1; 11, с. 388].

Нормативное закрепление перечня духовно-нравственных традиционных ценностей в Республике Беларусь осуществляется, в первую очередь, Конституцией Республики Беларусь [7]; Концепций национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 г. № 5 [8]; Концепцией правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 г. № 196 [9]; Директивой Президента Республики Беларусь от 09.04.2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» [10].

В Беларуси отсутствует Указ Президента или иной подобного рода нормативный правовой акт, определяющий духовно-нравственные традиционные ценности, каковым является Указ Президента России 2022 г.

Согласно названным выше белорусским нормативным правовым актам к духовно-нравственным традиционным ценностям белорусского народа сегодня относятся: государственность (государство), белорусская самоидентичность (самобытность), права и свободы человека, гражданское согласие, суверенитет, свобода, равенство, мир,

толерантность, историческая память, традиционная семья как «союз мужчины и женщины по рождению», патриотизм, преемственность поколений, благополучие граждан, социальная справедливость, социальная ответственность.

Белорусские исследователи к духовно-нравственным традиционным ценностям белорусов относят миролюбие, уважительное отношение к другому человеку, имеющему иное миропонимание, другой цвет кожи, национальную и религиозную принадлежность, иные убеждения и взгляды, «просвещенность, гуманность, стремление служить родной земле, духовное совершенствование». Их рассматривают как ценностные ориентиры, «зафиксированные в генетическом коде белорусов» [13, с. 18].

Е.В. Беляева указывает на ценность для белорусов Родины, Отечества (это – родная земля), «толерантности, ориентированности на мир и согласие», непринятия насилия по отношению к другому, стремления к справедливости и стабильности [12, с. 198].

18–14 августа 2023 г. в России по заказу члена Общественной палаты Александра Асафова был проведен Всероссийский инициативный телефонный опрос по репрезентативной выборке. В опросе приняло участие 1600 человек [15]. Согласно полученным ответам респондентов-россиян на первом месте среди ценностей для них стоит семья. Затем следуют любовь к Родине, историческая память, единство народов. Рядом с названными ценностями – человеколюбие, взаимопомощь, широта души. Религия, искусство, трудолюбие, суверенитет также значимы. В целом представления россиян о традиционных ценностях близки к перечисленным в Указе № 809.

В ноябре – декабре 2020 г. Центр социально-гуманитарных исследований Белорусского государственного экономического университета провел национальный опрос «Социокультурный портрет современного белорусского общества» (выборка – 1 500 человек) [19]. Результаты данного исследования показали, что значимыми ценностями для белорусов являются мир, безопасность, свобода, справедливость, порядок, права человека, законность, стабильность, солидарность. Самое же главное для белорусов – здоровье, семья (родители на 2 месте, супруг – на 4, дети на 5), душевный покой и комфорт.

Из изложенного выше следует, что система ценностей у белорусов и россиян включает в себя похожие ценности: государство, гуманизм, права и свободы человека, историческую память, семью, патриотизм, справедливость. Но есть и различия. Так, для белорусов значимыми ценностями также являются свобода, равенство и мир.

Современный этап развития человечества связан с вызовами и угрозами духовно-нравственным традиционным ценностям. Причем это справедливо и для России, и для Беларуси. К их числу относятся следующие:

– в эпоху глобализации, цифровизации, информатизации возрастает значение сохранения национального менталитета, идентичности, самобытности народа;

– в странах постсоветского пространства наблюдается ценностный кризис;

– и в России, и в Беларуси отмечаются демографические проблемы (последствия COVID-19 – убыль населения, снижение рождаемости);

– в обеих странах имеет место противоречивость между системой ценностей и их реализацией (42 % людей в России ведут единоличное хозяйство, например);

– и в России, и в Беларуси существует тесная связь традиционных ценностей с идеологией;.

– для обоих государств характерна тенденция к законодательному закреплению системы духовно-нравственных традиционных ценностей, путей их популяризации;

– и в России, и в Беларуси законодательное закрепление традиционных ценностей ведет к установлению юридической ответственности за действия, направленные против них, т. е. к применению жестких мер в отношении лиц, их не разделяющих. В свою очередь, это порождает новые вызовы для также являющихся духовно-нравственными ценностями достоинства человека, прав и свобод личности.

Для развития духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации и Республике Беларусь в настоящее время характерны следующие тенденции:

– привитие гражданам коллективистских ценностей в отличие от индивидуалистических;

– рост внимания государства к вопросу духовно-нравственных традиционных ценностей: позиционирование их в обществе, усиление государственной поддержки;

– развитие продвижения духовно-нравственных традиционных ценностей и их защиты (образовательные реформы, укрепление связи между поколениями, борьба с антиобщественными проявлениями);

– применение сбалансированного подхода к популяризации и защите духовно-нравственных традиционных ценностей;

– использование комплексного подхода в продвижении духовно-нравственных традиционных ценностей.

Таким образом, для традиционных духовно-нравственных ценностей России и Беларуси в условиях современного этапа функционирования государств характерны сходство и различие. Особенности развития государств –географические, климатические, геополитические и иные – повлияли на сформировавшиеся у россиян и белорусов системы ценностей, общими среди которых являются государство, гуманизм, права и свободы человека, историческая память,

семья, патриотизм, справедливость. В настоящее время у обоих государств проявляются тенденции, связанные как с возрастанием угроз традиционным духовно-нравственным ценностям (кризис, убыль населения, противоречивость), так и с повышением внимания государств к их закреплению и защите.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 (ред. от 17.07.2025 г.) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 г. № 2501-р (ред. от 30.04.2026 г.) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 г., 17.10.2004 г. и 27.02.2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875 (дата обращения: 03.06.2026).

8. Решение Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p924v0005&q_id=6594579 (дата обращения: 03.06.2026).

9. Указ Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p32300196&q_id=6594586 (дата обращения: 03.06.2026).

10. Директива Президента Республики Беларусь от 09.04.2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p02500012&q_id=6594596 (дата обращения: 04.04.2026).

11. Аврамцев В.В., Коннов И.А., Наумов С.И., Капитанова Н.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как основа формирующейся национальной идеологии и правовой стержень российского образования и науки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (70). С. 386–390.

12. Беляева Е.В. Система нравственности современного белорусского общества // Философско-культурологические исследования: сб. ст. Вып. 1. / под

общ. ред. А.А. Легчилина, Т.Г. Румянцевой. Минск, БГУ, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http//www.elib.bsu.by (дата обращения: 03.06.2026).

13. Вонсович Л.В. Духовно-культурны ценности белорусов кк основа межкудьтурной коммуникации в трансформирующмся белорусском обществе [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.by/view/0/?page=4&*=dZvy (дата обращения: 03.06.2026).

14. Дубовская Л.Ю., Игнатович Л.В., Дубоделова Е.В., Билаш Л.Г. Традиционные ценности белорусского народа [Электронный ресурс]. URL: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/64459/1/Дубовская_Традиционные.pdf (дата обращения: 03.06.2026).

15. Корня А., Винокуров А. Семья вне конкуреции [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6173477?ysclid=mo77gjxnez837264854 (дата обращения: 03.06.2026).

16. Основныее факты [Электронный ресурс]. URL: https://president.gov.by/ru/belarus/numbers/facts (дата обращения: 03.06.2026).

17. Пронина Т.С. Религиозность современных россиян: смена форм или содержания? // Вестник ТвГУ. 2012. Выпуск 9 (113). С. 312–319.

18. Россия. Общие сведения [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/rossiia-2d5512?ysclid=mpz9ymccrh805131700 (дата обращения: 03.06.2026).

19. Стариченок В. Ценностные приоритеты белорусов: ориентация на мир и «дабрабыт» [Электронный ресурс]. URL: https://bisr.gov.by/mneniya/cennostnye-prioritety-belorusov-orientaciya-na-mir-i-dabrabyt?ysclid=mo76chnqob83766306 (дата обращения: 03.06.2026).

20. Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 544 с.

Об авторе:

ШУПИЦКАЯ Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 22), SPIN-код: 5222-9274, Author ID:1049786, e-mail: o.shupitskaya@grsu.by, oshupitskaya@mail.ru

Commonality of spiritual and moral traditional values as the basis for the unity of the peoples of Russia and Belarus

A.N. Shupitskaya

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

The article is devoted to the analysis of the spiritual and moral traditional values of the peoples of Russia and Belarus. The author used the scientific works of researchers, as well as the norms of legislative acts of the Russian Federation and the Republic of Belarus, enshrining spiritual and moral traditional values and regulating their protection. The purpose of the work is to compare the spiritual and moral traditional values of the peoples of Russia and Belarus, to establish their commonality and differences. The objectives of the study are: analysis of factors that contributed to the formation of traditional values of the peoples of Belarus

and Russia; establishment of a system of spiritual and moral traditional values of the peoples of Russia and Belarus; study of the normative design of traditional values in the Russian Federation and the Republic of Belarus; identification of common values for the two countries, as well as trends related to their consolidation and protection. The results of the study can be represented by the following main conclusions. The state, humanism, human rights and freedoms, historical memory, family, patriotism, justice are common spiritual and moral traditional values for Russians and Belarusians. They form the basis for cooperation, mutual assistance, and other forms of peaceful interaction between states. In the modern world, the spiritual and moral traditional values of Russia and Belarus face certain challenges, including threats to national identity from other states, the value crisis, demographically problems, and the politicization of spiritual and moral values. The prospects associated with spiritual and moral traditional values are state support for spiritual and moral traditional values, expanding their promotion and protection.
Keywords: *spiritual and moral traditional values, community, unity, people of Russia, people of Belarus, normative registration, protection of spiritual and moral traditional values, state support.*

About author:

SHUPITSKAYA Aksana – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law of the Yanka Kupala State University of Grodno (230023, Grodno, Ozheshko St., 22), SPIN-code: 5222-9274, Author ID: 1049786; e-mail: o.shupitskaya@grsu.by, oshupitskaya@mail.ru

Шупицкая О.Н. Общность духовно-нравственных традиционных ценностей как основа единства народов России и Беларуси // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 224–231.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 347.73
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.232

Влияние понятия «гражданственность» на формирование и реализацию финансово-правового статуса физических лиц

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В рамках представленной статьи анализируются междисциплинарные категории «гражданственность» и «общероссийская гражданская идентичность», уясняется процесс их конституционализации, а также их учет и проявление в финансово-правовых нормах. Обосновывается мнение, согласно которому характеристики обозначенных понятий способствуют выявлению и раскрытию содержания принципа финансовой солидарности государства и общества. Делается вывод о том, что восприятие и осмысление понятий «гражданственность», «общероссийская гражданская идентичность» наукой конституционного права позволяет определить их влияние на финансовую правосубъектность физических лиц, содержание элементов финансово-правового статуса физических лиц, а также создает дополнительные основания для классификации финансово-правовых статусов физических лиц.

Ключевые слова: *гражданственность, общероссийская гражданская идентичность, финансово-правовой статус физических лиц, принцип финансовой солидарности государства и общества, правовой статус иностранного агента.*

Не вызывает сомнений, что международные отношения переживают кардинальную трансформацию. Формирующаяся многополярность мира – новое явление международной жизни, суть которого состоит в том, что «подавляющее большинство государств мира настроено на реализацию собственных цивилизационных интересов, главный из которых – свое сбалансированное поступательное развитие» [15]. Указанное актуализирует подходы к роли права как социального регулятора. В процессе осознания значимости суверенности отдельных государств «бóльшую роль, чем когда-либо, играет культурно-историческая, цивилизационная специфика разных стран» [15].

Создание полицентричного мира вызывает необходимость учета такого особого правового феномена, как нации и народы, обозначенного С.И. Архиповым в качестве «метаправовых субъектов» [12, с. 12–13]. Последние, по мнению автора, обладают следующими характеристиками:

– во-первых, не являясь непосредственными участниками правовых отношений, свои интересы нации и народы осуществляют через других (правовых) лиц;

© Юстус О.И., 2026

– во-вторых, нации и народы прежде всего представляют духовно-правовые общности людей, что принципиально отличает их от любых субъектов права;

– в-третьих, одновременно с этим нации и народы – продукт правовой коммуникации, выражающийся в достигнутом единстве правового сознания;

– в-четвертых, нации и народы выступают основанием целостности правовых систем, являющихся, по сути, национально-правовыми;

– в-пятых, при этом они реализуют особую политико-идеологическую функцию в качестве носителя суверенитета и источника власти [12, с. 12–13].

В конце XX – начале XXI в., как отметил Н.М. Коршунов, «ярко обозначился процесс “самоутверждения цивилизаций и культур”, проявляющийся в отстаивании собственных исторических ценностей, традиций, способов организации жизни. Навязанные извне инородные принципы и стандарты отторгаются, поскольку на чужой неподготовленной почве они могут не только не улучшать социальную организацию различных регионов, общностей, но и оказывать на нее негативное воздействие» [18, с. 78].

Обращение к указанным характеристикам наций и народов позволяет глубже уяснить выводы о правовых и социальных аспектах взаимосвязи понятий гражданства, гражданственности, общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания).

Как обоснованно указывает Н.Е. Таева [21, с. 134–135], «конституционализация» не имеющей конкретного юридического наполнения категории «гражданственность», ее дальнейшее включение в документы стратегического планирования [6, 7], исследования данной категории как основы изменения сущности и содержания российского гражданства [14, с. 11] позволяют полагать, что «в институт гражданства включаются не только формальные признаки, но и политические, культурные, социальные, которые в совокупности формируют идентичность гражданина, его «гражданственность» [21, с. 137], что, по мнению автора, предполагает отражение в законодательстве следующих требований: верности государству, осознания гражданской идентичности, патриотизма и готовности защиты своего Отечества [21, с. 138–143].

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г. (далее – Стратегия государственной национальной политики) [8] закрепляет понятие общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания), определяя его как «осознание гражданами Российской Федерации своей принадлежности к Российскому государству, российскому народу, обществу, ответственности за судьбу страны, готовности вносить личный вклад в ее развитие, необходимости соблюдения прав, свобод и

обязанностей граждан, а также приверженность традиционным российским духовно-нравственным и культурно-историческим ценностям» (п. 5). Укрепление общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей является одним из приоритетных направлений государственной национальной политики Российской Федерации (п. 37), что в качестве ожидаемого результата предполагает обеспечить сплоченность российской нации, ее высокую степень гражданского самосознания и солидарности, сформированные на основе признания общности истории, культуры и ценностных идеалов (п. 60).

Полагаем, что указанные требования как проистекающие из политической воли и обеспечивающие задачи безопасности РФ, защиту ее национальных интересов распространяются и на финансово-правовую сферу.

Утвержденный распоряжением Правительства от 05.03.2022 г. № 430-р [10] перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия, обоснованно явился правовым критерием для формирования в российской правовой системе, в том числе в финансовом праве, различных правовых подходов для регулирования отношений с участием субъектов из недружественных и не являющихся таковыми иностранных государств и территорий.

Например, по информации Банка России от 05.12.2025 г. с учетом стабильной ситуации на валютном рынке, с 08.12.2025 г. Банк России отменяет ранее установленные лимиты на переводы иностранной валюты за рубеж для граждан России и физических лиц – нерезидентов из дружественных стран. При этом сохраняется ряд ограничений для нерезидентов из недружественных стран, а именно: физические лица – нерезиденты недружественных государств, работающие в России, могут перевести за рубеж денежные средства в размере заработной платы. Одновременно с этим сохраняется запрет для неработающих физических лиц – нерезидентов из недружественных государств на перевод средств за рубеж [16].

Следует признать, что критерий гражданства в настоящий период используется многими государствами при формировании финансово-правовых статусов, прежде всего в качестве рамок для ограничения соответствующих прав. Так, для граждан Российской Федерации «установлено ограничение, предусматривающее запрет на вывоз из ЕС наличных евро-банкнот в Россию, за исключением случаев, прямо предусмотренных европейским законодательством» [13].

Особенности финансово-правового регулирования можно также отметить применительно к физическим лицам, признаваемым

иностранными агентами в соответствии с критериями, установленными федеральным законом. Именно с данным статусом Н.Е. Таева, среди прочего, связывает требование «верности государству», оценивая при этом его как отрицательное (т. е. как проявление «неверности государству») [21, с. 141].

Непосредственно Федеральный закон от 14.07.2022 г. «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (далее – Федеральный закон № 255-ФЗ) [3] устанавливает следующие особенности финансово-правового статуса иностранных агентов, сформулированные в форме запретов:

– указанные субъекты не могут принимать участие в публичных закупках, а также в отборе исполнителей услуг применительно к государственному и муниципальному социальному заказу (ч. 11 ст. 11 Федерального закона № 255-ФЗ);

– являться получателями мер государственной и муниципальной поддержки (ч. 12 ст. 11 Федерального закона № 255-ФЗ);

– применять упрощенную систему налогообложения (ч. 14 ст. 11 Федерального закона № 255-ФЗ).

Устанавливаются особые требованию к режиму получения средств от отчуждения или сдачи в аренду недвижимого имущества, транспортных средств, иных средств, указанных в ч. 21 ст. 11 Федерального закона № 255-ФЗ, а именно: посредством их зачисления на специальный счет (ч. 14 ст. 9 Федерального закона № 255-ФЗ).

Кроме того, Федеральным законом от 28.11.2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» [5] применительно к доходам физических лиц, имевших в течение хотя бы одного дня налогового периода, в котором получен соответствующий доход, статус иностранного агента, приобретенный в соответствии с Федеральным законом от № 255-ФЗ, было установлено следующее [22, с. 4–8]:

– во-первых, на указанных лиц не распространяется налоговая льгота в отношении освобождения от налогообложения доходов, полученных от продажи объектов недвижимого имущества, иного имущества (п. 17.1 ст. 217 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ)); доходов от реализации (погашения) долей участия в уставном капитале российских организаций, а также акций (п. 17.2 ст. 217 НК РФ); от реализации (погашения) акций, облигаций российских организаций (п. 17.2-1 ст. 217 НК РФ); доходов в денежной и натуральной формах, получаемых от физических лиц в порядке наследования (п. 18 ст. 217 НК РФ), дарения (п. 18.1 ст. 217 НК РФ);

– во-вторых, иностранным агентам не предоставляются инвестиционные налоговые вычеты (ст. 219.1 НК РФ);

– в-третьих, в отношении всех их доходов, получаемых физическими лицами, не являющимися налоговыми резидентами РФ и являющимися одновременно иностранными агентами, устанавливается единая налоговая ставка по НДФЛ в размере 30 % (п. 3 ст. 224 НК РФ).

Следует отметить, что физические лица – иностранные агенты, по сравнению с иными категориями субъектов иностранных агентов, имеют некоторые послабления в части ограничений. Например, по общему правилу не подлежат страхованию в порядке Федерального закона от 23.12.2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» [1] денежные средства, размещенные иностранными агентами, за исключением физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей (п. 11 ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 177-ФЗ).

Анализ правовых последствий восприятия законодателем понятий «гражданственность», «общероссийская гражданская идентичность» позволяет предположить наличие еще одного, применительно к выделенным Н.Е. Таевой, требования, а именно – требования социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции Российской Федерации) граждан и государства.

Роль феномена гражданской ответственности, гражданской солидарности кратно возрастает в кризисные периоды существования государственности, когда каждый гражданин может внести свой вклад в обеспечение единства и целостности страны, в служение общему делу, совместно с государством реализуя общенациональные интересы. Именно социальная солидарность как атрибут качества общественных связей предопределяет существование позитивной ответственности личности [24, с. 84]. Оценивая значимость национальной идеи, Б.В. Россинский справедливо указывает: «силы, объединяющие граждан страны, смотрящих в одном направлении, намного мощнее, чем силы, их разъединяющие» [23, с. 83–84].

Указанные конституционные положения проявляются в отраслевом принципе финансового права – принципе финансовой солидарности государства и общества [25, с. 84–93]. Полагаем, что как граждане, так и государство взаимно заинтересованы в добросовестном, партнерском поведении друг друга, что влечет процветание государства и увеличение благосостояния граждан. Примечательно, что указанная мысль прослеживается в трудах авторов, стоящих у истоков российской финансовой и финансово-правовой науки. В этой связи М.Ф. Орловым отмечалось: «…образование народных богатств необходимо, нужно для правительств, ибо собственное их могущество непосредственно зависит от оного» [20, с. 341]. Аналогичным образом В.А. Лебедев пришел к следующему выводу: «Современная наука финансов все усилия свои направляет к тому, чтобы примирить интересы казны с интересами

общества … нельзя не заметить, что что интересы казны и общества настолько совпадают между собою и настолько сознаны современными правительствами, что нельзя ни в одном государстве в его деятельности указать резкой границы между заботами о казне и вообще о богатстве и благосостоянии народов … богат народ – он много может дать; богата казна – она много может предпринять для улучшения народного хозяйства» [19, с. 50–51].

Принцип финансовой солидарности государства и общества существенным образом влияет на формирование и реализацию финансово-правового статуса физических лиц, поскольку позволяет установить баланс имущественных интересов граждан и государства в процессе взаимодействия публичных и частных финансов в целях обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации, создания условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан. Кроме того, указанный принцип обеспечивает самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы, в том числе в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки [17].

Полагаем, именно с учетом обозначенных требований верности государству, осознания общероссийской гражданской идентичности, патриотизма и социальной солидарности, в том числе финансовой, прежде всего должно происходить формирование социально ориентированных финансово-правовых институтов.

Правовое регулирование бюджетных ассигнований на социальное обеспечение населения независимо от уровня бюджетной системы РФ, а также налоговых льгот социального характера (неналоговых расходов), по общему правилу должно быть ориентировано на граждан РФ, постоянно проживающих на территории РФ, что, в свою очередь, соответствует направленности целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации.

Так, право на дополнительные меры государственной поддержки, предусмотренные Федеральным законом от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [2] возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей) – граждан РФ по рождению исключительно у лиц, имеющих гражданство РФ на день рождения ребенка.

Аналогичным образом основаниями присвоения звания «Мать-героиня» в РФ, что, в свою очередь, влечет применение мер господдержки на федеральном и региональном уровнях, является факт рождения и воспитания гражданкой РФ десяти и более детей – граждан Российской Федерации, составляющих социально ответственную семью, обеспечивающую надлежащий уровень заботы о здоровье, образовании, физическом, духовном и нравственном развитии [9].

Удачным примером определения категории лиц, претендующих на меры государственной поддержки, являются положения Федерального закона от 13.07.2024 г. № 179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» [4]. В силу ч. 1 чт. 1 указанного закона право на получение выплаты предоставляется работающим родителям (усыновителям, опекунам, попечителям), имеющим двух и более детей, являющихся гражданами РФ и постоянно проживающих в РФ, при условии, что первые также являются гражданами РФ, постоянно проживают на территории РФ, являются налоговыми резидентами РФ и с их доходов от трудовой, предпринимательской и профессиональной деятельности уплачен налог на доходы физических лиц в году, предшествующем году обращения за назначением выплаты.

В этой связи представляется взвешенной позиция Н.М. Артемова, полагающего необходимым постановку вопроса «о справедливости выплат пенсий, включая персональные пенсии и надбавки, физическим лицам, “потерявшим связь с Российской Федерацией” (постоянно проживающих за пределами страны, имеющих вид на жительство или гражданство другого государства, вводившего когда-либо санкции в отношении Российской Федерации)» [11, с. 36]. Получение данными лицами мер государственной поддержки «на фоне отсутствия их официальных заявлений в поддержку действий и политики Российской Федерации либо публичных антироссийских высказываний является крайне несправедливым по отношению ко всему российскому обществу» [11, с. 36].

Подводя итоги изложенному, обозначим следующие выводы:

– конституционно-правовое восприятие понятий «гражданственность», «общероссийская гражданская идентичность» предполагает осуществление отраслевого правового регулирования с учетом содержания обозначенных категорий;

– анализ источников финансового права позволил выявить примеры финансово-правовых механизмов, посредством которых достигаются цели и задачи государственной национальной политики Российской Федерации;

– характеристики понятий «гражданственность», «общероссийская гражданская идентичность» способствуют выявлению и раскрытию содержания принципа финансовой солидарности государства и общества.

Таким образом, конституционализация понятий «гражданственность», «общероссийская гражданская идентичность» посредством формирующей правовой статус и имеющей специфические признаки финансовой правосубъектности физических лиц, а также выступающих в качестве основ финансово-правового статуса физических лиц конституционных и финансово-правовых норм и

принципов, а также документов стратегического планирования, определяет содержание элементов финансового-правового статуса физических лиц и, кроме того, создает дополнительные основания для классификации финансово-правовых статусов физических лиц.

Список литературы

1. Федеральный закон от 23.12.2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.

2. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 19.

3. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5222.

4. Федеральный закон от 13.07.2024 г. № 179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» // СЗ РФ. 2024. № 29 (ч. III). Ст. 4108.

5. Федеральный закон от 28.11.2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 48 (ч. I). Ст. 7236.

6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

8. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 48 (ч. IV). Ст. 7312.

9. Постановление Правительства РФ от 22.12.2016 г. № 1438 «Об утверждении Правил выплаты единовременного денежного поощрения одному из родителей (усыновителей) при награждении орденом “Родительская слава”, медалью ордена “Родительская слава” или матери при присвоении ей звания “Мать-героиня” и финансового обеспечения расходов, связанных с указанной выплатой, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 1 (ч. I). Ст. 174.

10. Распоряжением Правительства от 05.03.2022 u/ № 430-р // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

11. Артемов Н.М. Социальная справедливость в финансовом праве // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 6. С. 33–39.

12. Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 52 с.

13. Важная информация для граждан России // Официальный сайт Генерального консульства Российской Федерации в Бонне [Электронный ресурс]. URL: https://bonn.mid.ru/ru/press-

centre/news/vazhnaya_informatsiya_dlya_grazhdan_rossii/ (дата обращения: 13.01.2026).

14. Гандалоев Р.Б. Институт гражданства в Российской Федерации: политико-правовой анализ: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2014. 22 с.

15. Заседание дискуссионного клуба «Валдай»: Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XXII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официльный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL.: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134 (дата обращения: 28.12.2025).

16. Информация Банка России от 05.12.2025 г. «Банк России с 8 декабря снимает ограничения на перевод средств за рубеж для граждан России и дружественных стран» // СПС «Гарант».

17. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда РФ, одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 г. // СПС «Гарант».

18. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 240 с.

19. Лебедев В.А. Финансовое право // Золотые страницы финансового права / науч. ред. А.Н. Козырин. М.: Статут, 2000. Т. 2. 461 с.

20. Орлов М.Ф. О государственном кредите // Золотые страницы финансового права. Т. 1. У истоков финансового права / науч. ред. А.Н. Козырин. М.: Статут, 1998. 432 с.

21. Таева Н.Е. Гражданство и гражданственность: правовые и социальные аспекты взаимосвязи: сборник научных работ. Тверь: издательство Тверского государственного университета, 2025. С. 134–145.

22. Пепеляев С.Г. Санкционное налогообложение иноагентов // Налоговед. 2025. № 10. С. 4–8.

23. Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 264 с.

24. Саудаханов М.В. Человек в конституционном строе Российской Федерации: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. 263 с.

25. Юстус О.И. Развитие принципа взаимного доверия государства и общества в условиях цифровой экономики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 84–93.

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код 6648-9867, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

The influence of the concept of "citizenship" on the formation and implementation of the financial and legal status of individuals

O.I. Justus

Tver State University, Tver

Within the framework of the presented article, the interdisciplinary categories "citizenship" and "all-Russian civic identity" are analyzed, the process of their constitutionalization is clarified, as well as their accounting and manifestation in financial and legal norms. The opinion is substantiated, according to which the characteristics of these concepts contribute to the identification and disclosure of the content of the principle of financial solidarity between the state and society. It is concluded that the perception and understanding of the concepts of "citizenship" and "all-Russian civil identity" by the science of constitutional law makes it possible to determine their impact on the financial legal personality of individuals, the content of the elements of the financial and legal status of individuals, and also creates additional grounds for classifying the financial and legal statuses of individuals.

Keywords: *citizenship, all-Russian civil identity, financial and legal status of individuals, principle of financial solidarity of the state and society, legal status of a foreign agent.*

About author:

YUSTUS Olga – PhD in Law, associate Professor of the Department of constitutional, administrative and customs law of Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 6648-9867, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Юстус О.И. Влияние понятия «гражданственность» на формирование и реализацию финансово-правового статуса физических лиц // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 232–241.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 342.71:342.1/.2:341.217(4-11)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.242

Единство народов как конституционно-правовая ценность: интеграционный потенциал миграционного законодательства (на примере регулирования статуса граждан государств – участников ЕАЭС)

А.Д. Емельяненко

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина», г. Москва

Статья посвящена анализу конституционно-правовой ценности единства народов и ее реализации через правовые механизмы Евразийского экономического союза. В связи с этим возникает вопрос: в какой мере право ЕАЭС реализует именно ценностное, а не только экономическое единство. Автор выявляет интеграционный потенциал права ЕАЭС как инструмента воплощения этой ценности. Исследование показывает, что существующие механизмы успешно формируют функциональное, экономическое единство, но недостаточно способствуют социокультурной интеграции – формированию чувства принадлежности к единому сообществу, уважению к институтам принимающей страны. При этом, как отмечается в научной литературе, приравнивание прав трудящихся из ЕАЭС ограничено только трудовой сферой, а принимающее общество демонстрирует высокий запрос на ограничение миграции.

Ключевые слова: *единство народов России, конституционная ценность, Евразийский экономический союз, правовой статус граждан ЕАЭС, функциональное единство, социокультурная интеграция, общероссийская идентичность.*

Конституция Российской Федерации, закрепляет в ряде статей (ст. 3, ст. 69, ст. 75.1) ценность единства многонационального народа России [1]. В современных условиях одним из важнейших каналов, через который эта ценность наполняется реальным содержанием, выступают правовые механизмы Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). При этом важно подчеркнуть, что единство народов не может ограничиваться государственными границами, особенно в отношении стран, которые связаны с Российской Федерацией не только общим историческим прошлым, но и действующим интеграционным проектом – ЕАЭС. Граждане государств-участников ЕАЭС, законно находящиеся на территории России, вносят вклад в экономику и социальную жизнь, и их полноценная интеграция является необходимой составляющей конституционной ценности единства. Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 г. создал для граждан государств – участников особый правовой режим,

© Емельяненко А.Д., 2026

который объективно способствует сближению народов [2]. Однако остается недостаточно исследованным вопрос: в какой мере созданный режим действительно реализует конституционно-правовую ценность единства народов, а не только экономическую выгоду как для принимающего государства-участника? Статья направлена на выявление и оценку интеграционного потенциала правовых норм ЕАЭС как инструмента воплощения этой ценности.

Категория «единство народов» прошла эволюцию от классовой солидарности трудящихся в советских конституциях до многонационального народа как носителя суверенитета и источника власти в действующей Конституции (ст. 3) [1]. Конституционная ценность единства народов не может быть реализована исключительно на уровне национального права стран ЕАЭС – необходима общая идеологическая и политическая основа. Как показывают исследования, такая основа уже заложена в конституциях государств-участников. Как отмечают М.В. Баглай, Ю.И. Лейбо и Л.М. Энтин, «на конституционном уровне закрепляются многообразие политических институтов и мнений, а также запрет на провозглашение какой-либо идеологии в качестве государственной» [6, с. 808]. При этом во всех конституциях государств – участников ЕАЭС «народ провозглашается единственным источником государственной власти».

Таким образом, наличие общей конституционно-правовой основы для единства народов в странах ЕАЭС является необходимым, но не достаточным условием его реального воплощения. Само по себе признание народа источником власти и запрет государственной идеологии не гарантируют сближения народов в социокультурном измерении.

В этой связи необходимо различать интеграцию и ассимиляцию. Как подчеркнуто в стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, действующей на период до 2025 г. [5], государственная национальная политика исходит из необходимости сохранения культурного и языкового многообразия, при этом формируя общероссийскую гражданскую идентичность.

Принятая на смену ей стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, вступившая в силу с 01.01.2026 г. и действующая до 2036 г. [4], не только развивает, но и заметно усиливает внимание к вопросам общероссийской идентичности и адаптации мигрантов. Под мигрантами понимаются иностранные граждане, законно находящиеся на территории Российской Федерации, прежде всего граждане государств – участников ЕАЭС. В качестве центральной задачи в стратегии провозглашается «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и общероссийской гражданской идентичности» (п. 35). Особого внимания заслуживает введение качественно новых целевых показателей: к 2036 г. планируется

достичь уровня общероссийской гражданской идентичности не менее 95 %, доли граждан, отмечающих отсутствие дискриминации по национальному и языковому признаку, – не менее 90 %, а также охватить мероприятиями по адаптации не менее 70 % иностранных граждан (п. 59). Впервые в стратегическом документе такого уровня закреплен блок задач, непосредственно касающихся миграционной сферы: «совершенствование механизмов содействия адаптации иностранных граждан к условиям жизни в российском обществе», включая создание адаптационных центров, разработку программ для трудовых мигрантов и формирование инфраструктуры, обеспечивающей освоение русского языка и традиционных российских ценностей (подп. «б» п. 40) [4]. Таким образом, новая стратегия напрямую связывает конституционную ценность единства народов с эффективной интеграцией мигрантов, включая граждан ЕАЭС.

Применительно к мигрантам из ЕАЭС это означает, что требование владения русским языком, уважения к законам и институтам принимающей страны не должно превращаться в принудительную ассимиляцию и отказ от собственной культуры. Именно баланс между открытостью и требованием лояльности составляет суть конституционной ценности единства. Особую роль играет ст. 69 Конституции Российской Федерации, обязывающая государство защищать права коренных малочисленных народов и соотечественников за рубежом, а также ст. 75.1, закрепляющая принципы социального партнерства [1]. В контексте миграции единство народов России требует, чтобы правовой статус иностранных граждан, законно находящихся на территории России, не создавал непреодолимых барьеров для их интеграции и не порождал чувства отчужденности.

Договор о ЕАЭС закрепил для граждан государств-членов ряд особенностей по отношению к статусу «стандартного» иностранного гражданина. В соответствии с п. 1 ст. 97 указанного Договора трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности. Пункт 1 ст. 98 Договора о ЕАЭС гарантирует признание документов об образовании, ученых степенях и стажа без дополнительных процедур. Социальное обеспечение, включая пенсии и медицинскую помощь, осуществляется на тех же условиях, что и для граждан России, даже с учетом стажа, приобретенного на территории любого другого государства-члена (п. 3 ст. 98) [2]. Важную роль в единообразном применении этих норм играет Суд ЕАЭС. Так, в консультативном заключении Суда ЕАЭС от 28.03.2024 г. № Р-2/24 были даны разъяснения относительно применения положения о социальных гарантиях в ЕАЭС [3]. В совокупности эти нормы создают функциональное единство на рынке труда и в социальной сфере. Гражданин ЕАЭС, работающий в России, не рассматривается как «обычный иностранный работник» – он пользуется правами,

практически приравненными к правам россиянина в экономической плоскости. Как справедливо отмечает А.Е. Постников, «наряду с традиционными режимами международно-правового и национально-правового обеспечения правового статуса человека для этого также могут быть использованы транснациональные правовые инструменты» [8, с. 191].

Приравнивание трудящегося из государства-участника ЕАЭС к гражданам принимающей страны не является абсолютным – оно ограничено только трудовой и смежными сферами, тогда как во всех остальных отношениях такой работник сохраняет статус иностранца. Как отмечают М.Л. Энтин, В.В. Войников и Д.В. Галушко, «трудящиеся из других государств-членов приравниваются в правах к гражданам страны трудоустройства только в трудовой и некоторых смежных сферах. Во всем остальном указанные лица с точки зрения права принимающего государства рассматриваются как иностранцы» [9, с. 706].

Таким образом, уже на уровне экономических и социальных прав формируется основа для функционального единства. Однако для того чтобы оценить, насколько полно этот потенциал реализован, необходимо обратиться к социокультурному измерению интеграции.

Оценка ресурса сближения должна учитывать такие измерения, как: мобильность рабочей силы, снижение административных барьеров, формирование чувства принадлежности к единому сообществу, знание языка и уважение к институтам принимающей страны.

Согласно мониторингу, проведенному Евразийской экономической комиссией, в 2025 году было рассмотрено 196 проблемных вопросов от предпринимательского сообщества, что свидетельствует о востребованности правовых механизмов ЕАЭС в экономической сфере. Однако структура этих обращений показывает, что вопросы трудовой миграции практически не попадают в поле зрения союзных органов (в 2025 г. поступило лишь одно обращение). Это само по себе не может служить прямым индикатором успешности или неуспешности интеграции, но с учетом социологических данных, приведенных В.М. Капицыным, можно говорить, что 78 % россиян выступают за ограничение притока мигрантов, тем самым можно сделать вывод о сохраняющемся разрыве между экономической и социокультурной интеграцией [7, с. 94].

Таким образом, интеграционный потенциал правовых механизмов ЕАЭС востребован прежде всего с экономической стороны, тогда как его социокультурный элемент остается нераскрытым. Анализ показывает, что правовые механизмы ЕАЭС действительно обладают интеграционным потенциалом, способствующим реализации конституционно-правовой ценности единства народов. Свобода передвижения рабочей силы, признание документов об образовании и социальные гарантии создают объективную основу для солидарности

граждан разных государств. Однако данный потенциал остается не полностью раскрытым, поскольку существующие механизмы формируют преимущественно функциональное, экономическое единство, тогда как социокультурная составляющая конституционной ценности задействована слабо. Принятие новой стратегии государственной национальной политики, где впервые закреплены целевые показатели адаптации иностранных граждан и соответствующие механизмы, свидетельствует о признании этой проблемы на высшем уровне. Как показывают исследования, приспособление мигрантов к новым условиям не тождественны интеграции. При этом принимающее общество в России демонстрирует высокий запрос на ограничение миграции, что создает дополнительные барьеры для социокультурной интеграции даже законно находящихся граждан ЕАЭС. Согласно определению Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, которое приводит В.М. Капицын, «интеграция – это двунаправленный, многогранный, динамичный, долговременный, непрерывный и добровольный процесс. Интеграция основывается на взаимном приспособлении, равных возможностях и одобрении как всеми гражданами третьих стран и их потомками, так и принимающим обществом» [7, с. 92–95]. Автор также отмечает, что, по данным ВЦИОМ, «четко выражен запрос большинства граждан на ограничение притока мигрантов в Россию. Об этом заявляют 78 %», а попытки упростить получение гражданства для мигрантов из стран СНГ поддерживают лишь 19 % опрошенных. В этих условиях даже закрепленные в праве ЕАЭС экономические гарантии не способны автоматически преодолеть «культурную дистанцию и эксклюзию мигрантов» [7, с. 92–95].

Сохраняющийся разрыв между экономической и ценностной интеграцией представляет собой значимую научную и практическую проблему, требующую дальнейшего междисциплинарного осмысления как в теории конституционного права, так и в праве ЕАЭС. Таким образом, для полноценной реализации конституционно-правовой ценности единства народов требуется дополнить экономическую интеграцию ЕАЭС системными мерами социокультурной адаптации, ориентированными как на мигрантов, так и на принимающее государство.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru, 16.01.2015 (дата обращения: 15.04.2026).

3. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 28.03.2024 г. № Р 2/24 «О разъяснении пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС» // Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: https://courteurasian.org (дата обращения: 15.04.2026).

4. Указ Президента РФ от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 48 (Часть IV). Ст. 7312.

5. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

6. Баглай М.В. Конституционное право зарубежных стран: учебник / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 864 с.

7. Капицын В.М. Миграционная политика: опыт России и зарубежных стран: учебник. М.: ИНФРА-М, 2026. 418 с.

8. Постников А.Е. Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2025. 248 с.

9. Теория и практика правового регулирования мировых интеграционных процессов: учебник: в 2 т. Т. I / отв. ред. В.В. Войников, М.Л. Энтин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 912 с.

Об авторе:

ЕМЕЛЬЯНЕНКО Андрей Дмитриевич – аспирант 1 курса научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1), e-mail: s300020994@edu.msal.ru

The unity of peoples as a constitutional and legal value: the integration potential of migration legislation (on the example of regulating the status of citizens of the EAEU Member States)

A.D. Emelyanenko

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA), Moscow

The article is devoted to the analysis of the constitutional and legal value of the unity of peoples and its implementation through the legal mechanisms of the Eurasian Economic Union. In this regard, the question arises: to what extent does the law of the EAEU realize value, and not just economic unity. The author identifies the integration potential of the EAEU law as a tool for embodying this value. The study shows that the existing mechanisms successfully form a functional, economic unity, but do not sufficiently contribute to socio–cultural integration - the formation of a sense of belonging to a single community, respect for the institutions of the host country. At the same time, as noted in the

scientific literature, the equalization of the rights of workers from the EAEU is limited only to the labor sphere, and the host society demonstrates a high demand for limiting migration.

Keywords: *unity of the peoples of Russia, constitutional value, Eurasian Economic Union, legal status of citizens of the EAEU, functional unity, socio-cultural integration, national identity.*

About author:

EMELIANENKO Andrey – is a 1st–year postgraduate student in the scientific specialty 5.1.2. Public Law (State Law) Sciences of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (123242, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, p. 1), e-mail: s300020994@edu.msal.ru

Емельяненко А.Д. Единство народов как конституционно-правовая ценность: интеграционный потенциал миграционного законодательства (на примере регулирования статуса граждан государств-участников ЕАЭС) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 242–248.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 343.1
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.249

Тактика работы защитника на стадии фиксации показаний[1]

Ж.С. Ерофеева

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск

Статья посвящена проблеме участия защитника на стадии фиксации показаний при допросе – наиболее распространенном следственном действии, формирующем ключевую часть доказательственной базы. На основе анализа 20 протоколов допроса, нормативных актов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, научной литературы и опроса практикующих адвокатов автором выявлены системные процессуальные ошибки, отсутствие специализированных методических рекомендаций и потребность в разработке детализированной тактики работы адвоката. Сделан вывод о необходимости создания единообразных алгоритмов действий защитника для повышения юридической

значимости показаний и обеспечения прав доверителя.

Ключевые слова: *допрос, фиксация показаний, защитник, протокол допроса, тактика защиты, следственные ошибки, недопустимые доказательства.*

Стадия фиксации показаний в ходе допроса имеет важное значение в системе уголовного судопроизводства, поскольку в результате ее реализации в материалах уголовного дела формируется один из наиболее распространенных видов доказательств – показания. Допрос представляет собой следственное действие, направленное на получение и процессуальное закрепление сведений об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела.

Именно допрос выступает наиболее распространенным следственным действием, в рамках которого формируется значительная часть доказательственной базы по уголовному делу. По данным учебной и научной литературы, существенная часть процессуального времени следователя затрачивается именно на проведение допросов, что обусловливает их значимость как с количественной, так и с содержательной точки зрения [10].

По количеству и значению допросы занимают ведущее место среди иных процессуальных действий, поскольку посредством показаний подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших осуществляется первичное закрепление фактических обстоятельств дела, которое в дальнейшем уточняется и подтверждается иными доказательствами. В учебной литературе по уголовному процессу допрос рассматривается как

[1] Статья опубликована по итогам II Международного конкурса студенческих научных работ памяти профессора П.А. Кучеренко «Институт адвокатуры и его роль в современном правовом государстве». Конкурс проводится РУДН им. П. Лумумбы, юридический факультет ТвГУ выступает соорганизатором Конкурса (приказ № 4-р от 13.01.2026 г.).

© Ерофеева Ж.С., 2026

ключевое коммуникативное следственное действие, лежащее в основе формирования доказательственной информации [10].

В этих условиях особое значение приобретает участие защитника в процессе фиксации показаний. От того, насколько грамотно, своевременно и последовательно адвокат реагирует на формулировки вопросов, способ отражения ответов в протоколе, полноту и точность занесения показаний, во многом зависит соблюдение прав доверителя и последующая оценка доказательств субъектами доказывания по уголовному делу.

Анализ учебной литературы по уголовному процессу показывает, что при достаточной разработанности тактики участия защитника в допросе самостоятельная тактика работы адвоката именно на стадии фиксации показаний до настоящего времени системно не сформулирована [3].

Таким образом, возникает ситуация, при которой допрос является наиболее распространенным следственным действием, а фиксация показаний его юридически значимой и доказательственной составляющей, однако комплексной научно разработанной тактики участия защитника на данном этапе фактически не существует. Это обусловливает актуальность выбранной темы и необходимость выработки практических рекомендаций, направленных на обеспечение эффективной защиты прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

В ходе исследования нами был проведен анализ реальных протоколов допросов, предоставленных институтом для научной работы. Всего изучено 20 протоколов, при этом особое внимание уделялось соответствию их требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в частности ст. 164, 166, 187, 190 [1]. Анализ показал, что во всех изученных протоколах присутствуют системные нарушения, которые снижают юридическую значимость показаний и могут негативно влиять на оценку доказательств. Среди наиболее часто выявляемых ошибок можно выделить следующие:

1) отсутствуют сведения об использовании технических средств при допросе;

2) в протоколах отсутствуют вопросы и ответы, что является самой распространенной ошибкой;

3) не указан номер кабинета, где проводился допрос;

4) не указана должность сотрудника, проводившего допрос;

5) нет подписи в месте объявления о применении технических средств;

6) отсутствуют подписи участников допроса.

Особое внимание привлекает системный недостаток: во всех проанализированных протоколах отсутствуют замечания защитников. Несмотря на то, что участие адвоката на стадии фиксации показаний является обязательным элементом защиты прав доверителя, на практике

замечания либо не вносятся, либо полностью игнорируются. Мы лично изучили каждый протокол и убедились, что это упущение создает риск нарушения прав допрашиваемых и снижает качество оформления процессуальных документов, например, отсутствие замечаний на отсутствие вопросов не позволит в дальнейшем объективно оценить наличие наводящих вопросов при допросе, а наличие адвоката подтвердит абсолютную законность полученных показаний [8].

Таким образом, проведенный анализ подтверждает необходимость выработки эффективной тактики работы защитника на стадии фиксации показаний. Такая тактика позволила бы минимизировать системные ошибки в протоколах, обеспечить полноценный контроль со стороны адвоката и повысить юридическую значимость показаний.

Для анализа существующей нормативно-методической базы по участию защитника в уголовном процессе мы изучили официальные документы Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ) в открытом доступе. ФПА РФ является коллегиальным органом адвокатского самоуправления, задачей которого является разработка корпоративных актов, стандартов и рекомендаций, обязательных к применению адвокатами и адвокатскими палатами на территории РФ. При этом из всех доступных документов ФПА РФ отсутствуют специальные методические рекомендации, регламентирующие тактику работы защитника при участии в допросе подозреваемых, обвиняемых, потерпевших или свидетелей. Ни в одном из официальных пакетов рекомендаций не содержатся подробные инструкции, алгоритмы действий или примеры поведения адвоката именно на стадии фиксации показаний в допросе.

Рассмотренные документы ФПА РФ включают:

1. Методические рекомендации по ведению адвокатского производства, направленные на формирование и ведение адвокатского дела, но не конкретизирующие действия защитника при участии в следственных действиях, в том числе допросе [7].

2. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденный Всероссийским съездом адвокатов, который содержит общие положения об осуществлении защиты, но не дает детальных рекомендаций по тактике участия защитника в допросе [9].

3. Рекомендации по защите прав адвокатов при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката – документ, подробно регламентирующий участие представителей адвокатских палат при определенных следственных действиях, но не относящийся к участию в допросе доверителей защитника [8].

4. Другие корпоративные документы и рекомендации ФПА РФ, касающиеся, например, сайтов адвокатов или взаимодействия с

государственными органами, не содержат практических указаний по допросу.

Кроме того, анализ стандартов показывает, что ФПА РФ не публикует специализированных методических рекомендаций, ориентированных именно на тактику защитника в отношении вопросов допроса подозреваемых и свидетелей. Стандарт защиты в уголовном процессе дает общий каркас прав и обязанностей защитника, но не конкретизирует, как именно следует действовать адвокату на уровне вопросов, коррекции протокола или предъявления замечаний при фиксировании показаний, что особенно важно в свете выявленных нами ошибок в реальных протоколах [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что в отечественной практике отсутствует завершенный и формализованный свод методических рекомендаций, который бы содержал подробные правила поведения адвоката на стадии фиксации показаний в частности допроса. Это означает, что защитники вынуждены ориентироваться на общие положения уголовно-процессуального законодательства и собственный профессиональный опыт, что может приводить к непоследовательному применению тактики участия и пропуску ошибок, выявленных в протоколах (таких как отсутствие вопросов и ответов, неверная идентификация личности и др.).

Исходя из вышеизложенного выходит, что имеющиеся нормативные документы ФПА РФ не содержат специализированных рекомендаций для защитника по тактике участия в допросе, а существующие стандарты носят общий характер и не дают практических алгоритмов действий. Это подчеркивает актуальность исследования и необходимость разработки таких рекомендаций на уровне профессионального сообщества.

Проблема участия защитника на стадии фиксации показаний при допросе активно исследуется в отечественной юридической литературе и учебных изданиях по уголовному процессу и криминалистике. Анализ существующих источников позволяет выявить ключевые направления исследований и особенности их практического применения.

Материал в монографии Л.А. Суворовой «Идеальные следы в криминалистике» дает теоретическую основу для понимания роли протокола допроса как источника доказательств и позволяет соотнести криминалистические принципы фиксации информации с практикой уголовного процесса [2]. В научной литературе подробно рассматриваются ошибки, возникающие при составлении протоколов допросов, и способы их использования стороной защиты. Так, статья Баянова А.И., Назарова А.Д., Сидоровой Н.А. и Стойко Н.Г. «Следственные ошибки при составлении протокола допроса и их использование стороной защиты» (2022 г.) в Вестнике Санкт-Петербургского государственного университета содержит анализ типичных процессуальных ошибок и их практическое применение в

интересах защитника [3]. Этот материал полезен для формирования представления о значимости участия адвоката на стадии фиксации показаний.

В рамках уголовного процесса вопросы следственных ошибок рассматриваются в статье Кузовенковой Ю.А. и Ульянова И.Н. «Следственные ошибки в уголовном процессе» (2023 г.) [6]. Авторы классифицируют ошибки, обсуждают их последствия для расследования и судебного процесса, что позволяет увидеть практическую значимость корректного оформления допросов. Криминалистический аспект допроса как следственного действия анализируется в статье Загорьяна С.Г. и Котельниковой О.А. «Допрос как следственное действие в российском уголовном судопроизводстве» (2023 г.) [5]. Исследование рассматривает процессуальные и тактические особенности допроса, включая взаимодействие следователя и допрашиваемого, что важно для выработки стратегии защитника.

Практическое значение участия защитника на стадии допроса обсуждается также в публикации Балабаевой А.С. и Славгородской О.А. «Тактика допроса на предварительном следствии: выявление и предотвращение ошибок» (2023 г.) [2]. Авторы анализируют типичные ошибки следователя и предлагают меры их предотвращения, что создает полезный контекст для анализа роли адвоката. Дополнительно, Буракова Е.Е. в статье «К вопросу о следственных ошибках: криминалистический срез» (2024 г.) рассматривает общие аспекты следственных ошибок и их влияние на процесс, подчеркивая значимость правильного оформления процессуальных документов, включая протоколы допросов [4].

Таким образом, обзор литературы демонстрирует, что вопросы фиксации показаний, ошибки при допросе и участие защитника рассматриваются в научной и учебной литературе. В источниках представлены как теоретические положения, так и практические рекомендации по выявлению и использованию ошибок, однако систематизированного набора методических указаний для защитника на стадии фиксации показаний в допросе пока не сформировано. Это подчеркивает актуальность практического исследования и необходимости разработки более детализированных рекомендаций для адвокатов.

Для уточнения практических подходов защиты к участию на стадии фиксации показаний подозреваемых и обвиняемых был проведен опрос практикующих адвокатов (было опрошено 3 действующих адвоката). Основной целью исследования являлось выявление их опыта и мнений о том, какие аспекты протокола допроса требуют обязательной проверки, в каких случаях и каким образом вносятся замечания, а также когда и на какой стадии процесса может быть заявлено ходатайство о признании протокола недопустимым доказательством.

Опрос включал следующие вопросы:

1. Какие элементы протокола допроса защитник обязан проверять при ознакомлении?

2. Какие замечания может или должен делать защитник в протоколе допроса?

3. Обязателен ли порядок внесения замечаний или это зависит от тактики защиты?

4. В каких случаях следует заявлять ходатайство о признании протокола недопустимым доказательством, на какой стадии процесса и какими доводами это обосновывать?

Анализ ответов:

1. Проверка содержания и реквизитов протокола.

Все опрошенные адвокаты отметили важность проверки основных реквизитов протокола допроса. К ним относятся: дата и время проведения следственного действия, место допроса, корректность введенных персональных данных, наличие и правильность разъяснения прав и обязанностей допрашиваемого, фиксация участия защитника. Особое внимание уделяется содержанию вопросов следователя и ответов подозреваемого: ответы должны быть отражены точно и полно. Если формулировки в протоколе искажают суть сказанного, адвокат вправе просить следователя их переформулировать или внести изменения до подписания документа.

Эти подходы соотносятся с выводами, представленными в научной литературе о значении точной фиксации показаний и необходимости контроля за соблюдением общих требований уголовно-процессуального законодательства [2, 3].

2. Характер замечаний защитника.

Замечания, по мнению респондентов, могут касаться как неверных или неполных формулировок ответов допрашиваемого, так и нарушений процессуальной процедуры: отсутствия участия защитника, неправильного указания времени и места проведения, ошибок в указании реквизитов. В исключительных случаях адвокат может указать на факты словесного давления или иных недопустимых действий следователя.

Такие практические замечания позволяют защитнику влиять на формирование доказательной базы, в том числе предотвращать возможные споры о допустимости показаний в дальнейшем.

3. Внесение замечаний как тактический шаг.

Респонденты отметили, что внесение замечаний не является формально обязательным при каждом ознакомлении с протоколом, однако рекомендуется, если имеются процессуальные нарушения или содержательные искажения показаний. Вынесение замечаний рассматривается как важный тактический шаг, направленный на защиту прав подозреваемого и создание оснований для корректной оценки доказательств в будущем.

4. Признание протокола недопустимым доказательством.

Адвокаты указали, что ходатайство о признании протокола недопустимым доказательством может быть заявлено только в случае нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, например положений ст. 46 УПК РФ (право на защиту), ст. 189 УПК РФ (основные требования к допросу), а также иных норм, связанных с порядком ведения допроса. В зависимости от тактики дела такое ходатайство может быть заявлено как на стадии предварительного следствия, так и в судебном заседании, особенно если показания призываются к оглашению, но не подтверждены в суде. В обосновании ходатайства адвокат указывает на конкретные нарушения закона и их влияние на достоверность и допустимость полученных показаний.

Проведенный опрос наглядно демонстрирует, что защитники в своей практике системно уделяют внимание как формальной проверке реквизитов протокола допроса, так и содержательному анализу зафиксированных показаний, рассматривая стадию их фиксации в качестве ключевого элемента формирования доказательственной базы. Замечания к протоколу выступают не только средством устранения неточностей, но и процессуальным инструментом, который обеспечивает последующую оценку допустимости и достоверности доказательств.

Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют о недостаточной унификации практики внесения замечаний: выбор их объема, формы и момента заявления во многом определяется индивидуальной тактикой защитника и его профессиональным опытом. Это доказывает необходимость выработки более четкого алгоритма действий, который мог бы служить ориентиром для правоприменительной практики.

С учетом обобщения позиций респондентов представляется возможным сформулировать следующий алгоритм действий защитника при ознакомлении с протоколом допроса и внесении в него замечаний:

1) первичный формальный контроль протокола: проверка наличия и корректности обязательных реквизитов (дата, время, место, данные участников, отметки о разъяснении прав, участие защитника);

2) содержательный анализ показаний: сопоставление фактически данных подзащитным ответов с их письменной фиксацией, выявление искажений, сокращений, логических несоответствий;

3) выявление процессуальных нарушений: установление возможных отступлений от установленного порядка допроса, включая отсутствие защитника, давление на допрашиваемого, некорректную форму вопросов;

4) незамедлительное реагирование до подписания протокола: инициирование внесения исправлений и дополнений следователем либо самостоятельное формулирование замечаний с требованием их включения в протокол;

5) фиксация замечаний в письменной форме: изложение замечаний максимально конкретно, с указанием, какие именно фрагменты протокола

являются недостоверными или неполными, а также в чем выражается нарушение процедуры.

На основе данного алгоритма могут быть сформулированы следующие практические рекомендации для защитников:

1. Вносить замечания во всех случаях выявления искажений содержания показаний либо нарушений процессуальной формы, не ограничиваясь устными возражениями.

2. Формулировать замечания юридически точно и предметно, избегая оценочных и расплывчатых выражений.

3. Фиксировать не только содержание несоответствий, но и обстоятельства их возникновения (включая возможное давление или иные нарушения).

4. Учитывать перспективу последующего судебного разбирательства, рассматривая каждое замечание как потенциальное основание для оспаривания допустимости доказательства.

5. Выстраивать стратегию внесения замечаний с учетом общей линии защиты, обеспечивая баланс между полнотой фиксации нарушений и процессуальной целесообразностью.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что стандартизация подходов к внесению замечаний в протокол допроса и формирование четкого алгоритма действий защитника способны повысить эффективность реализации права на защиту и способствовать более единообразному применению уголовно-процессуальных норм на практике.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Балабаева А.С., Славгородская О.А. Тактика допроса на предварительном следствии: выявление и предотвращение ошибок // Эксперт-криминалист. 2023. № 4. С. 13–15.

3. Баянов А.И., Назаров А.Д., Сидорова Н.А., Стойко Н.Г. Следственные ошибки при составлении протокола допроса и их использование стороной защиты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 4. С. 927–946.

4. Буракова, Е.Е. К вопросу о следственных ошибках: криминалистический срез // Молодой ученый. 2024. № 18 (517). С. 178–179.

5. Загорьян С. Г., Котельникова ОА. Допрос как следственное действие в Российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск. 2023. № 2 (105). С. 155–164.

6. Кузовенкова Ю.А., Ульянов И.Н. Следственные ошибки в уголовном процессе // Юридический аналитический журнал. 2023. № 18 (4). С. 40–49.

7. Методические рекомендации по ведению адвокатского производства: утв. Советом ФПА РФ 12.04.2022 (протокол № 4) [Электроннный ресурс]. URL:

https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-the-maintenance-bar-production/ (дата обращения: 10.01.2026).

8. Рекомендации по защите прав адвокатов при производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката: утв. Советом ФПА РФ 16.11.2020 (протокол № 15) [Электроннный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rekomendatsii-komissii-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoy-federatsii-po-obespecheniyu-uch/ (дата обращения: 10.01.2026).

9. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве : утв. IX Всероссийским съездом адвокатов 15.04.2021 (с изм. от 22.04.2022) [Электроннный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/ (дата обращения: 10.01.2026).

10. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике. М. : Юрлитинформ, 2006. 200 с.

Об авторе:

ЕРОФЕЕВА Жанна Сергеевна – студентка ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (660041, г. Красноярск, Свободный пр-кт, 79), e-mail: yerofeeva05@mail.ru

Tactics of the Defence lawyer's work at the stage of fixing the testimony

Z.S. Erofeeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The article is devoted to the problem of the Defence lawyer's participation at the stage of recording testimony during interrogation - the most common investigative action that forms a key part of the evidence base. Based on the analysis of 20 interrogation protocols, regulations of the FPA of the Russian Federation, scientific literature and a survey of practising lawyers, the author identified systemic procedural errors, lack of specialised methodological recommendations and the need to develop detailed tactics for the lawyer's work. It is concluded that it is necessary to create uniform algorithms of the Defence lawyer's actions to increase the legal significance of the testimony and ensure the rights of the principal.

Keywords: *interrogation, recording of testimony, defender, interrogation protocol, Defence tactics, investigative errors, inadmissible evidence.*

About author:

EROFEEVA Zhanna – student of the Siberian Federal University (660041, Krasnoyarsk, Svobodnyy avenue, 79), e-mail: yerofeeva05@mail.ru

Ерофеева Ж.С. Тактика работы защитника на стадии фиксации показаний // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 249–257.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 347.965.125(470)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.258

Защита профессиональных прав адвокатов в России: проблемы и пути их решения[1]

А.О. Куликова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы защиты профессиональных прав адвокатов в Российской Федерации в свете системных нарушений правоохранителей и декларативности гарантий. На основе анализа законодательства, корпоративных механизмов и конституционно-судебной практики определено предметное поле: понятие, система прав, а также уголовно-процессуальные и конституционные гарантии. Результаты свидетельствуют о неэффективности действующего механизма защиты. Сделан вывод о необходимости комплексного реформирования, включающего создание фондов солидарной помощи, страхование профессиональных рисков, введение госпрограммы защиты адвокатов и цифровизацию.

Ключевые слова: *адвокат, профессиональные права, защита профессиональных прав адвокатов, адвокатская тайна, независимость адвокатуры, адвокатский иммунитет.*

Актуальность темы продиктована ключевой ролью адвокатуры в правовом государстве, ведь именно этот институт призван гарантировать конституционное право на квалифицированную юридическую помощь. В последние годы фиксируется устойчивый рост нарушений профессиональных прав адвокатов, что подтверждается статистикой обращений в органы адвокатского самоуправления. Однако, наряду с этим существует и другая проблема: многие адвокаты предпочитают не уведомлять адвокатские палаты о допущенных в отношении них противоправных действиях, что, по сути, способствует закреплению негативных практик и снижает эффективность имеющихся корпоративных механизмов.

Степень научной проработанности вопроса достаточно высока. Разработке данной темы посвящены труды Ю.Ф. Лубшева, А.Г. Кучерены, К.С. Чердынцевой. В значительной степени уяснению обозначенной проблематики способствуют обобщения правоприменительной практики Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ).

[1] Статья опубликована по итогам II Международного конкурса студенческих научных работ памяти профессора П.А. Кучеренко «Институт адвокатуры и его роль в современном правовом государстве». Конкурс проводится РУДН им. П. Лумумбы, юридический факультет ТвГУ выступает соорганизатором Конкурса (приказ № 4-р от 13.01.2026 г.).

 © Куликова А.О., 2026

Цель настоящего исследования – выявить системные дефекты в механизме обеспечения профессиональных прав адвокатов и предложить практические способы устранения указанных дефектов с учетом эволюции корпоративного регулирования, доктринальных идей и международных ориентиров.

Адвокат в Российской Федерации – это особый участник правоотношений. Его деятельность напрямую связана с реализацией конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, что предопределяет наличие специальных гарантий: независимости, адвокатской тайны, неприкосновенности. Эти гарантии закреплены как в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), так и в отраслевом законодательстве.

Под профессиональными правами адвоката обычно понимают те правовые возможности, которые предусмотрены законом и иными нормативными актами и которые реализуются адвокатом в интересах доверителей. В Положении о порядке рассмотрения обращений по вопросам защиты профессиональных прав адвокатов (утв. Решением Совета ФПА РФ от 18.06.2024 г., протокол № 14 (далее – Положение 2024 г.)) справедливо подчеркивается, что данные права представляют собой комплекс полномочий, позволяющих адвокату оказывать квалифицированную юридическую помощь. Применяя комплексное толкование норм ст. 2, 48 Конституции РФ, ст. 2, 6 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) и Положения 2024 г., можно выделить несколько основных прав, которые на практике чаще всего подвергаются умалению:

– право на независимость и самостоятельность;

– право на свободу выражения мнения и убеждений;

– право на получение необходимой информации (включая право на направление адвокатского запроса);

– право на обеспечение адвокатской тайны;

– право на вознаграждение;

– право на личную неприкосновенность в связи с профессией [1, 4, 6].

Реализация этих прав невозможна без принятия государством мер по обеспечению независимости адвокатуры. Такой вывод следует из системного толкования конституционных норм (прежде всего, положений ст. 2, 48 Конституции РФ). Однако на практике нередко возникает противоречие между публично-правовыми интересами (раскрытие преступлений, обеспечение предварительного расследования) и частноправовым статусом адвоката. Объективным выражением данного противоречия являются попытки получения доступа к адвокатской тайне со стороны органов публичной власти (например, органов предварительного расследования), допроса адвоката

в качестве свидетеля, производства у адвоката обыска или иного рода вмешательства в его профессиональную деятельность.

Нормативное регулирование профессиональных прав адвокатов осуществляется как на уровне актов федерального законодательства, так и в формате корпоративного нормотворчества. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ) как институциональный орган адвокатского самоуправления вправе принимать локальные акты, определяющие организационные основы адвокатской деятельности и механизмы реализации права на защиту. В рамках этих полномочий ФПА РФ устанавливает систему и процедуру рассмотрения обращений, связанных с нарушением профессиональных прав.

Сравнение Положения 2024 г. и Порядка осуществления защиты профессиональных прав адвокатов (утв. Решением Совета ФПА РФ 22.03.2021 г., протокол № 22 (далее – Порядок)) показывает как менялись институциональные подходы представителей адвокатского сообщества к обеспечению незыблемости их правового статуса. В рамках Порядка закреплялась достаточно простая модель: адвокат направлял обращение в Комиссию по защите профессиональных прав адвокатов адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации, затем по итогам заседания комиссии решение принимали Президент и Совет региональной палаты [7]. ФПА РФ играла преимущественно методическую роль и подключалась лишь в исключительных случаях.

Положение 2024 г. существенно расширило полномочия как региональных структур, так и ФПА РФ. Была введена многоуровневая система защиты, которая предполагает последовательное прохождение этапов: самозащита адвоката, обращение в региональную комиссию, рассмотрение Советом региональной палаты и при необходимости передача дела в Комиссию ФПА РФ. В документе также закреплены критерии для передачи дела на федеральный уровень: исчерпание региональных средств защиты, массовый характер нарушений, отказ адвокату в защитных мерах на региональном уровне либо объективные препятствия для обращения в региональную палату [6].

Особого внимания заслуживает п. 20 Положения 2024 г., где нормативно закреплен приоритет интересов адвокатского сообщества перед позицией отдельного адвоката. Это свидетельствует об институциональной трансформации: смещении акцента с индивидуально-правовой защиты на обеспечение целостности сообщества как единого субъекта.

Практика рассмотрения обращений в Комиссию по защите профессиональных прав адвокатов Совета Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга (далее – КЗППА), отраженная в обзоре за 2024 г., подтверждает этот вектор. Основанием для реагирования признаются факты нарушения интересов сообщества даже при отсутствии

формального нарушения прав конкретного адвоката. К примеру, публичная критика адвокатом действий другого адвоката, осуществлявшего защиту профессиональных прав, была квалифицирована как нарушение принципа корпоративности и умаление авторитета адвока, что повлекло применение мер корпоративного воздействия.

Для раскрытия сущности данной проблемы представляется необходимым обращение к ряду примеров. Так, в современных условиях производство обыска в жилых и служебных помещениях, занимаемых адвокатом, из исключительной меры трансформируется в стандартную процедуру. Как справедливо отмечалось в ходе обучающего мероприятия для членов комиссий по защите профессиональных прав адвокатов, организованного ФПА РФ 14.11.2025 г., подобная практика несет в себе прямую угрозу сохранности адвокатской тайны, поскольку создает риск раскрытия сведений о доверителях, не имеющих никакого отношения к расследуемому событию. Кроме того, участники мероприятия подчеркнули, что обыск у адвоката нередко используется как инструмент психологического давления не только на конкретного защитника, но и на все адвокатское сообщество, что противоречит принципу независимости адвокатуры, закрепленному в ст. 18 Закона об адвокатуре [9].

Действенным механизмом сдерживания произвола, на наш взгляд, могло бы стать обязательное участие представителя адвокатской палаты при производстве обыска, а также внедрение четкого пошагового алгоритма действий для таких представителей – это позволило бы минимизировать нарушения, связанные с изъятием предметов, составляющих адвокатскую тайну.

Еще один распространенный способ давления – вызов адвоката на допрос в качестве свидетеля [8]. Даже если защитник отказывается от дачи показаний, сам факт составления протокола допроса впоследствии используется для заявления отвода. При этом адвокат не должен являться на допрос без судебного решения, поскольку выяснение обстоятельств, ставших известными в связи с оказанием юридической помощи, допускается только на основании судебного акта.

В Обзоре практики рассмотрения обращений КЗППА Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга за 2024 г. (далее – Обзор) описана ситуация, когда сотрудник полиции потребовал от адвоката сдать мобильный телефон как условие допуска к доверителю. Комиссия признала такое требование не основанным на федеральном законе, указав, что адвокат вправе использовать телефон и иные технические средства для фиксации информации и оказания помощи (подп. 6 п. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, ст. 53 УПК РФ) [2]. При этом ссылки на «секретный приказ» или внутриведомственные правила со стороны сотрудников правоохранительных органов неправомерны, поскольку

ограничения прав возможны исключительно федеральным законом и только в конституционно значимых целях (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Данный вывод согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), изложенной в его Постановлении от 26.05.2022 г. № 21-П [5] и подтверждающей верховенство закона над ведомственными актами.

В том же Обзоре зафиксирована проблема неполноты или неясности ответа на адвокатский запрос. Формальный ответ, не содержащий запрошенных сведений, копий документов либо мотивированного отказа в их предоставлении, признается неправомерным отказом. В таких случаях комиссия ориентирует на обращение в вышестоящий орган либо в суд, а также на необходимость привлечения виновного должностного лица к дисциплинарной ответственности.

Все эти проблемы не только подрывают гарантии адвокатской деятельности, но и ставят под сомнение соблюдение конституционных прав граждан на квалифицированную юридическую помощь. Перечисленные нарушения носят не единичный, а системный характер, что требует не только их надлежащей фиксации в решениях комиссий адвокатских палат, но и последовательного внедрения выработанных механизмов защиты: от судебного санкционирования процессуальных действий в отношении адвоката до неукоснительного соблюдения принципа верховенства закона.

В сфере уголовной юстиции обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В правоприменительной практике имеют место случаи применения к адвокату процессуальных мер, формально не связанных с привлечением к уголовной ответственности, но способных существенно ограничить профессиональную независимость адвоката. К их числу относятся вызов на допрос с последующим отводом, а также попытки привлечения к ответственности за разглашение данных предварительного расследования [8].

По нашему мнению, проблема кроется не столько в отсутствии правовых гарантий, сколько в их декларативном характере. Особый порядок, предусмотренный ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), призван обеспечить дополнительную защиту адвоката от необоснованного уголовного преследования, однако на практике данная цель не всегда может быть достигнута. Судебное санкционирование нередко превращается в формальную процедуру, не препятствующую инициированию необоснованного преследования. В связи с этим заслуживает поддержки подход, закрепленный в Положении 2024 г., где акцент переносится на превентивный контроль со стороны органов адвокатского самоуправления. Предусмотренная в нем необходимость своевременного информирования адвокатских палат о любых процессуальных действиях в отношении адвоката позволяет создать дополнительный

корпоративный фильтр, способный восполнить недостатки судебной процедуры и обеспечить реальное соблюдение профессиональных гарантий.

В научной литературе и практике адвокатского самоуправления немало внимания уделяется процессуальным механизмам защиты, при этом важно различать способы обжалования в зависимости от отрасли процессуального права и статуса лица, подающего жалобу. В статье А.А. Гривцова «Отвод адвоката как способ нарушения его профессиональных прав» содержатся рекомендации по обжалованию решений об отводе применительно к уголовному судопроизводству. Данный автор предлагает обжаловать постановление следователя об отводе адвоката как в порядке ст. 124 УПК РФ (руководителю следственного органа и (или) прокурору), так и в судебном порядке по правилам ст. 125 УПК РФ. При этом обращается внимание на тактический аспект: жалобу целесообразнее подавать от имени доверителя или через другого адвоката, поскольку суды не всегда признают нарушение прав непосредственно адвоката, но зачастую реагируют на нарушение конституционного права доверителя на квалифицированную юридическую помощь [8]. Данный подход, как представляется, отражает объективную сложность судебной защиты процессуального статуса адвоката как самостоятельного участника уголовного судопроизводства и одновременно подтверждает тезис о том, что эффективное восстановление профессиональных прав нередко требует использования процессуальных возможностей, связанных с защитой интересов доверителя.

Иной подход прослеживается в сфере гражданского судопроизводства, где адвокат выступает в качестве представителя. В Обзоре приведен показательный пример: суд отказал в принятии частной жалобы, поданной адвокатом-представителем, действующим на основании ордера. Комиссия разъяснила, что право на обжалование судебных актов в гражданском процессе должно быть специально оговорено в доверенности, выданной доверителем (ст. 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)), тогда как ордер удостоверяет лишь полномочия на ведение дела в суде, но не включает в себя право на самостоятельное апелляционное (частное) обжалование, если иное прямо не предусмотрено соглашением и доверенностью [3]. В связи с этим Комиссией сделан вывод об отсутствии нарушения профессиональных прав адвоката в данной ситуации.

Сопоставление приведенных позиций позволяет заключить, что успешность судебной защиты профессиональных прав адвоката напрямую зависит от правильного выбора процессуальной формы обжалования и надлежащего оформления полномочий. Если законодательство об уголовном судопроизводстве предусматривает

более гибкие механизмы реагирования на нарушения прав адвоката (в том числе через защиту прав доверителя), то в гражданском судопроизводстве строгость формальных требований к объему полномочий представителя требует от адвоката особой осмотрительности.

Отправной точкой для формирования правовых позиций в рассматриваемой сфере выступает Постановление Конституционного Суда РФ № 21-П, на которое Комиссия по защите профессиональных прав адвокатов обоснованно опиралась при рассмотрении дела о предъявлении адвокату требования сдать телефон. Данное судебное решение содержит важное толкование нормативных положений, имеющих гарантийный характер в части обеспечения сохранности адвокатской тайны и недопустимости вмешательства в профессиональную деятельность адвоката. Вместе с тем, как видится, опора исключительно на национальное конституционное законодательство недостаточна: для полноценной защиты адвокатской независимости необходимо активное использование международных стандартов, в частности, принципов, сформулированных в документах Совета Европы и Международной ассоциации юристов, которые устанавливают более высокий уровень гарантий невмешательства в адвокатскую деятельность.

В этом контексте особый интерес вызывают предложения К.С. Чердынцевой. Данный автор обосновывает необходимость создания фондов солидарной помощи для адвокатов, пострадавших от преследований, включая компенсацию утраченного заработка и покрытие расходов на юридическую защиту [10, с. 40]. По нашему мнению, сам факт появления таких предложений свидетельствует о недостаточной эффективности существующего механизма компенсации, который не позволяет адвокату в полной мере восстановить имущественные и профессиональные потери, возникшие в результате необоснованного уголовного преследования или процессуального давления. Развивая эту мысль, следует отметить, что система солидарной ответственности профессионального сообщества способна выполнять не только компенсационную, но и превентивную функцию, демонстрируя государственным органам невыгодность избирательного применения репрессивных мер в отношении отдельных адвокатов. Дополнительным инструментом, на который указывает К.С. Чердынцева, выступает корпоративное страхование профессиональных рисков, позволяющее диверсифицировать источники возмещения вреда и снизить зависимость защитника от исхода индивидуального судебного разбирательства [10, с. 40].

Важно подчеркнуть, что функционирование описанных выше механизмов сугубо на национальном уровне, с нашей точки зрения, нуждается в международно-правовом гарантировании. Как справедливо

отмечает К.С. Чердынцева, необходимо развитие международного сотрудничества адвокатских объединений для перенимания опыта и получения поддержки [10, с. 40]. Данный тезис корреспондирует с Положением 2024 г., в котором сделан акцент на том, что защита профессиональных прав должна соответствовать международным стандартам. По нашему мнению, речь идет не о механическом заимствовании иностранных моделей, а о выработке универсальных критериев независимости адвокатуры, которые признаются в международной практике и могут служить ориентиром для национального правоприменения.

Логическим завершением рассматриваемой системы гарантий выступает постановка вопроса об «адвокатском иммунитете» и необходимости его закрепления в российском законодательстве. Как указывает К.С. Чердынцева, гарантии независимости адвокатов должны быть четкими и не допускать произвольного толкования, что полностью соответствует международным подходам [10, с. 41]. Развивая данное положение, можно заключить, что институт адвокатского иммунитета не должен сводиться лишь к процессуальным изъятиям (особый порядок возбуждения уголовного дела, запрет на допрос об обстоятельствах, ставших известными в связи с оказанием юридической помощи). Его содержательное наполнение предполагает формирование комплексного режима защиты, включающего:

– презумпцию добросовестности адвоката при выполнении профессиональных обязанностей;

– недопустимость использования процессуальных мер (обысков, выемок, допросов) для получения сведений, составляющих адвокатскую тайну;

– эффективные средства обжалования любых действий, попирающих статус адвоката, с возможностью приостановления их исполнения.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная система защиты профессиональных прав адвокатов в России находится в стадии формирования, сочетая конституционно-судебные ориентиры, корпоративные механизмы солидарной ответственности и страхования, а также обращение к международным стандартам. Дальнейшее развитие института адвокатского иммунитета должно идти по пути нормативной конкретизации и устранения правовых пробелов, что позволит обеспечить реальную, а не декларативную независимость адвокатуры как необходимого элемента правового государства.

Как в доктринальных источниках, так и в общих выводах Положения 2024 г. обоснованно акцентируется необходимость внесения изменений в УПК РФ, направленных на установление особого порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката. По нашему

мнению, ключевым элементом таких изменений должно стать введение специализированного судебного контроля, который позволит обеспечить дополнительные гарантии сохранения адвокатской тайны, исключив возможность несанкционированного доступа правоохранительных органов к сведениям, составляющим профессиональную тайну защитника. При этом важен переход от декларативного запрета к созданию процессуального механизма, позволяющего суду на стадии санкционирования оценивать не только формальные основания проведения оперативно-розыскных мероприятий, но и их соразмерность с учетом особого правового статуса адвоката.

К.С. Чердынцевой предложена концептуальная система требований к нормотворчеству в рассматриваемой сфере, которая, на наш взгляд, заслуживает поддержки и развития. К числу таких требований относятся:

1) терминологическая определенность – использование устоявшихся понятий, апробированных, в частности, в законодательстве о защите судей, что позволит избежать разночтений при применении гарантий;

2) комплексность – отражение гарантий независимости адвоката не только в профильном Законе об адвокатуре, но и в отраслевом законодательстве (УПК РФ, ГПК РФ и других законах), создание единого межотраслевого правового режима;

3) четкость формулировок – исключение размытых и оценочных понятий, которые в правоприменительной практике нередко интерпретируются в ущерб профессиональным интересам адвоката;

4) обеспечение реализуемости – новые нормы должны содержать механизм практической реализации, а не оставаться декларативными [10, с. 41].

В качестве образца применения такого подхода приводится возможная редакция изменений в ст. 18 Закона об адвокатуре, конкретизирующая запрет на вмешательство и устанавливающая обязанность государства по защите адвоката и членов его семьи [10, с. 41]. Подобная конкретизация, на наш взгляд, должна быть дополнена указанием на юридические последствия нарушения данного запрета, включая возможность привлечения виновных лиц к ответственности и право адвоката на компенсацию причиненного вреда.

Анализ содержания приведенных в пример позиций из Обзора свидетельствует о том, что функции комиссий по защите профессиональных прав адвокатов не ограничиваются выдачей заключений. Комиссии дают разъяснения, а также принимают иные меры в интересах корпорации. Это свидетельствует о формировании публично-корпоративного элемента в механизме защиты. Вместе с тем представляется обоснованным предложение о расширении полномочий комиссий, вплоть до наделения их правом прямого обращения в суд и правоохранительные органы с требованиями о пресечении нарушений. Такая мера позволила бы трансформировать корпоративный контроль из

реактивного в превентивный институт. Дополнительно следует усилить дисциплинарную практику, которая, поддерживая авторитет корпорации, одновременно служит сдерживающим фактором для недобросовестного поведения как внутри адвокатского сообщества, так и со стороны внешних участников правоотношений.

В доктрине справедливо указывается на недостаточность правового регулирования вопроса об использовании адвокатами технических средств для фиксации информации, что порождает конфликтные ситуации при проведении следственных действий. Как видится, разрешение этого вопроса лежит в плоскости не только нормативного закрепления права адвоката на аудио- и видеозапись, но и внедрения единых стандартов взаимодействия. Цифровизация взаимоотношений адвокатуры с государственными органами (включая переход на защищенные каналы связи и электронный документооборот) способна нивелировать административные барьеры, обеспечить прозрачность и фиксируемость действий каждой из сторон, что в долгосрочной перспективе уменьшит количество конфликтов, связанных с несвоевременным рассмотрением адвокатских запросов либо необоснованными отказами в допуске к доверителю.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что существующий механизм защиты профессиональных прав адвокатов в значительной степени сохраняет декларативный характер. Принятие Положения 2024 г., безусловно, усилило корпоративную солидарность, ввело обязанность адвоката по самозащите и расширило понятийный аппарат. Однако практика правоприменения по-прежнему содержит примеры нарушений профессиональных прав адвокатов. Речь идет о незаконных обысках, отказах в допуске к доверителю, необоснованных отводах, игнорировании адвокатских запросов, а также действиях, создающих угрозу сохранности адвокатской тайны. Эти факты свидетельствуют о том, что точечные изменения, даже если они носят концептуальный характер, не способны устранить системные проблемы без комплексного подхода.

В связи с изложенным представляется необходимым реализовать следующие направления реформ:

1. Законодательное совершенствование – конкретизация гарантий независимости адвоката, усиление ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности, внесение изменений в нормативно-правовые акты отраслевого уровня для обеспечения единого подхода.

2. Реформирование корпоративных институтов – расширение полномочий комиссий по защите профессиональных прав адвокатов, создание фондов солидарной помощи и внедрение системы корпоративного страхования профессиональных рисков.

3. Государственная программа защиты адвокатов – разработка и принятие на федеральном уровне программы, включающей меры по обеспечению личной безопасности адвоката и компенсации ущерба, причиненного в связи с осуществлением профессиональной деятельности.

4. Правовое просвещение и повышение уровня правовой культуры – системная работа, направленная на формирование уважительного отношения к адвокатуре как среди сотрудников правоохранительных органов, так и в обществе в целом.

5. Цифровизация взаимодействия – внедрение защищенных каналов связи и электронного документооборота для направления адвокатских запросов и предоставления ответов на них, а также законодательное закрепление права адвоката на использование технических средств фиксации информации при проведении следственных и иных процессуальных действий.

Защита профессиональных прав адвокатов представляет собой комплексную проблему, решение которой требует консолидированных усилий законодателя, правоприменителя и адвокатского сообщества в целом. Ее успешное разрешение будет способствовать не только укреплению института адвокатуры, но и повышению качества правосудия, что в конечном счете соответствует интересам всего общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025 г., с изм. от 22.12.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2026 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности пункта 12 статьи 25 Федерального закона ”О безопасности дорожного движения” в связи с жалобой гражданина Шахова Сергея Владимировича» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Положение «О порядке осуществления защиты профессиональных прав адвокатов» (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 18.06.2024 г., протокол № 14) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Порядок осуществления защиты профессиональных прав адвокатов (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 22.03.2021 г., протокол № 22) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Гривцов А.А. Отвод адвоката как способ нарушения его профессиональных прав [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/9/26/otvod_advokata_kak_sposob_narusheniya_ego_professionalnyh_prav (дата обращения: 10.03.2026).

9. О ходе второго дня обучающего мероприятия для членов комиссий по защите профессиональных прав адвокатов // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/news/fpa/dany-prakticheskie-rekomendatsii-po-zashchite-prav-advokatov-v-razlichnykh-situatsiyakh/ (дата обращения: 14.03.2026).

10. Чердынцева К.С. Защита профессиональных прав адвокатов в России: теория, практика, перспективы // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 37–43.

Об авторе:

КУЛИКОВА Анна Олеговна – студентка юридического факультета, 2 курс бакалавриата направления подготовки «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: AO.Kulikova@yandex.ru

Protecting the professional rights of lawyers in Russia: problems and solutions

A.O. Kulikova

Tver State University, Tver

This article examines the protection of lawyers' professional rights in the Russian Federation. The topic is relevant given the growing number of violations in the exercise of lawyers' professional rights. The research focuses on the concept and system of lawyers' professional rights, the evolution of corporate mechanisms for their protection, systemic violations by law enforcement agencies, and the criminal procedural and constitutional-judicial guarantees of lawyers' legal status. It concludes that the existing protection mechanism is merely declaratory, necessitating legislative improvement, expanded powers for corporate commissions, the creation of solidarity funds, professional risk insurance, the introduction of a state program to protect lawyers, and the digitalization of their interactions.

Keywords: *advocate (attorney), professional rights, protection of advocates' professional rights, attorney-client privilege, independence of the legal profession, advocate immunity.*

About author:

KULIKOVA Anna – 2nd-year Bachelor's degree student in the field of "Jurisprudence" at the Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: AO.Kulikova@yandex.ru

Куликова А.О. Защита профессиональных прав адвокатов в России: проблемы и пути их решения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 258–269.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.
Подписана в печать 10.09.2026 г.

УДК 343.13:347.965:614.253
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.3.270

Институциональная роль адвокатуры в уголовных делах о привлечении медицинских работников к ответственности: профессионально-этический и междисциплинарный аспект[1]

Л.Г. Таран

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“», г. Москва

Статья посвящена профессиональной этике адвоката в уголовных делах медицинских работников. Цель – выявить повышенные требования к защите в условиях межотраслевого регулирования, судебно-медицинской экспертизы и общественного резонанса. Используются формально-юридический, междисциплинарный и сравнительно-правовой методы. Обосновано значение участия адвоката на стадии проверки сообщения о преступлении для предупреждения необоснованной криминализации профессионального риска. Сделан вывод о необходимости проверки экспертной методологии, анализа причинной связи и разграничения индивидуальной ошибки, организационного дефекта и системного сбоя.

Ключевые слова: ***а****двокатура, адвокатская этика, уголовная ответственность медицинских работников, медицинское право, судебно-медицинская экспертиза, причинно-следственная связь, «оборонительная медицина», профессиональный риск, криминализация медицинской деятельности.*

Право на квалифицированную юридическую помощь закреплено в Конституции РФ [1]. В делах о привлечении медицинских работников к уголовной ответственности эта гарантия особенно значима, поскольку оценка действий врача связана с клинической ситуацией и профессиональными стандартами. Актуальность темы подтверждается общественным вниманием к «врачебным» делам и статистикой уголовных дел, связанных с оказанием медицинской помощи [11, 14]. Данные Верховного Суда РФ о крайне низкой доле оправдательных приговоров в 2024 г. усиливают значение качественной защиты на ранних стадиях, когда еще возможно предотвратить необоснованную криминализацию профессионального риска [11]. Цель статьи – определить этические требования к адвокату в данной категории дел и показать, что стандарты защиты выступают не только частной гарантией прав доверителя, но и элементом публичной функции адвокатуры.

[1] Статья опубликована по итогам II Международного конкурса студенческих научных работ памяти профессора П.А. Кучеренко «Институт адвокатуры и его роль в современном правовом государстве». Конкурс проводится РУДН им П. Лумумбы, юридический факультет ТвГУ выступает соорганизатором Конкурса (приказ № 4-р от 13.01.2026 г.).

© Таран Л.Г., 2026

Правовой статус адвоката как независимого профессионального советника закреплен в Федеральном законе от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [8], где адвокатура признается институтом гражданского общества, действующим на принципах независимости и самоуправления. Обязанности адвоката – честно, разумно и добросовестно отстаивать права доверителя [8]. Профессионально-этические стандарты конкретизированы Кодексом профессиональной этики адвоката: независимость, добросовестность, сохранение адвокатской тайны, недопустимость конфликта интересов [9].

В уголовных делах о привлечении медицинских работников эти нормы наполняются особым смыслом. Независимость означает недопустимость принятия формальной позиции обвинения под давлением. Добросовестность предполагает активную проверку доказательств, включая экспертные заключения. Разумность требует междисциплинарного анализа клинических обстоятельств. Таким образом, в таких делах профессиональная этика адвоката имеет не только внутрикорпоративное, но и более широкое правовое значение.

Под уголовными делами о привлечении медицинских работников понимаются дела, где уголовно-правовая оценка дается действиям при исполнении профессиональных обязанностей, включая квалификацию по ст. 109, 118, 124, 293 Уголовго кодекса РФ (далее – УК РФ) [3]. Их анализ требует обращения к уголовному и уголовно-процессуальному праву, законодательству об охране здоровья, правилам обработки персональных данных, подзаконным актам и клиническим рекомендациям [2, 3, 6, 7]. Защита предполагает не формальное сопоставление с диспозицией, а анализ клинической ситуации, условий оказания помощи и профессионального контекста. В отличие от экономических и налоговых дел, специфика здесь определяется не столько документацией, сколько клиническим решением, неблагоприятным исходом и экспертной интерпретацией причинности. Межотраслевой характер создает риск нормативных конфликтов [5; 7; 15, с. 41–54], поэтому адвокат обязан обеспечивать осмысленный анализ применимых норм.

В рассматриваемых делах решающее значение часто приобретает экспертное заключение: оно влияет на установление причинно-следственной связи, оценку дефекта помощи и выбор статьи обвинения. Этическая обязанность защиты – не в формальном принятии заключения, а в проверке его методологической корректности, полноты и логической непротиворечивости. Компетентность адвоката здесь приобретает принципиальное значение.

Одним из системных эффектов уголовно-правового давления на медицинскую деятельность выступает «оборонительная медицина»: страх преследования способен формировать практики самозащиты –

отказ от сложных пациентов, избыточные назначения, чрезмерное документирование – в ущерб клинической целесообразности. С этической точки зрения адвокат обязан учитывать этот эффект: игнорирование системного контекста влечет риск необоснованного возложения индивидуальной ответственности за организационные дефекты, что выходит за пределы справедливого уголовного вменения.

Проблема разграничения индивидуальной ошибки, организационного дефекта и пределов уголовного вмешательства не ограничивается российским правопорядком. В сравнительно-правовом контексте показательно дело медсестры Р. Воут (Radonda Vaught), связанное с ошибочным введением пациентке препарата vecuronium вместо седативного средства и последующим уголовным преследованием [18]. В дискуссии акцент был сделан не только на личной ошибке, но и на системных условиях лекарственного обеспечения [16, 17]. Этот кейс подтверждает, что защита должна учитывать организационный контекст и границы допустимого уголовно-правового реагирования [16, 17, 18].

По данным Следственного комитета за 9 месяцев 2025 г. возбуждено 1 408 уголовных дел, связанных с оказанием медицинской помощи, за аналогичный период 2024 г. – 1536 [14]. По данным Верховного Суда РФ доля оправдательных приговоров по уголовным делам в 2024 г. составила менее 0,3 %, что усиливает значение стадии предварительной проверки [11]. Качество правовой помощи на этапе проверки сообщения о преступлении (ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса РФ) часто предопределяет, будет ли возбуждено дело и какова будет квалификация [2]. Значение защиты на ранней стадии подтверждается исследованиями, посвященными обеспечению права на защиту лиц, в отношении которых осуществляются процессуальные действия, направленные на изобличение в совершении преступления, в том числе до возбуждения уголовного дела [10, с. 30–32].

Участие адвоката на этой стадии выполняет не только частную защитную функцию, но и институциональную – как процессуальный фильтр, препятствующий необоснованной криминализации профессиональной деятельности. Усиленный стандарт защиты включает сбор медицинской документации, анализ клинических рекомендаций, формирование вопросов к эксперту, проверку причинной связи и альтернативных факторов исхода, а также коммуникацию с доверителем без ложных ожиданий. Тем самым адвокат обеспечивает правовую проверку того, не превращается ли профессиональный риск в уголовное обвинение без достаточной связи с личной виной.

Показательным примером институциональной роли адвокатуры является эпизод, приведенный в публикации Legal.Report о Г.М. Резнике, Г. Падве и А. Кучерене: Г.М. Резник описывает дело о неблагоприятном исходе переливания крови, где обвинение было предъявлено медбрату и

врачу-ординатору, тогда как первопричиной стала ошибка на этапе выдачи крови [13]. Адвокат сосредоточился на установлении действительной причины, на вопросах личной виновности и причинной связи, противодействуя ведомственному стремлению возложить ответственность на наиболее уязвимых участников. Этот кейс показывает, что активная защита является не агрессивностью, а профессиональной обязанностью там, где высок риск неверной уголовно-правовой оценки.

В конце 2024 г. принят закон, исключивший применение ст. 238 УК РФ к медицинским работникам при оказании помощи [4]. В научной литературе уже обращено внимание на то, что введенное примечание к ст. 238 УК РФ требует самостоятельного толкования и может неоднозначно повлиять на формирование практики квалификации ятрогенных преступлений [12, с. 192–201]. Это требует точного разграничения профессионального риска, ненадлежащего исполнения обязанностей и ситуаций, где уголовное вменение чрезмерно. Возрастает значение корректной квалификации по ст. 109, 118 УК РФ [3, 4]. Этическая задача адвоката состоит в том, чтобы своевременно пресекать подмену правовых конструкций и удерживать квалификацию в пределах принципа вины и запрета объективного вменения [3].

Проведенный анализ показывает, что повышенный стандарт профессиональной этики адвоката в медицинских уголовных делах не сводится к общему требованию добросовестности. Он включает междисциплинарную компетентность, критическую работу с судебно-медицинской экспертизой, проверку причинной связи, выявление организационных факторов неблагоприятного исхода и активное участие на стадии проверки сообщения о преступлении.

Институциональная роль адвокатуры проявляется в том, что деятельность адвоката выступает процессуальным механизмом, препятствующим превращению профессионального риска, организационного дефекта или системного сбоя в персонализированное уголовно-правовое вменение. В этом качестве участие адвоката поддерживает баланс между охраной здоровья, правами пациента и пределами допустимого уголовного вмешательства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 20.07.2012 г. № 125-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) «О донорстве крови и ее компонентов» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 26.07.2026 г.) «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 31.05.2002 г № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 г. (в действующей ред.) // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/ (дата обращения: 26.06.2026).

10. Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Обеспечение права на защиту лицам, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 30–38.

11. Верховный суд России раскрыл число оправдательных приговоров в 2024 году // РИА Новости. 17.04.2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20250417/sud-2011925793.html (дата обращения: 26.06.2026).

12. Дронова Ю.А. К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений с учетом примечания к статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 192–201.

13. Семенова Д. Дело № 1: Резник, Падва, Кучерена // Legal.Report. 17.02.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://legal.report/delo-1-reznik-padva-kucherena/ (дата обращения: 26.06.2026).

14. Следственный комитет сообщил о незначительном снижении частоты уголовного преследования врачей // Медвестник. 27.10.2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Sledstvennyi-komitet-soobshil-o-neznachitelnom-snijenii-chastoty-ugolovnogo-presledovaniya-vrachei.html (дата обращения: 26.06.2026).

15. Чукреев В.А. К вопросу о квалификации преступных посягательств в сфере донорства крови // Legal Bulletin. 2023. Т. 8, № 2. С. 41–54.

16. AHA Statement in Response to the Sentencing of Former Nurse Radonda Vaught // American Hospital Association. 13.05.2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.aha.org/press-releases/2022-05-13-aha-statement-response-sentencing-former-nurse-radonda-vaught (дата обращения: 26.06.2026).

17. Kelman B. In Nurse's Trial, Investigator Says Hospital Bears 'Heavy' Responsibility for Patient Death // KFF Health News. 24.03.2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://kffhealthnews.org/news/article/radonda-vaught-fatal-drug-error-vanderbilt-hospital-responsibility/ (дата обращения: 26.06.2026).

18. Radonda Vaught v. Tennessee Board of Nursing // Tennessee Administrative Office of the Courts. 20.03.2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tncourts.gov/courts/court-appeals/opinions/2025/03/20/radonda-vaught-v-tennessee-board-nursing (дата обращения: 26.06.2026).

Об авторе:

ТАРАН Людмила Геннадьевна – магистр права, врач-трансфузиолог, выпускница факультета права ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“» (101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20), e-mail: ya.opk-kgb@yandex.ru

The institutional role of the bar in criminal cases involving the prosecution of medical professionals: a professional-ethical and interdisciplinary perspective

L.G. Taran

National Research University Higher School of Economics, Moscow

The article examines the professional ethics of defense lawyers in criminal cases involving medical professionals. The purpose is to identify increased defense requirements in the context of interdisciplinary regulation, forensic medical examination and public resonance. The research uses formal legal, interdisciplinary and comparative legal methods. The author argues that participation of a lawyer at the stage of review of a crime report prevents unjustified criminalization of professional medical risk. It is concluded that the enhanced standard of competence includes verification of expert methodology, analysis of causation and distinction between individual error, organizational defect and systemic failure.

Keywords: *advocacy, legal ethics, criminal liability of medical professionals, medical law, forensic medical examination, causation, «defensive medicine», professional risk, criminalization of medical activity.*

About author:

TARAN Liudmila – Master's Degree in Law, transfusion medicine physician, graduate of the Faculty of Law of the National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000), e-mail: ya.opk-kgb@yandex.ru

Таран Л.Г. Институциональная роль адвокатуры в уголовных делах о привлечении медицинских работников к ответственности: профессионально-этический и междисциплинарный аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 270–275.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право решением Президиума ВАК включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:
170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.
Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.
Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);
технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;
law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право *№ 3 (87), 2026*

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 17.09.2026. Выход в свет 28.09.2026.
Формат 70 x 108 $^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,15.
Тираж 500 экз. Заказ № 164.
Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.
Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.
Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*